

A stylized, high-contrast illustration of a landscape. The background is a dark, textured brown. In the foreground, there are several horizontal, wavy bands of a lighter brown color, suggesting a field or a body of water. In the middle ground, there are dark, jagged shapes representing mountains or hills. On the left side, a large, gnarled tree with many thin branches is depicted in a golden-brown color. The overall style is graphic and expressive, with a focus on bold shapes and a limited color palette.

Р.ШОЙХЕТ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

РОМАН ШОЙХЕТ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

ПОВЕСТЬ

Хабаровское
книжное
издательство
1978

СЧАСТЬЕ ОБРЕТАЕТСЯ В ТРУДЕ

В 1928 году мне — тогда работнику Хабаровского окружкома ВЛКСМ — в первый раз пришлось побывать в Биробиджане. Впрочем, название это, как и сам город, появилось позднее. Тогда же была станция Тихонькая — одна из затерявшихся на длинном пути безвестных железнодорожных станций. О намечавшихся здесь переменах — это был район, отведенный по решению правительства для переселения трудящихся евреев — говорили только три-четыре свежесрубленных барака да вереница сгруженных с платформ дорожных машин — грейдеров, катков, тракторов. От станции ходу им пока не было: дальше шли немеренные версты таежного бездорожья. Но на релках и среди степного травостоя — в Валдгейме, Бирофельде — уже осели «островками» на земле первые группы переселенцев. Молодые колхозники обстраивались на новом месте, корчевали релки, распахивали целину.

Труд земледельца, который в царской России был недоступен трудящимся евреям, на дальневосточной земле нашел многих энтузиастов. Парни и девушки, приехавшие из западных областей, с жаром взялись за новое для них дело. Овладевали профессиями трактористов, полеводов, скотников, доярок. Писали письма знакомым, приглашали их сюда (не скрывая и трудностей своей жизни в необжитых пока местах). Завязывались связи со старожилами — русскими крестьянами, украинцами, белорусами. Постепенно обживался обширный район в междуречье Биры и Биджана, складывались те братские отношения людей разных национальностей, о которых правдиво пишет автор повести «Родная земля».

Сегодня Еврейская автономная область, начало которой было положено трудом тех первых переселенцев, имеет многоотраслевую экономику, развитую промышленность, сельское хозяйство, культуру. На дальневосточной земле люди нашли радость и счастье, применение своим силам, талантам. Это проявилось и в такой сложной, специфической области, как литература. Бывший тракторист Исаак Бронфман стал известным еврейским поэтом. На земле Биробиджана начинали свой путь Эммануил Казакевич и Евгений Долматовский.

Трудится и сегодня здесь писатель Борис Миллер.

Роман Самойлович Шойхет — представитель молодого поколения еврейских советских писателей. Он родился в 1931 году в семье колхозника в Николаевской области на Украине. В десять лет ему пришлось эвакуироваться из родного села в Казахстан; вернулась семья в разоренный до тла фашистскими оккупантами колхоз через три года. Всего натерпелись женщины и мальчишки-подростки, поднимая из пепла село. В 1948 году семья Шойхета переселилась в Еврейскую автономную область. Здесь, в колхозе, закончил он школу-семилетку, начал работать. Отсюда ушел в Советскую Армию. После службы вернулся в село, работал трактористом в колхозе «Новая жизнь». Затем — был на разных работах в отделении «Сельхозтехника» в Биробиджане, продолжал учиться в десятилетке, стал журналистом, сотрудником областной газеты «Биробиджанер штерн». Печатать свои рассказы, очерки Роман Шойхет начал в 1963 году. Он был участником Иркутского семинара молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока в 1974 году. Повесть «Родная земля» — первое крупное произведение молодого писателя.

Время, о котором пишет Роман Шойхет, было нелегким для села: первое послевоенное десятилетие. И хотя хозяйство колхоза, куда после демобилизации из армии приехал Яша Печерский, было создано давно и отношения между людьми в коллективе уже сложились, тут возникало немало серьезных трудностей. И не только в развитии колхозного производства, но и особенно в отношении людей к труду, к общественному достоянию, в сфере морально-нравственной. Это мы видим и в семье председателя колхоза Фрейдина, в котором нетрудно угадать одного из первых переселенцев.

Жизнь села писатель берет в момент, предшествующий новому подъему, заметному рывку вперед. Продуманно и тщательно готовит людей к наступлению колхозная парторганизация, секретарь райкома Гуцылюк. Повести Романа Шойхета присуща светлая, оптимистическая тональность. И есть в ней свой колорит, связанный с многонациональным составом коллектива. Интернационализм советских людей, их сплоченность, товарищеское отношение друг к другу — это как бы сама атмосфера жизни героев произведения, ее не всегда и замечаешь, как не замечаешь порою воздуха, которым дышишь.

Внимательный читатель отметит не только знание автором жизни села, но и ряд моментов автобиографических. Удалось писателю женские образы повести. Автор любит своих героев, умеет выделить и подчеркнуть главное в их характерах, видит ближнюю и дальнюю перспективу. Это делает его произведение очень современным, близким сегодняшнему дню.

Николай РОГАЛЬ

I

Яша Печерский подошел к клубу, когда заседание правления артели уже закончилось и у крыльца мужчины торопились накуриться перед кинофильмом. С ним здоровались, о чем-то расспрашивали. Яша отвечал невпопад. Накануне он уговорился с Зоей встретиться здесь: она обещала дать окончательный ответ ему. А сейчас ее почему-то здесь не было. Правда, Яша задержался в поле, и теперь он думал, что Зоя, не дождавшись, ушла или вообще не приходила.

Пройдя в зал, он сел на краешек боковой скамьи. Отсюда хорошо был виден вход и можно было разглядеть сидящих в клубе колхозников. В этом селе Яша жил всего несколько месяцев, но уже узнал многих людей. Высокий, сутуловатый председатель колхоза, муж его тетки Брайны, Наум Фрейдин, говорил что-то Козырину, председателю сельского Совета. А тот, почесывая выпирающие смуглые скулы, согласно кивал головой. Варвара Щепетова, сестра Зои, гордо вскинув красивую голову, в венце толстых золотистых кос, неотрывно смотрит на полотно экрана. Чуть дальше, прислонясь спиной к стене, дремлет Лева Штейн. Рядом — жена его, Белла, невысокая, крепкая, налитая здоровь-

ем. Время от времени она дергает Леву — будит. Штейн, словно вспугнутая лошадь, вскидывается после толчка, виновато кивает длинноносом лицом, но тут же снова роняет голову на грудь. «Чудак. Ему и здесь достается», — усмехается Яша, и взгляд его, скользя по заполненным скамьям, останавливается на долговязом Ефиме Мазаннике, потом на Григории Слободенюке, на красивом, седовласом Макаре Егорове.

После прохладной, пьянящей свежести вечернего поля муторно было дышать терпким, кисловатым воздухом тесного помещения. Яша терпеливо ждал: может быть, Зоя еще придет.

Погас свет, сухо застрекотал киноаппарат, и на ожившем квадрате экрана с первых же кадров — война. Мелькали согнувшиеся фигуры солдат в мокрых плащ-палатках, их лица с усталой решимостью. К холодному низкому небу вздымались фонтаны земли, взрывы снарядов; частили очереди автоматов.

Полуприкрыв глаза, Яша вспоминал военные годы. Он снова увидел себя на дне яра под Аксаем, вспомнил Покровск, озорницу Любку и ее мать Екатерину Михайловну, которая по утрам, возвращаясь из госпиталя, приносила вкусные маленькие пирожки.

Воспоминание было таким ярким, острым, что Яша не выдержал, пригибаясь, стал пробираться к выходу. Сошел со ступенек, постоял еще около крыльца и, закулив, не спеша побрел к Амуру. Люди пробили тропку в густом разнотравье высохшей протоки. По ней он и спустился к самой реке. Амур был спокоен в этот вечер, сонно колыбался под бледновато-зеленым светом луны, и только у полузатопленной карчи, на которую Яша сел, чуть-чуть завихрялась вода.

Яша снял кепку и повесил ее на обглоданный огрызок корневища, поерошил чуб, нагнувшись, опустил руку в воду. И ощутил упругую силу течения. И снова потекли обрывки воспоминаний, растревоженных началом фильма. Лица матери и Зои, отца, размытый уже временем облик Бориса... Яше виделись широкие, заросшие бурьяном послевоенные улицы Берловки, залитые зноем полуденного солнца, и голубоватый ломаный гребень еланцевских сопок, мягко приткнувшихся у горизонта. Он видел ковыльную степь, начинавшуюся у крайних хат Берловки и уходившую далеко за зыбкий

горизонт. И казалось, что горьковатый полынный ветер, касавшийся сейчас его губ, пришел оттуда, из далекой берловской степи.

Уткнувшись подбородком в колени, Яша глядел на пенящиеся внизу струйки воды и мысленно оглядывал прожитое время до того часа, когда в Хабаровске он ступил на борт теплохода.

Уже за полночь Яша Печерский, истомившись на жесткой скамье общей каюты, вышел на палубу. Ущербный месяц, недавно еще висевший над притененными зарослями тальника, успел спрятаться, и теперь на иссиня-черном небе, словно просыпанная зернистая соль, зябко подрагивали бледные звезды. За паромом, окрашивая воду в оранжевый цвет, тянулся клин отраженного света. Во мгле уплывающие берега угадывались только по редким красноватым точкам створных фонарей.

Яша нашел затишок на корме. Навалиясь грудью на перила, он закурил. И впервые после армейской службы, после встречи с сестрой он услышал, как журчит вода за кормой — путь впереди предстал перед ним коротким, но тревожным. За время службы в армии Яша повидал разные края, свои и чужие, видел и воды Одера, и Волги, и тяжелую темно-серую зыбь могучих сибирских рек, но они, вызвав интерес к себе, сердца не затронули. А сейчас, к Амуру, он испытывал уже другое, связывая дальневосточную реку и с новым для себя селом, и новой землей, на которой ему предстоит пустить корни. Но вместе с тем он и робел перед скорой встречей с матерью и хотел, чтобы оставшееся расстояние теплоход пробежал не так скоро.

Яша вспомнил, как в городе, возле памятника Пушкину у входа в институт, на шею ему кинулась высокая блондинка. Он вначале даже оторопел: подумал тогда, что прошедшие годы, должно быть, настолько же состарили его мать, насколько повзрослили сестру и его самого.

Сестренкина подруга по институту Зоя, не расставшаяся с зонтиком, хотя дождя и в помине не было, весь день суматошно таскала их по городу — на строящийся стадион, в дендрарий, в парк к Амуру и в цирк.

Она, как и сестра, искренне огорчилась, узнав, что у него уже есть билет на теплоход.

Позади по железному настилу зацокали чьи-то шаги. Яша швырнул окурок в воду и оглянулся. Потирая кулаком заспанные глаза и покачиваясь, шел матрос. Мельком глянув на Яшу, он ухватился за конец линия, привязанный к сходням, поволок их к проходу. Затем вернулся и стал неторопливо разматывать чалку.

— Слышь, служба, — чуть хриловатым со сна голосом окликнул он Яшу. — Закурить не найдется?

Яша вынул из кармана бушлата портсигар и молча протянул его матросу. Тот заглубившись пальцами выудил папиросу, спросил:

— В Еланцы, что ли?

— Туда.

— Минут через двадцать дойдем... — Матрос зябко передернул плечами, затянулся, кивнул на чемодан. — Отстрелялся, значит?

— Да, на сверхсрочной был, — сказал Яша.

— Фь-ию-ю! — присвистнул матрос. — Небось и войны еще прихватил?

— Немного, — запахивая отвороты бушлата, односложно ответил Яша.

Вскоре из темноты, вырванный лучом надпалубного прожектора, стал наплывать крутой, поросший голым кустарником берег. Яша был единственным пассажиром, сходящим в Еланцах, и матрос улыбнулся ему на прощание как старому знакомому. Шурша галькой, Яша побрел в гору, гадая, как отыскать дом матери. Но уже через сотню шагов в темноте он столкнулся с странной фигурой, закутанной по-зимнему в долгополую шубу.

— Здорово! — старческим тенорком прошепелявил встречный. — Что-то никак не угадаю. Не признаю, чей ты?

— Я, дед, не здешний.

— А пошто тогда к нам?

— Ишь любопытный, — хмыкнул повеселевший Яша. — Мать у меня здесь живет. Печерская Фира.

— Во-она-а кто-о ты, — оживился старик. — Ну как же мне, паря, не слышать, ежели мы со Львовной-то столько годков в суседах.

— Тогда растолкуй мне, пожалуйста, как дойти до пасть?

— А чо растолковывать-то? Пойдем со мной, в аккурат до самой избы и доведу. Мне-то все едино, как ночью коротать.

— В сторожах ходишь?

— Караулю лавчонку. Там добра-то — худой кот больше наплачет. А надоть — полагается.

Изредка оглядываясь, Яша шел, глубоко вдыхая чистый воздух прохладной майской ночи. Позади, шаркая разношенными валенками, поспешал старик.

У развилки двух улиц он остановился, перевел дух.

— Вон изба-ка ваша.

Улица, приткнувшись к Амуру, выгибалась полудугой. Здесь Еланцево как бы делилось надвое. Яша с минуты смотрел на брусчатый дом под шиферной крышей, потом негромко сказал:

— Спасибо, дед! Спасибо тебе!

— Рядом с вами дом Матрены Курилиной, а моя изба чуток наискосок. Вона, у черемухи. Сдам утром объект свой и наведуясь.

— Приходи, дед. Четок поставлю.

Яша, перехватив в другую руку чемодан, пошел через двор к крыльцу. Дверь сеней оказалась запертой. Опустив у ног чемодан, Яша закурил, жадно вдыхая дым. Потом уж он постучал. В доме по-прежнему было тихо, и он хотел было постучать еще раз, но тут послышался грохот задетого стула, все так же в потемках кто-то пошлепал к двери.

— Кто там? — спросил сонный, с такой знакомой, милой хрипотцой мамин голос.

Яков не мог сразу ответить, потом тихо сказал:

— Я, мама.

— Кто-кто? — Голос матери дрогнул.

— Да я же, мама, я!

Дверь, опасливо было приоткрывшаяся, распахнулась, гулко стукнулась о стенку. В проеме, белея исподней рубашкой, стояла мать.

Яша подхватил свою маленькую мать и на руках внес ее в дом. Припав к груди сына, обнимая его, Фира не плакала, не причитала — она молчала. И так, наверное, молчала бы вечность. Поглаживая ее волосы и

ни слова.
— Ой, чтоб меня! — всплеснув руками, заторопилась она. — Яша, Яшенька... Ты же голодный, сыночек мой!

Она шарила по плите спички, засветила семилитровую лампу, висевшую сбоку от незашторенного окна.

— А зачем же электролампочка у вас висит? — спросил Яков.

— А-а, больше для фасона, — суется, собирая на стол, сказала Фира. Она то и дело касалась сына то сухонькой рукой, то острым плечом. — Свет горит только до двенадцати. На большее духу нету. Но даже когда горит — это сплошные муки. То еле-еле светится, то моргает, то еще с ним какая-нибудь болячка. Чи движок такой, чи мотор. Одним словом, горе у них там крутится. Сыночек, ну что ты стоишь, как гость? Сними уж свою фуражку и садись к столу. Ты же забыл вкус домашнего, а? Ой, что это я! Надо же Багряну разбудить!

— Я уже встала, мама, — глуховато прокашливаясь, отозвалась из-за окрашенной дощатой перегородки Багряна — жена старшего брата, погибшего на войне, — и вышла из спальни. — Ну, здравствуй, солдат! Чи командир? Встань, покажись.

Яков усмехнулся:

— В чинах не разбираешься. Я — старшина!

— Ой-ей-ей.

Скрепляя гребнем тяжелый узел волос, Багряна подошла к Яше и, слегка прижимаясь мягкой грудью, породственному подставила для поцелуя губы. Полноватые губы ее, как и прежде, были ярки и пухловаты. Казалось, Багряна ничуть не изменилась за эти десять лет. Как и раньше, ее походка была легкой и скорой, крепкой и по-девичьи стройной осталась фигура. Румянец по-прежнему красил ее смуглое миловидное лицо, а в заспанных глазах виделась затаенная грусть.

Целуя невестку, Яша отметил, что в смолисто-черные волосы ее пробралась седина, вокруг глаз и на переносице видны тонкие, похожие на трещинки морщинки. И смуглота ее чуть приувяла. Но Багряна все еще была хороша. Яша, присев к столу, продолжал незаметно ее разглядывать.

«Сколько лет ей? — подумал он. — Тридцать. Всего тридцать. Укатало ее горе...»

— Ты что так смотришь? — столкнувшись с его пристальным взглядом, полушепотом спросила она.

— Хорошеешь все, вот я и смотрю. Не понимаю, где у здешних мужиков глаза, — улыбнулся Яков.

— Ага, — засмеялась, краснея, Багряна и, задорно шевельнув плечами, глянула быстро в зеркало на простенке. — Цвету, як придорожный будяк.

— Еще как цветет, — сказала Фира. Положив на клеенку деревянный кружок, она поставила на него сковороду с пузырящейся яичницей-глазуньей. Достала из шкафчика хлеб. — Цветет, а для кого? Я ей уже тысячу раз говорила: найди себе хорошего человека да выходи за него, и живите себе на здоровье. Если что не так будет, то Мишка останется у нас.

— Не надо, мама, об этом, — тихо попросила Багряна. — Уже говорено не раз. Не надо.

— Шо значит, не надо, шо? Я старше тебя и, наверно, лучше знаю, что говорю. Ты же губишь свои молодые годы, понимаешь это или нет? А Мишке, думаешь, хорошо без мужика в доме? Что из него вырастет — босяк, хулиган?

Яша еще не научился воспринимать все эти, не относящиеся к службе, события. Он понимал, о чем спорят мать с Багряной, и в то же время домашние дела еще не доходили до его сознания. Он думал, что здесь как бы остановилось время: вот постарела мать, стала худа и говорлива, и потускнела, будто выгорела на солнце, жена не вернувшегося с фронта Бориса. И сама-то жизнь их переместилась на девять тысяч километров на восток от родной Берловки на Украине. А с другой стороны, ничего будто и не изменилось за это время, словно из отцовского дома Яков вовсе никуда не уходил. И он вдруг почувствовал себя ненужным здесь и неожиданным. Сразу прихлынула к рукам и ногам тяжелая усталость, отяжелели веки: не мог Яков поднять глаз — смотрел, не мигая, прямо перед собой куда-то в угол, мимо матери, мимо Багряны, хотя и видел их обеих.

— Да... Да... А где же Мишка? — глухо спросил он.

— Спит. Не буди его, — ответила Фира.

— Он, наверно, большой уже?

— Большой, — обтирая полотенцем бутылку с водой, улыбнулась Фира. — С Первого мая ночует на вышке. Говорит, закалка организма. А Багряну вон раза по два в месяц в школу вызывают. Взял за моду технику и целыми днями пропадает в гараже. Нашел там себе какого-то товарища. Теперь, может, ты хоть на него повлияешь.

— Ну, шо поделаешь, як он дуже любит машины, — вступилась за сына Багряна. — Возле них и вертится.

Нарезав хлеб, она отошла к плите, прислонилась к стене и, скрестив под грудью руки, искоса следила за Яковом.

— Знаю я эти машины. Знаю, кто его приваживает, — снова проворчала Фира.

В словах матери Яше почудился какой-то намек.

— Ну, перекуси, сынок, и отдыхай. Ты уже, слава богу, дома! — Мать подошла к сидевшему у стола сыну, припала к нему и лишь теперь облегченно заплакала.

2

Первые солнечные лучи вызолотили нижние края окон дома Печерских, просочились между неплотно сдвинутыми шторками и коснулись лица Якова, спавшего в горнице на диване. Не открывая глаз, Яков несколько мгновений прислушивался к оживленному чвиканью воробьев на карнизе. Когда в горницу долетел еще и слегка приглушенный толщей стен петушиный крик, Яша негромко засмеялся. Вот теперь он действительно дома! Потянувшись через валик дивана, он достал со стола часы и цокнул языком:

— Ого! Почти восемь...

За долгие десять лет Яков впервые проспал лишних два часа. Он быстро оделся и прошел на кухню. Ни матери, ни Багряны, ни племянника Мишки дома не было. Взяв полотенце, он зачерпнул из кадки ковш воды и вышел на крыльцо.

Чисто подметенный двор чем-то напоминал Якову их старый берловский двор: вдоль одной стороны ограды были забиты колья и на них сохли стеклянные банки; и тонкие деревца были высажены со стороны фасада, и в привычном месте находился перелаз в огород. Одним словом, мать и здесь, в Еланцах, обжила двор и при-

усадебный участок так, чтобы уголок этот напоминал ей далекую родину.

Мать в белой косынке и ярко-синем вязаном жакете, надетом поверх нового, в крупную горошину ситцевого платья, стояла около курятника с небольшим ситом в руках. Маленькими горстями она брала из него пшеничные отходы и сыпала их прямо на спины толкавшимся вокруг нее курам и уткам.

— А что так рано? Поспал бы еще, — сказала она, обернувшись к Якову.

— Привычка, мам...

— Ну иди тогда, я тебе солью.

Высыпав из сита оставшийся корм, Фира взяла у него ковш, полотенце и отошла к плетню.

Умывшись и насухо растирая полотенцем спину, шею и грудь, Яша кивнул головой на всадника на взгорке:

— Мама, кто это там маячит?

— Так это же наш Наум, наш дорогой председатель. Так Яша впервые увидел мужа своей тетки Брайны.

— А чего он там?

— Я знаю? — развела руками Фира. — Оглядывает свое хозяйство. Смотрит: кто и когда плетется на работу.

— Интересно. Еще есть люди, которых надо просить, чтоб они работали?

— Что ты меня спрашиваешь? Когда на трудодни ничего не давали, находились такие. Даром даже чирей не садится. Сперва это место надо расцарапать. А теперь, когда в каждом доме завелось немного пшеницы, картошки, гречки и даже мед, я таки не могу понять, что людям надо. Каждый завел себе коров, чушек, гусей, кур. А огороды? Ты бы посмотрел — это уже не огороды, а целые плантации. Где тут в колхозе работать? Успевай дома хрип гнуть. Вот он и мучается, председатель. Уговаривает каждого, ругается. По правде сказать, так у него тоже не легкий кусок хлеба. Ну ладно, идем в дом. Сегодня я уже тоже не пойду на парники. Слушай, — вдруг остановилась она. — Может, Наума позвать? Познакомись со своим дядькой. И Мишку пора будить.

— Конечно. Хватит ему дрыхать.

— О-о, если бы он знал, кто приехал, то не дай бог... — улыбнулась Фира, тяжело поднимаясь на

крыльцо. — Ну буди его. Лезь вон по той лестнице. А я Наума позову.

Яков не ступил и на вторую перекладину лестницы, как вверху стукнула откинутаая дверца и в темном проеме чердака показался Мишка. И через двадцать лет Яков легко признал бы в нем родню, благодаря узкому, с характерным для всех Печерских смуглому, горбоносому лицу.

Было в облике Печерских что-то фамильное, что отличало их от других берловцев за версту. Высокие, тонкокостные, но не худые. Особенно это было заметно в мужчинах — упругая сила чувствовалась в Печерских. У них и походка какая-то широкошагая, но неторопливая — и ни одного лишнего движения во время ходьбы, корпус собран, но свободен. А руки всегда, в любое мгновение, могли взяться за инструмент или оружие. Но особенно запоминались лица. Солдаты греческого пехотного батальона из американской дивизии, с которыми на Эльбе встретилась танковая рота, где служил Яков Печерский, долго пытались говорить с ним по-гречески, не веря тому, что он еврей, а не грек.

Мишка прищуренным глазом глядел сверху на Яшу.

— Ну чего застеснялся?

— Дядя!.. — пробормотал Мишка и чуть не кубарем скатился вниз по лестнице.

Яков сгреб племянника в охапку, засмеялся, потом поднял его за локти над головой и понес в дом. Когда они вошли на кухню, Фира уже собрала завтрак. Да такой, что на столе не найти свободного места. В центре, обступив запотевшую бутылку, вынутую, видно, из подпола, стояла горка соленых огурцов и квашеная капуста, заправленная луком и постным маслом, глазунья и жареная картошка, сало, толстое, розовое, словно изморозью, искрящееся крупинками соли, и вареная курятина, копченая рыба и большая банка загустевшей сметаны.

— Ты, мам, столько еды наставила, словно ждешь в гости целый взвод.

— Я не знаю, что такое взвод, а ты вот кушай на здоровье. — Фира мимоходом погладила его рукой по лицу.

— Ну, а где Багряна? Где мой дядя?

— Он сейчас придет. А Багряна — через полчаса.

Но вместо председателя Фрейдина на пороге неожиданно появился вчерашний старик.

— Ну дык вот, — задребезжал его тенорок. — Я, паря, и пришел на четок, как уговорились.

— И хорошо сделал, дед! Садись.

Старику, видно, не привыкать в этом доме. Стянув с себя телогрейку, он бросил ее в угол, туда же отправил облезлую шапку и, пригладив на висках и затылке седые волосы, придвинул к столу табурет.

— Ну что, выпьем или Наума с Багряной подождем? — еще раз окидывая взглядом стол, спросила Фира.

— А чо ждать-то? Небось и им достанется, — за всех решил старик и по-свойски, перехватив у колеблющегося Яши бутылку, привычным шлепком вышиб пробку. Разливая водку по стаканам, он говорил: — Водка, надо бы тебе знать, Львовна, хреновина, шибко вредная для людей. Об этом дохтора говорят. А для нас, мужиков, она первостатейный враг. А ежели так, — старик поднял корявый палец, затем постучал им по наполненному стакану, — то ее надоть уничтожить. Уловила? Так-то. А теперича, коль дело прояснилось, выпьем за твоего сына, суседка, дай бог ему здоровья. Сынов не кажен день встречать приходится. Куды больше провожать довелось...

Старик моргнул глазом, потер его пальцем, и Яков понял, что он уже где-то слегка хватил.

Вот и Багряна переступила порог, перевела дух.

— Фу-у, запыхалась. Доброе утро! О, и Агеич уже тут?!

— А как же! — вытирая вспотевший лоб, отозвался старик. — Ить я первый вашего гостя встрел. Без меня, стало быть, вам бы и пить было грешно.

— Ну, конечно, — засмеялась Фира и достала из шкафчика вторую бутылку.

Агеич через стол потянулся к Багряне чокаться.

— Токо ты уж, милая, попервам штрафной выпей.

— Ну добре, я выпью. А вот тебе, Агеич, вже слабо.

— Не подзуживай его, Багряна, — посмеиваясь глазами, сказала Фира. — А вдруг да Петровна заглянет? Дед вздрогнул и даже на мгновение отставил стакан.

— Ты, Львовна, не ворожи. А то с моей старухи станется. Хоша нет, — подумав, Агеич снова взял в руки стакан. — Сейчас она, однако, занята.

Дед все же торопливо опорожнил стакан. И сделал это вовремя: не успел он прожевать кусочек сала, как в дверях появилась его жена — высокая, сухопарая старуха. Фира с Багряной поглядели друг на друга и расхохотались.

Поздоровавшись, старуха прямо с порога шагнула к мужу.

— Эдак тебя и к ужину не дожدهшься. Так-то ты домой поспешаешь, а? — И, разглядев, что старик уже под хмельком, она всплеснула худыми руками. — Уже нагрузился! Господи, и откель ты токо про ее узнаешь?

— Нюх, старая, нюх. Он меня наводит, как борзую на дичь. — Агеич выпятил грудь. — А тут грех не выпить. У соседей ить гость дорогой.

Агеич, видимо, зная норовистость своей супруги, опасливо завертел шеей, заерзал. Но Яша, улыбаясь перебранке стариков, заступился за деда:

— Вы его не ругайте, пожалуйста. Это я во всем виноват. А вас тоже милости просим к столу.

Вскоре и председатель спешился у ворот, и, пока он привязывал коня к стояку ограды, Яков успел разглядеть его через окно. Фрейдин был чуть выше среднего роста, сухощав, лет сорока пяти. Под тонким носом на продолговатом смуглом лице темнел аккуратный квадратик усов. Диагоналевая офицерская гимнастерка, перехваченная широким комсоставским ремнем, брюки галифе и легкие парусиновые сапоги подчеркивали подбористость его фигуры. Захлестнув поводья и мимолетно потрепав холку коня, он, чуть сутулясь, пошел к дому.

— Ну, золовка, — сказал он Фире, поджидавшей его у крыльца. — Какой у меня племянник объявился, покажи.

Поздоровавшись со всеми и назидательно погрозив пальцем Агеичу, Фрейдин крепко пожал руку Якову.

— Ну что ж. Я тебя примерно таким и представлял.

Фира усадила Фрейдина на свое место, поставила перед ним чистый стакан, кинула на колени вафельное полотенце.

— Ну, выпьешь с нами, Наум Моисеевич?

— С утра вообще-то нехорошо пить. Но ради такого случая, налей немного.

Агеича тем временем совсем развезло. Он говорил, обращаясь то к Якову, то к Фрейдину:

— Ить в них, в бабах, ежели подумать, никакого понятия нету. Вот, хоша сейчас, ворвалась моя старуха. Ну пущай выпил я маленько. Так ить не с бухты-барахты, по причине приезда хорошего человека. Нам ить теперь вместе жить, верно? Надо познакомиться, узнать друг дружку. А отсель я домой пойду. Когда выпивши да после ночного дежурства, оно и спать приятнее.

Фрейдин, позавтракав, вытер губы и руки полотенцем, затем повернулся к старику.

— Ты, Агеич, не ершись. Петровна твоя права — заливать ты стал частенько, сверх меры.

— А, чо вы понимаете! — махнул обидчиво рукой старик, поднялся и, отталкивая жену, поднял с пола телогрейку, шапку.

— Пора и мне, — вышел из-за стола Фрейдин. — Спасибо, Фира, накормила. Ну, Яков, а к нам когда? Тетка ведь тоже хочет тебя видеть!

— Попозже зайду.

— Давай заходи. Я дома буду — поговорим и о работе.

— Дай ему отдохнуть немного, — вмешалась Фира.

— Ничего. Успеет и отдохнуть.

Проводив Фрейдина до ворот, Яша увидел поджидавшего его у крыльца Мишу.

— Дядь, ну пойдем! — напомнил он.

— Куда же вы? — из сеней спросила Багряна.

— Я просил его показать мне село.

В солнечном дворе тепло и тихо. На перильцах крыльца, расслабленно свесив лапу и хвост, дремлет кошка. Вдоль ивовой ограды тянется молоденькая лебеда. Неподалеку от сарая, в зольнике, копается шумливая стайка воробьев. Чуть в стороне от них, гордо и одиноко, застыл огненно-рыжий петух.

Взглянув мимоходом на двор, на шифер крыши, закрывая за собой калитку, спросил:

— Так в какую сторону двинем?

— Пойдем вот этой улочкой, — предложил Мишка. — Магазин наш увидишь, почту, потом школу.

— Нет, пойдем лучше туда, — разгадав замысел Мишки, решившего, очевидно, похвастать своим дядей, сказал Яков, показав в сторону густых зарослей позади села, за какими-то хозяйственными постройками. — Кстати, что там у вас?

— Так это склады Радунского.

— А за ними?

— За ними ничего нет, — сказал Мишка. — Там начинаются пашни, потом протока, а за ней — марь.

— Вот и пошли туда. Поглядим, что за штука такая — марь.

3

Заворг райкома партии, моложавый, подтянутый мужчина лет тридцати пяти, опустил на рычажки телефонную трубку и взглянул на Якова.

— Товарищ Гуцылюк ждет вас.

В кабинете первого секретаря, вполоборота друг к другу сидели двое. Один, прервав разговор, на миг повернул к Якову курносое лицо и рукой указал на стул. Яков сел.

В просторном кабинете светло и не по-казенному уютно. Может быть, такое впечатление возникало из-за узких ковровых дорожек или от глиняных горшков с геранью и калачиками на подоконниках, а возможно, и от больших, хорошо вымытых окон.

— Слушаю вас, молодой человек, — мягким южным говором произнес секретарь райкома Гуцылюк, обращаясь теперь уже к Якову. — А ты, Васильич, — сказал он поднявшемуся было собеседнику, худощавому, седоголовому мужчине, — пока не уходи.

Секретарь Гуцылюк был грузноват, медлителен в движениях. И хотя он еще не стар — от выпуклого лба шли ранние залысины. Яков через стол протянул ему партбилет, отдал также и удостоверение. Секретарь взял документы и, не надевая очков, уткнулся в них близоруко, стал рассматривать.

— Так-так, — спустя минуту сказал Гуцылюк, пылливо поглядев на Якова. — А где служил?

— Последнее время — в ГДР.

20

— Далековато. Что же тебя заставило после демобилизации махнуть на другой край страны? Ты вроде бы с Николаевщины, так? Дивчина сманила, что ли?

— Да нет, — слегка покраснев, ответил Яков. — Мать у меня здесь, в Еланцево. Родня вся здесь. Переехали сюда в годы войны — тут и прижились. Просторно у вас тут...

— Так. Надо полагать, товарищ Печерский, — секретарь еще раз глянул в раскрытый партбилет, — ты приехал к нам насовсем. Где думаешь трудиться?

— В колхозе, разумеется. По земле соскучился, по работе. Как-никак десять лет в армии. Войну захватил, и потом еще...

— Ну что ж, гарно, — одобрил секретарь райкома. — Хорошо, что и мать у тебя здесь и что по земле стосковался. Верно, Ермолай Васильевич? Кстати, познакомьтесь — Ермолай Васильевич Якимов, директор Амурьевской МТС. Еланцевский колхоз «Новая жизнь» — его зона. Так что, товарищ Печерский, за работой обращайся прямо к нему.

— Дело найдем, — вступил в разговор Якимов. У него неожиданно оказался густой, рокочущий бас. — У нас во второй бригаде, у Бакшина, как раз нет помощника. Так что, при желании, можешь хоть завтра приступить. Я распоряжусь.

— Помощником бригадира? — подняв глаза на директора МТС, переспросил Яков.

— Да. А что? У тебя армия за плечами. Да еще танкист. Я не ослышался?

— Нет, — ответил Яков. — Не ослышались.

Он вдруг вспомнил, как в Хабаровске на речном вокзале старая цыганка предложила ему погадать. Он со смехом отмахнулся от нее. И цыганка хрипло крикнула ему вслед: «Слышь, чернявый! Чтоб ты за это всю жизнь в колхозе бригадиром был!»

«Наворожила», — подумал Яков, усмехнувшись.

— Ну, вот видишь, Печерский, — не заметив его усмешки, сказал Гуцылюк. — У нас все быстро решается. Значит, договорились. Становись на учет, оформляйся в МТС, и, как говорится, успехов тебе на мирной ниве.

Гуцылюк протянул Якову руку.

— Я вот что хотел... — пряча документы в карман

21

гимнастерки, сказал Яков. — Я сначала хотел бы поработать просто на тракторе.

— А что так?

Яков неопределенно пожал плечами.

— Ответственности испугался, что ли? — Гуцылюк разочарованно побарабанил пальцами по столу. — Ты бывший командир, Печерский, старшина. Чего же боишься?

— Да нет, товарищ секретарь. Дело не в этом. Быть помощником бригадира — надо людей учить, наставлять. А я и трактористов не знаю, и землю эту, да и от работы, честно говоря, отвык. Сначала надо припомнить все, а уж потом видно будет.

Гуцылюк и Якимов молча переглянулись.

— Скажи, — немного помолчав, спросил Гуцылюк, — ты знаком с постановлением мартовского Пленума ЦК партии? Прекрасно! А помнишь, что там говорится о кадрах механизаторов? Сколько инженеров и техников снято с заводов и фабрик и направлено для работы в село? Ты думаешь, партия, срывая с производства столько специалистов, не знает о том, что этим самым народному хозяйству наносится урон? Знает и все же идет на этот необходимый шаг. Настало время решительных преобразований в сельском хозяйстве. А ты, коммунист, автотракторный механик, хочешь быть простым трактористом. Логика есть тут, Печерский, а?

— Я все понимаю и во всем с вами согласен, — сказал Яша. — Но хоть немного дайте освоиться.

— Вот упрямый, — устало проговорил Гуцылюк. — Я ему битых полчаса втолковываю, а он про свое. Ну добре, — вдруг уступил он. — Два месяца... Нет, хватит одного. Работай пока на тракторе. Ермолай Васильевич, так приказом его и оформи.

Утром следующего дня Яков ехал в поле. Он пристроился на задке пропитанной маслом и горючим заправочной телеги и, глядя на остающиеся позади вихляющие колеи, на улежавшуюся за ночь стылую пыль, думал о тракторе, что ему достанется. Думал о том, каким человеком окажется его будущий напарник и как его вообще примут в бригаде...

Кроме Яши и невысокого заправщика, по-грачино-

му горбившегося на доске, уложенной поперек грядущек телеги, в поле ехали еще четыре механизатора. Одного из них, толстощекого с густой каштановой щетиной и округлым, как у женщины, подбородком, Яша хорошо видел, стоило ему лишь чуть скосить глаза. Других же он толком не успел разглядеть: пришел Яков на хозяйственный двор, когда телега с трактористами уже отъезжала, и он едва успел усесться.

— Я слышал, четыре новых «Дэтушки» пришли в МТС, — сказал толстощекий. — Вот бы нам хоть один. СТЗ-то надоел.

С другой стороны телеги ему ответили низким голосом, в котором слышалась ухмылка:

— Держи карман. Другие не то, что наш...

Тракторист осекся. Видимо, опасался нового человека.

— Чего вы зря переживаете? — рассудительно вступил в разговор еще один механизатор. — Отдадут более нуждающимся бригадам.

— Валентин, это кто же «более нуждающиеся»?

— А хотя бы и дубовская бригада, — сказал тот, кого звали Валентином. — Она сплошь переселенческая.

— Ладно, кому дадут, пусть те и радуются, — неожиданно согласился пухлощекий Яшин сосед. — Филипп, — это уже относилось к заправщику, — а ты почему едешь за Гаркушу?

— Он малость прихворнул.

— Понятно. Килу на место вправляет, да? — под смех механизаторов справился толстощекий.

— А это ты у него сам спроси, — буркнул заправщик.

Яков слушал разговор механизаторов и с интересом разглядывал новую для себя степь. Слева от дороги, окаймляя сухую протоку, утыканную кочками со следами весеннего пала, стеной стояли тальники. Справа, словно вырастая из земли, у горизонта пышно кучились белорозовые облака. В голубизне майского неба жизнерадостно трезвонили жаворонки, их песни странно сплетались сейчас с приглушенным стуком колес. Казалось, в степи баюкалась тишина и тоже прислушивалась к песням жаворонков, к негромкому погромыхиванию колес и слабому шелесту ветра, налитанного запахом нагретой земли.

Лошади, отдохнувшие за ночь, бежали резво и через какой-то час домчали телегу до полевого стана.

Бригадир уже не молод. Но от всей его фигуры и узкоглазого скуластого лица, от широких в запястьях рук и от полных, вислых плеч веяло недюжинной силой. Не торопясь бригадир подвинул на столе посуду, положил на освободившееся место магнето, отвертку, вытер руки о мешковину и выудил из кармана кисет. Свернув сигарку, он пытливо, снизу вверх, оглядел Якова, вставшего в этот момент в дверях вагончика.

— Печерский, — представился ему Яков. — Прибыл для прохождения дальнейшей, так сказать, службы.

— Васильич звонил мне вчера. Знаю. Только тракторов-то свободных нету. Может, на прицеп покуда пойдешь: на плуг или на сеялку?

Яков недоуменно пожал плечами. Из беседы в райкоме партии он понял, что в бригаде помимо помощника бригадира не хватает еще нескольких трактористов.

Но тут кто-то из механизаторов сказал:

— Как нету, Илья Иваныч? А «Натик»?

— Что «Натик»? — живо обернувшись к подсказчику, неожиданно взъерошился Бакшин. — На нем Мясоедов работает.

— Да где там работает, — с досадой прозвучал тот же голос, и Яша увидел говорившего. Это был плотный, коренастый мужчина с серым, невыспавшимся лицом. Он сидел на нарах в углу вагончика и перематывал портянки, не глядя на Бакшина. — «Натик» у Мясоедова стоит да ржавеет.

В вагончике дружно засмеялись. Улыбнулся и Яша.

— Будет вам, — сверкнув глазами, отмахнулся Бакшин. — Сами тоже не шибко какие мастера! И ты, Козлов, чем мне советы тут давать да зубы скалить, шел бы и очистил свой трактор от грязи. Его вскорости не отличишь от Штейновой чушки.

Видимо, Штейн когда-то насмешил еланцевцев: едва бригадир упомянул его имя, в вагончике снова грохнул хохот. Смеялась даже суровая на вид повариха. Один только Бакшин оставался серьезным.

— Ну чо, чо ржете-то? А ну-ка мотайте отседова!

Солнце вон куда забралось, а вы все тут хаханьки строите. Давай-давай иди! — И, когда последний из парней протиснулся в дверь, Бакшин сказал: — Ну, слышал про «Натик»? Он стоит больше, нежели работает. Мужики правду говорили. А окромя его нет у нас свободных тракторов. Садись на него, ежели охотка. Токо заранее предупреждаю: запчастей на этот трактор нету. Ни у нас, ни в МТС. Старье.

Идя в бригаду, Яков понимал, что на новый трактор ему нечего рассчитывать. Новичкам их не дают. Это везде неписанный закон. И, окажись он на месте Бакшина, Яков сам поступил бы точно так же. «Э-э, с чего-то надо начинать».

— Что ж, я согласен, — сказал он негромко.

— А чо, бери! — усмехнулся Бакшин. — Эвон он, красавец, у борозды стоит.

СТЗ-НАТИ стоял метрах в сорока от вагончика, за двумя поржавевшими десятикубовыми цистернами, вкопанными до половины в землю. Старенький, весь в ошметках засохшей грязи, трактор замер прямо у дороги, придавив расшитой гусеницей прошлогодний бурьян. А рядом, у снятого со ступицы направляющего колеса, сидел на корточках узкоплечий, белобрысый парень, вертел в руках покореженный сепаратор подшипника. Увидев незнакомого человека, он привстал, вытер руки о замасленный комбинезон.

— Здорово, друг! — приветствовал Яша тракториста. — Что, ремонтируемся?

— Угу, — проворчал тот и, потеряв нос, неприязненно взглянул на Яшу.

Яков, заложив руки за спину, неторопливо обошел трактор, заглянул в раскрытую дверцу кабины. Тихо насвистывая, остановился у двигателя, скovyрнул пальцем ком грязи с кронштейна вентилятора, потрогал поочередно стаканчик отстойника, карбюратор, свечи и вернулся к пареньку, наблюдавшему за ним.

— Ну что, мужик, давай знакомиться. Меня Яковым зовут. С сегодняшнего дня будем вместе трудиться на этой лошадке. А тебя как зовут?

— Гошка.

— И давно ты, Гоша, с этим трактором загораешь?

— С апреля. Я зимой энтээсовские курсы закончил. Еще ни одного дня толком не поработал. — Гошка за-

сопел от непроходящей обиды и отчаянно махнул рукой. — Всунули старье — и будь здоров. Никому до меня дела нету.

— Подшипники надо было вовремя солидолом набить, — сказал Яша, присев над колесом и трогая рукой втулку.

Парень виновато переминался.

Положив сумочку с харчами в кабину, Яков сказал:

— Знаешь, что машина любит в первую голову? Ласку, чистоту и смазку. Все равно, как человек. Понял? А у тебя трактор мохом оброс. Вот с этого, Гоша, давай и начнем.

С двух сторон они принялись обметать, скovyривать и смывать застарелую грязь. За этим занятием их и застал Бакшин, надумавший поглядеть, чем занимается новый тракторист. Ведя в поводу оседланную лошадь, бригадир какое-то время издали наблюдал за ними, а затем подошел поближе.

— Чистим? — как можно спокойнее спросил он, хотя про себя злился на новичка.

— И моем, — не оборачиваясь, в тон бригадиру ответил Яша.

— А я, грешным делом, думал, к обеду вы пахать поедете. — Бакшин неодобрительно покачал головой. — Солнце погрееет день-другой, и сою начнем сеять, а земля не готова. Пахать надо!

— Пахать мы сегодня будем обязательно, — взглянув сначала на Гошу, затем на Бакшина, ответил Яков. — Только выедем на ночь. А сначала хочу машину прощупать!

— Трактор не девка, — явно раздражаясь, сказал Бакшин. — И чистить его неделю нужно. Только зря провозитесь. Ты, Гошка, подшипник взял? Ставьте тогда ступицу, натягивайте гусеницу и — пахать.

Может быть, Бакшин и не стал бы так нажимать: он и сам понимал, что машина на ладан дышит. И много они на ней наработают — ну, часа три от силы. А там, гляди, еще что-нибудь полетит. Но понравившаяся ему поначалу независимость и обстоятельность новичка теперь раздражала его все больше. И даже манера Печерского говорить правильными словами раздражала. Неловко ему как-то делалось в присутствии Печерского.

И, «нажимая», Бакшин уже сердился на себя за несправедливость, но ничего с собою поделать не мог. Таков уж характер.

Он отвел в сторону коня, забросил ему на шею поводья и взобрался в седло.

— Гошка, — сдерживая пританцовывающего коня, сказал он Мясоедову. — Как кончишь давешний клин пахать, поезжай к Лебединому озеру. Там на релке пашня небольшая. Вот ее и начнешь.

— Ага, — понимающе мотнул головой Гошка, но, когда Бакшин отъехал на приличное расстояние, он зло выругался.

— Ты чего? — Яша удивленно взглянул на напарника.

— Ханыга, — сплюнул Гошка. — Ему лишь бы вытолкнуть трактор со стана, а там хоть трава не расти.

— А, хрен с ним! — вдруг весело сказал Печерский, опуская тряпку в ведро и снова принимаясь мыть. — Пока машину в порядок не приведем — не двинемся с места. Здесь столько земли гуляет — ужас!

— Да, пахать, конечно, есть что, — согласился Гошка. — Только нашей бригаде под сою не хватает гектар двести.

— Тогда Бакшин, пожалуй, прав. Давай поторопимся. — И Яшины руки задвигались еще рьянее.

К механизмам у Яши с детства особое отношение. Видимо, началось оно с отцовской кузни, где бесформенные ржавые куски железа становились лемехами, сошниками, тяпками или обычными скобами и пробоями. А когда он впервые, еще задолго до войны, увидел возле строящихся в Берловке мастерских МТС огромную машину, эта влюбленность окрепла. Яша тогда еще не знал законов взаимодействия шестерен и рычагов, но двигатель «Ярославца» для него был словно живое существо, дышащее теплом и силой. И теперь, несмотря на приобретенные им знания и опыт, в нем жило то первоначальное, изумленное отношение к машине.

Яша мыл блок трактора, а в глазах его вставал колесник ХТЗ. Ту машину — подарок покровских механизаторов его родному колхозу, тогда еще только освобожденному из-под фашистской оккупации, — сопровождать домой доверили ему.

И еще он вспомнил, как в дверь мастерской, где стоял трактор, вошел токарь с объемистым брезентовым свертком в руках. Все в МТС, да, пожалуй, и во всем Покровске знали, что в свертке лежит полный набор слесарного инструмента. И этот бесценный тогда дар тоже был передан пережившему оккупацию колхозу.

Чем дальше Яша скреб и мыл трактор, проверял магнето, сцепление, тяги фрикционов, тем он казался ему все более внушительным и надежным. Увидев замызганную машину с распластанной гусеницей, он не без внутреннего сопротивления принялся за неблагодарную работу. Но заставил себя делать ее тщательно и до конца, как привык в армии. Яша уже начал ощущать, что НАТИ не просто трактор у дорожной обочины, тепло и запах его металла, его скрытое пока от глаза чрево, как некогда запахи и жар родной машины, уже начинали проникать ему в душу. Эта машина становится Его машиной.

— Гоша, — спросил Яков, взглядывая на плуг. — А прицепщик есть у тебя?

— Есть. Ежели приехал, значит, в будке загорают. Тоже артист мне достался.

— А почему он тебе не помогает?

— Кто, Штейн? — хмыкнул весело Гошка. — Пушай уж лучше там сидит.

— Непорядок. — Яша подошел к плугу, провел рукой по начавшим уже тускнеть отвалам, потрогал ослабевшие лемеха, рычаг автомата. — Вот что, Гоша, тащи Штейна сюда.

Гошка нехотя отложил кувалдочку для сшивки гусеницы и трусцой побежал к стану. Вскоре он вернулся с пожилым невысоким колхозником.

— Шо такое? — слегка заикаясь, спросил Штейн и нацелил на Яшу по-рачьи выпуклые глаза.

— О-о, — обернувшись, усмехнулся тот. — По выговору чую, что вы мой земляк. Значит, вы у нас на прицепе? Это вдвойне приятно.

— За этим вы меня и звали? — удивился Штейн. — Пусть он сгорит, этот плуг. Все равно с калеченой техникой не заработаешь. Нема дураков. — Он было повернулся, намереваясь опять уйти в вагончик.

Но Яша остановил его.

— Вообще-то интересно, — усмехнулся он. — А си-

дя в будке, вы много заработаете? Вот что, дядя, приводить плуг в порядок придется вам. — Печерский достал из деревянного ящичка два гаечных ключа, молоток и протянул их прицепщику. — Вот, подтяните отвалы. Втулку у бороздного колеса набейте солидолом. Гоша, а полевые доски у вас есть? А лемеха? Тащи их сюда. Пусть тоже заменит.

Штейн растерянно проговорил:

— Ну, как вам это нравится? Тоже мне великий махер!

Но все же застегнул на все пуговицы засаленную телогрейку, кряхтя и чертыхаясь, полез под плуг.

4

— Цы-ып-цып-цып, — в течение нескольких минут, монотонно подвывая, сзывала разбредшихся кур Варвара Щепетова. — Цы-ып-цып-цып, чтоб вы сгинули, проклятые!

На Фрейдина, подсчитывающего что-то в своей тетради, голос ее действовал раздражающе, как скрежет гвоздя, царапающего стекло. У него что-то не получалось, и, вскочив, он ногою ожесточенно пнул табурет.

— Будет этому конец когда-нибудь или нет? — спросил он сидевших в крохотном, прокуренном кабинете агронома Римму Григорьевну и парторга Субботина. — Когда-нибудь мы сможем спокойно работать или нет?!

Ударом ладони он распахнул створки рамы и, высунувшись по пояс, взмолился:

— Варвара, ну перестань, ради бога! Сколько можно! Черт их не возьмет, твоих кур, если они и не пожрут до вечера. Не подохнут.

Женщина словно только и ждала этих слов председателя. Уперев в бок руку, она несколько секунд разглядывала маячившего в окне Фрейдина, а потом, расшвыривая ногами набежавших кур, пошла к нему.

— Как это не подохнут? — шуря глаза, вкрадчиво спросила она. — Как это не кормить, ежели я, можно сказать, с их только и живу? Ты, что ли, моих ребятшек годувать будешь? Много я с твоего колхоза-то получаю, а?

— Поменьше бы дома сидела, — уже с опаской промолвил Фрейдин.

— А не стыдно тебе в глаза мне глядеть! — шумела Варвара. — Тебе, значитца, мало, что я целыми днями на парниках. Ты бы хотел, чтоб и ночевала там?! А что твоя Брайна от безделья задницу напасла не хуже вон Ласточки, — это ладно?

Парторг, не поднимая от блокнота головы, примирительно сказал:

— Да брось ты, Наум Моисеевич! Что вы орете на все село?

Варвара с вербной недели пошла уже отмерять свой тридцать восьмой год. Однако круглое лицо ее все еще было свежим, и в теле — статном и сильном — сохранились еще гибкость и девичья живость. И с первого взгляда трудно было поверить, что она родила троих детей и что старшая дочь ее — уже студентка.

Фрейдин, несмотря на раздражение, невольно залюбовался ею.

— Ну ладно, Варвара, годи, — примирительно сказал он. — Ты еще не обедала? Ну, поешь спокойно и иди на парники. Пошумели — и будет.

— Нет! Я еще не все сказала. На работу я пойду, куда мне от нее деваться. Только ты, Наум Моисеевич, переводи свою контору теперь в другое место. Не хочу я больше ни ваших трудодней за избу, ни вас самих. Надоели, понял?

— Да ты что, с ума сошла? — Фрейдин даже задохнулся от негодования. — Больше нам забот нету, как контору туда-сюда перевозить! Эх, Варвара, Варвара! Столько работы подвалило, ломаем себе головы, где людей взять, а ты лезешь с ерундой.

— У меня, Наум Моисеевич, своих забот полный рот. Так что твои меня не трогают. До чего дошло! В своем дворе и будто чужая!

— Эх, Варвара, настырная ты женщина, — вздохнув, пожурил ее Фрейдин. — Бог с тобой. Освободим твою хату, не пожалей только.

Привычным движением Фрейдин расправил складки гимнастерки под широким ремнем, вернулся к столу и тяжело опустился на стул.

— Варвара, конечно, вредничает. А контору все же строить надо. Пора в люди выходить. Да и что это такое — правление во вдовой хате заседает! — снова берясь за карандаш, сказал он. Потом постучал в до-

щатую перегородку. — Миرونч! А ну-ка загляни на минутку.

В дверь комнатухи показалось благодушное лицо счетовода с клинышком аккуратно подстриженной бородки.

Фрейдин сказал:

— Миرونч, поди выпиши Варваре каких-нибудь продуктов в аванс. Ну, денег еще немного.

— Да, но...

— Никаких «но», — оборвал его Фрейдин. — Сказано, значит, выполняй. А то взяли моду... В общем, выпиши ей три пуда муки, соевого масла, ну и двести рублей денег. Ее можно авансировать, человек она работающий. Ну так что, Римма Григорьевна? Договорились? — вернулся он к прерванному разговору. — Значит, Петра Кулинича и Йоську Ковтуна на время сева сои переводим из овощеводческой бригады в бригаду Сорокина. Теперь поехали дальше. Вторая бригада. Вторая... — Он почесал в раздумье висок. — Ядринскому тоже бы надо подкинуть человека два в помощь. Но где их взять, а?

— Давай со стройки снимем? — подсказал Субботин. — Там у нас семь человек работает, будет пять. Трое из них — коммунисты. Я потолкую с мужиками, попрошу поработать лишние часы.

— Что ты, Иван Иванович, упаси боже! — протестуя, поднял руки Фрейдин. — С переселенческих домов снимать, с яслей? Нет, пусть работают. Плотников ни в коем случае нельзя трогать.

В это время к правлению верхом на буланом мерине подъехал бригадир второй полеводческой бригады Афанасий Ядринский. Взглянув на председателю Ласточку у ограды, он осторожно соскочил с седла и, кинув поводья на стояк, похромал в дом.

— Ты почему здесь, Тимофеич? — спросил Фрейдин.

— Заехал вот проведать вас, — сказал бригадир, облизнув почерневшие губы.

— Ты скажи, какой он внимательный до нашего самочувствия. Говори конкретно, чего ты нам голову морочишь? Сою начал сеять? Ну, вот. А сапоги, между прочим, надо на крыльце чистить.

— Я и так конкретно, — повышая голос, ответил Ядринский. — Вечером, Наум Моисеевич, ты меня спро-

силь, сколько бригадою за день сделано. А у меня на сцепках только по два сеяльщика. Много они нарабатывают? Пока все сеялки засыпят зерном, вот время и упущено.

— Нехай им трактористы помогут. У них животы от этого не заболят.

— Трактористы помогут — они же другого подчинения.

— Сегодня потерпи, а утром подкинем тебе мужиков. Ну, теперь все?

— Гм-м, кабы все.

— Что еще такое? — вскинулся Фрейдин.

— Новый тракторист за эти дни вместе с Мясоедовым больше ста гектаров весновспашки подняли, теперь мы его перекинули на сев. Ну, на те восемьдесят шесть гектаров, что за Никулышкиным логом. Он работал с утра, а сейчас, должно, стоит. Семян нету. Харитон Лопатников километра два не довез мешки, свалил у дороги. Надо бы туда, Моисеич, телегу подослать.

— Телегу тебе дай, двух сеяльщиков отыщи, — Фрейдин сердито затопал по кабинету. — Сам-то не можешь пошевелить мозгами?

Скуластое некрасивое лицо Ядринского пошло багроветь пятнами.

— Ладно. Поезжай на ферму и скажи от меня Продану, чтоб отдал тебе назад Штейна. Я к вечеру буду у тебя и погляжу.

— Штейна? Да его новый тракторист с плуга прогнал! Цирк.

Ядринский сплюнул и, поднявшись, тяжело захромал к выходу. Осколок мины давал о себе знать.

Фрейдин, подойдя к окну, молча глядел, как Афанасий взбирался в седло. Потом повернулся к Субботину.

— Иваныч, сними одного плотника, и поработайте вдвоем на сеялках, у него. А ты, Римма Григорьевна, поезжай к Сорокину, проследи, как там дела идут. Вечером встретимся у Ядринского, расскажешь.

Было далеко за полдень, когда Фрейдин выбрался наконец из села. Стало тепло; он расстегнул телогрейку и кинул поводья на луку седла, поехал медленнее, подставляя лицо пахнущему землей ветру. Горбатился в седле и думал. Мысли у Фрейдина были разные: о по-

садках кукурузы и картофеля, о начавшемся севе сои и о том, что вот-вот подоспеет сенокос. А тут еще подкинули задание распахать под яровицу четыреста гектаров целины и залежи.

Ласточка, не чувствуя хозяйской руки, свернула с тропки и на ходу пощипывала сочную траву. В одном месте, соблазнившись молоденькой плетью вязиля, потянулась за нею и угодила копытом в бурундучью нору. Споткнувшись, кобыла испуганно всхрапнула и шаркнулась в сторону. Фрейдин чуть не вывалился из седла, стегнул Ласточку поводом по шее.

Степь, согретая майским солнцем, лежала вокруг тихая и молчаливая. Гул тракторов, работавших теперь на отдаленных пашнях, сюда не долетал, и трели жаворонков, занятых устройством своих гнезд, тоже не нарушали тишину. Ветерок, тянувший низиной с Амура, сухо шуршал метелками высокой, уцелевшей от пала прошлогодней полыни. На закатной стороне, почти сливаясь с дымчатым хребтом, плыл небольшой косячок продолговатых туч. Края их, слегка оплавленные лучами солнца, искристо розовели, и казалось, что это от них наносит чуть уловимый душок горелой травы.

Показался невысокий гребень Киргина. Странная это была релка. Полтора-два метра в ширину, будто искусственная насыпь, сооруженная неизвестно кем и когда, релка перерезала степь на добрый десяток километров. Начинаясь она почти от самого еланцевского кладбища и обрывалась у высокого берега Большой Самарки.

На этой-то релке Фрейдин и заметил человека, призывно размахивающего руками. Фрейдин издали узнал Леву Штейна. Однако не понимал, как тот очутился на Киргине, вместо того чтобы быть сейчас у Никулышкиного лога. Обеспокоившись, Фрейдин пустил Ласточку в галоп.

— Несчастье ты колхозное, — трясясь в седле, крикнул Фрейдин. — Что ты делаешь здесь?

— Ой, товарищ председатель! — обрадованно закричал тот, устремляясь ему навстречу. — Это-таки очень хорошо, что вы тут оказались. А то, упаси бог, мне пришлось бы здесь всю ночь проторчать. Ну, что я говорил? Теперь вы уже сами-таки видите, что мне нельзя работать возле лошадей.

— Подожди, — остановил его Фрейдин. — Ты же должен быть сейчас у Никулышкиного лога? Что случилось?

— Мало ли где я должен быть. Может, я хотел сейчас очутиться в Одессе на Приморском бульваре, а я торчу здесь. И он еще спрашивает, как это случилось! Пхе, как вам это нравится? — возбужденно жестикулируя, заикаясь сильнее обычного, говорил Штейн. — Со мной ничего, хоть я и порвал себе штаны. А вот с этим психованным бандитом, с несчастным конем, чтоб он до вечера сдох, с ним-таки что-то случилось.

Продолжая сбивчиво рассказывать, Штейн, как заведенный, бегал вокруг Ласточки, в глазах его еще не исчез пережитый недавно испуг.

— Ладно, хорошо... Ну, погоди, — сказал Фрейдин. — Где телега, где лошадь, ты можешь толком сказать?

— Здесь, товарищ председатель, и телега, и этот бандит. Но зачем я буду говорить? Идемте со мной — и сами все увидите.

Фрейдин спешил и, ведя в поводу кобылу, пошел со Штейном к чаще. Тот семеня, спотыкался и размахивал длинными руками. Его худое, носатое лицо было таким озабоченно-потешным, что Фрейдин, боясь расхохотаться, все время отворачивал голову. Ему уже было не до ругани.

А случилось вот что. Когда заведующий фермой Продан велел Штейну отправиться во вторую бригаду подвозчиком семян, тот, кляня всех богов и чертей, с великой неохотой побрел к конюшне. За три года работы в колхозе он так и не научился обращаться с лошадьми. Штейн переселился в Еланцево из Кишинева, был когда-то неплохим портным в Одессе и в колхозе соглашался выполнять любую работу. Кроме той, что связана с лошадьми. Лошадь для Левы Штейна была источником всех бед и несчастий. Всеми правдами и неправдами он старался держаться подальше от конюшни. Но в селе не обойдешься без коня. То дровишек надо привезти, то соломки скоту на подстилку, то еще чего-нибудь. И, пряча страх, Штейн шел в конюшню, как на казнь. В таких случаях ему помогали колхозники или конюх Василий Новокшенов. Для Штейна они запрягали самого смиренного коня и,

если он ехал за соломой или сеном, увязывали передовку, укладывали бастрык. Чаще других это делал Вилька Новокшенов, постоянно вертевшийся возле конюшни. Хитро поблескивая косыми глазами, мальчишка за мелкую монету запрягал коня. Так Штейн и обходился.

На этот же раз ни сынишки конюха, ни других мужиков в конюшне не оказалось. Конюх, торопясь по своим делам, только показал, какого коня можно взять. Вначале все шло гладко, Лева даже не верилось. Помахивая хвостом, конь лениво трусил, и возчик, пригретый солнцем, даже задремал, удобно растянувшись на охапке сена. Но потом все и началось. Сначала развязалась супонь, затем с оглобли сполз гуж. Едва Лева поправил дугу и затянул супонь, как через сотню-другую шагов ослаб чересседельник. Потом с валька соскочила постромка. Штейн не заметил этого, а постромка, путаясь в ногах коня, била его по бабкам, и конь понес... Все больше распаляясь, он, словно слепой, свернул с проселка и во весь опор помчался по рытвинам, кочкам, кустам. Выронив вожжи, судорожно вцепившись в грядущки, злосчастный ездовик трясся в телеге, пытаясь поспоснее сесть. И, плача от бессилия и злости, кричал во все горло:

— Ой, мамочка! Да куда же ты прешь меня, разбойник! Ой, он сегодня убьет меня! Стой, ну стой, тебе говорят! Тпру-у, тпру-у, миленький. Ах, чтоб ты сдох, зараза!

На каком-то ухабе из задней оси выскочила стопорная чека, повихляв немного, сошло колесо. Телегу перекосило, и Штейна выбросило в кочкарник. Падая, он зашиб ногу, порвал штанину, но поднялся и, прихрамывая, побежал вдогонку за телегой. На его счастье, свернув в густой орешник, конь окончательно запутался и стал, тяжело поводя боками.

Немного подалее Фрейдин увидел кучу беспорядочно сваленных мешков с семенной соей. Рядом тархтел СТЗ-НАТИ, на узловатом буксире у него была старая лодка, до половины уже загруженная мешками. Яша Печерский, Гоша Мясодев и колхозник Степан Гуларин носили сюда мешки с семенами. Тут же была и агроном Римма Григорьевна. Прислонив свой велоси-

пед к гусеницам трактора, она, раскрасневшаяся, со сбившейся на шею косынкой, помогала ребятам.

Фрейдин, понаблюдав за ними, сказал:

— Молодцы! Кто из вас додумался?

Ребята прервали работу и замялись.

— А где ты эту лодку раскопал? — спросил Фрейдин Мясоедова.

— Тут недалеко, у протоки. Это деда Агеича лодка. По-моему, она гниет там с позапрошлого года, — сказал Гоша.

Лодку доверху нагроузили мешками. Яша тихонько тронул трактор, следя за туго натянувшейся проволокой. На малом ходу он спустился в лог и, лавируя между кочек, медленно поехал к пашне.

Когда сеялки заправили семенами, Фрейдин осторожно справился:

— Много вам тут осталось сеять?

— Гектаров шестьдесят, может, чуть меньше, — сказал Яков.

— Значит, еще дня два уйдет. — Фрейдин помолчал. — А может, вы прихватите сегодня часок-другой? Чтоб завтра переехать на другую пашню, а, мужики? Я на стане скажу Полине, чтоб ужин добрый вам сготовила и сюда привезла.

Все молчали.

— Можно, конечно, — подумав, ответил Яша. — Свет у нас не плохой, горючего хватит.

— Вы как хотите, а я не могу, — отказался Гуларин. — Вкалывать по двадцать часов в сутки?..

— Когда ты работал по двадцать часов?

— Ну не по двадцать, так...

— Да будет он работать, никуда не денется, — залезая в кабину трактора, сказал Яков. — Любит человек поворчать. А не захочет, мы вот Штейна в помощники возьмем.

Ефим Мазанник вышел со двора с твердым намерением сейчас же поговорить с Риммой Григорьевной. Он шел в темноте неровным тяжелым шагом, курил папиросу и думал вслух:

— Ну, что я теряю? Или она скажет «да», или она

скажет «нет». А почему она должна сказать «нет»? Я не пьяница какой-нибудь и не калека. По бабам не шляюсь. Я без жены, и она одинокая. У меня есть Раечка, у нее тоже сыночек. Ведь говорят, что даже вода и та сама не течет под лежащий камень.

Однако чем ближе Мазанник подходил к дому деда Агеича, где квартировала агроном, тем все более улещивалась его решимость, словно туман на ветру.

Возле отдельного входа через боковой дворик в маленькую пристройку у дома Агеича Мазанник остановился. Не совсем-то удобно явиться столь поздно на квартиру одинокой женщины. Что люди скажут, если увидят? Но следить за ним было некому. Улицы села были пустые и притихшие. Только под яром лениво ворочался Амур. Тянуло теплом от грядок вскопанного огорода, и от ивового плетня пахло прогретой за день корой.

В освещенном окне пристройки за плотными шторами двигалась неясная тень. «Не спит!» В комнате горела керосиновая лампа.

Мазанник в этот вечер, вероятнее всего, ушел бы домой, так и не повидав Римму Григорьевну. Но тут вынырнул неслышно откуда-то из темноты Агеич. Мазанник узнал его сразу, а старик какое-то время стоял молча, сясь слабыми глазами разглядеть человека, топчущегося у плетня.

— Кхе-кхе. Это кто же тут присох? — кашлянул Агеич. — О-о, никак ты, Ефим? Вот уж на кого ни в жисть бы не погрешил...

Мазанник испуганно отпрянул от плетня.

— Понимаешь, дед, — невнятно пробормотал он, — дело у меня до твоей квартирантки.

— А ежели дело есть — шагай в избу. А то стоишь тут, мнешься чего-то.

— Да вот поздно. Неудобно как-то...

— Другие и попозже ходят, и то ничо, — шурша в темноте папиросой и отыскивая спички по карманам, сказал старик.

— Что значит «ходят»?

Не словами этими, а тем, как они были сказаны, Мазанник выдал себя. Понял это тотчас, осекся и почувствовал, что кровь хлынула к лицу.

Старик тоже понял.

— Я говорю вообще, ежели кому надо, — ходют. И поздно, и рано. А нет надобностей, чо жа стоять за зря. Иди, иди.

Отступать было некуда. Мазанник приоткрыл калитку, бочком просунулся во двор и поплелся к пристройке. Дверь была еще не заперта, и в темных сенцах он наткнулся на табуретку, опрокинул ее. Стоявшее за ней пустое ведро с грохотом покатилося по полу. Мазанник окостенел. Единственным его желанием было как можно незаметнее выскользнуть назад на улицу. Но на освещенном пороге уже возникла фигура Риммы Григорьевны.

— Кто тут? — спросила она.

Мазаннику пришлось оторваться от стены.

— Это я, Римма Григорьевна. Добрый вечер! — ступив на освещенный квадрат пола, некстати поздоровался он.

— Мазанник?! Вы?! Что случилось?

— Я хотел... У меня дело есть, — опутив голову, промямлил вконец растерявшийся Мазанник.

— Дело? — Римма Григорьевна только тут сообразила, что стоит перед ним полураздетая, в юбке и комбинации. — Ну, хорошо, обождите. Я хоть оденусь.

Через минуту она открыла дверь.

— Входите. Только тише, пожалуйста. Сын спит. Так какое у вас ко мне дело?

Все началось не так. И ничего хорошего от своего визита Мазанник уже не ждал. Он мял в руках поношенную кепку.

— Я не знаю, стоит ли сейчас говорить об этом.

— Хорошенькое дело, — краешком рта усмехнулась Римма Григорьевна, по-женски чувствуя, что за поздним визитом тихого, стеснительного Мазанника кроется не простой разговор. — Если вы уж пришли, — скажите!

Мазанник словно впервые увидел ее. Женщину, прекрасную в своей зрелости. Да, пожалуй, он и вправду видел ее впервые — вот так близко, один на один. До этого, встречаясь с ней в поле или конторе, Ефим привык видеть агронома вечно чем-то озабоченной, деловой и собранной. А теперь, наспех одетая в расхожую юбку и жакетик, Римма Григорьевна стала и ростом будто пониже, и глаза ее, обычно смешливо-сощу-

ренные, сейчас устало глядели с расслабленного лица. И все в ней еще дороже стало Ефиму. Каждая черточка ее лица, руки, сцепленные под высокой грудью, стан, еще не утративший гибкости, — все отзывалось в нем радостью и болью. Ему было так приятно глядеть на нее, такую домашнюю, что у него даже перехватило дыхание.

Мазанник искоса взглянул на улыбающуюся женщину, суетливо заговорил. Но совсем не о том, зачем пришел.

— Римма Григорьевна, вы помните нашу беседу? Ну тогда, в конторе?..

— А-а, так это вы об арбузах, да? — сказала она.

— Ну да, Римма Григорьевна. Семена у меня есть первосортные, и участок для баштана я присмотрел неплохой. Гектаров восемь. Песчанистый такой чернозем, Римма Григорьевна.

— Я знаю, Мазанник, — она помолчала, чему-то улыбаясь. — Фрейдин говорит — чепуха. Не вызреют арбузы.

— Как не вызреют! — возмутился Мазанник. — Там же южный склон! Да и Киргин прикрывает пашню от ветров! Если даже затяжные дожди пойдут — так земля там песчаная.

— Хорошо, — не то соглашаясь с доводами Мазанника, не то намереваясь поскорее выпроводить позднего гостя, сказала Римма Григорьевна. — Завтра попробую еще раз поговорить с председателем. Утром приходите в правление. Вместе мы, возможно, убедим его.

Мазанник пошел к выходу, но у порога остановился. Римма Григорьевна удивленно посмотрела на него. Задерживаться было уж совсем неловко, и Ефим, поклонившись хозяйке, открыл дверь. «Ну что ж, поговорим в другой раз», — утешал он себя.

Римма Григорьевна в дом вернулась не сразу. Она прислонилась к шершавому косяку сенцев и, закрыв глаза, задумалась. Ей вспомнился недавний разговор около магазина, затеянный Мазанчихой, матерью Ефима. Та ласково расспросила о здоровье, о сынишке, говорила что-то о своем Ефиме. Сопоставив тот разговор и сегодняшний визит Ефима, Римма Григорьевна

сообразила — ее сватают. Она усмехнулась, потом тихо засмеялась и почувствовала, что плачет. Один раз она уже обожглась. Человек, которому она доверилась, был женатым, и, отрезвев от стыда, тоски и горя, она уехала чуть ли не на край земли — сюда, в Еланцево. Мазанник был вдов, но...

Римма Григорьевна не могла и не хотела думать ни о Мазаннике, ни о ком-либо другом. На ее дороге встретился человек, который вопреки всему стал дорог ей, хотя и был он гораздо моложе. Она чувствовала, что, кроме страданий и огорчений, эта любовь ничего не принесет ей.

Наутро возле правления Римма Григорьевна первым увидела Мазанника. Он сидел на завалинке, в самом неудобном месте. И она усмехнулась про себя: получается же у человека все неловко. Но потом сообразила: сел он здесь не зря, а потому, что видно ему отсюда всю улицу. Это он ее ждет здесь. И Ефим едва разглядел Римму Григорьевну, как сразу заулыбался и пошел ей навстречу.

— Доброе утро, Мазанник! — ставя велосипед у ограды, сказала она. — Фрейдин у себя?

— Да, бригадиров собрал.

— Тогда обождите. Я вас позову.

Мазанник присел снова на доску завалинки. Римма Григорьевна, легко ступая крепкими ногами, обутыми в парусиновые туфли, взбежала по гулким ступенькам крыльца.

— Вы бы хоть по одному курили, товарищи! Доброе утро! — сказала она, открывая дверь председательского кабинета.

— Здравствуй, здравствуй, агроном! — за всех отозвался Фрейдин, пододвигая ей единственный незанятый стул. Запрокинув голову, он обвел взглядом потолок, тонувший в сизых клубах дыма. — А действительно, насмолили! Ну-ка, кончайте дымить! Уважайте женщину.

Римма Григорьевна передвинула стул поближе к распахнутой двери, уселась и, подперев ладонью щеку, стала внимательно слушать. Речь шла о комплектовании людьми сенокосной бригады. Ее участие здесь было

не обязательно, но Римма Григорьевна обещала Мазаннику поговорить с председателем о бахче и решила подождать конца совещания.

Григорий Митрофанович Слободенюк — рыжеусый, голенастый мужчина лет пятидесяти, положив на табурет армейскую фуражку с выгоревшим верхом и пригладив редкие рыжеватые волосы, неспешно перебирал замусоленные листочки блокнота.

— Значит, так, — диктовал Слободенюк. — Пиши Антоську Грибову, Матрену Шилову, Хафизу Бадуту. Теперь еще Рахиль Гринфельд, Сарру Федоровскую и Агафью Баранову.

— Стоп-стоп, — перебил Фрейдин. — Агафья больна.

— Она хворала, пока ее Егор на курсах был. А сейчас носится, как стригунок, — косясь на Римму Григорьевну, лукаво заметил Слободенюк. — Ну, тогда можно взять Дуську Требух.

— С Агафьей и Евдокией семь человек. Маловато, — постукивая карандашом по тетради, сказал Фрейдин. — Ну, а если мы возьмем еще Марусю Тимченко и Фаину Резник? Кстати, там она будет поближе к Арону. Как ты думаешь, Римма Григорьевна?

— Недельки на полторы, до первой прополки, можно взять.

— Да? Тогда заберите уж всех овощеводов, всю бригаду.

— Ты не нервничай, Григорий Митрофанович, — подняв руку, спокойно промолвил Фрейдин. — Молчишь? Значит, без них потерпишь. А через десять дней, как раз на прополку капусты, они все вернутся. Даю гарантию. Ну, так, мужики. Мы с Субботиным и Резником еще кое-что уточним, завтра вечером эти списки и рабочий план вынесем на утверждение правления. А теперь идите по своим участкам.

Все поднялись. Фрейдин, перекрывая грохот отодвигаемых табуреток, позвал Бакшина.

— Илья Иваныч! Ты мимо конюшни пойдешь. Заверни, пожалуйста, к Василию — пусть подседлает мне Ласточку. Добре? Ну иди.

Когда за Бакшиным закрылась дверь, Римма Григорьевна сказала:

— Наум Моисеевич, хочу поговорить с вами по старому вопросу.

— По-моему, у нас с тобой все вопросы не старые, а вечные, — пошутил председатель.

— Помните разговор об арбузах? Мне кажется, Мазанник дело говорит.

— Ах, вот ты о чем. Пойми меня, дорогой мой агроном, — сказал Фрейдин. — Я не против арбузов. Десяток гектаров земли не жалко выделить. Только не вызреют они у нас. Я сам из-под Херсона и прекрасно знаю, какое солнце и какая земля нужны кавунам и дыням.

— Все верно, Наум Моисеевич. Но солища и тут достаточно, и землю подходящую найдем, — проговорила Римма Григорьевна.

— Вот агроном у нас настырный, а, Иван Иванович? — со вздохом Фрейдин повернулся к парторгу. — Что ты скажешь за нее? Допустим, мы выделим Мазаннику участок. Ну, а дальше что? Где семена, как их садить? Май-то кончается. И вообще, тебе, как специалисту, все это лучше известно.

Чувствуя, что председатель уже колеблется, Римма Григорьевна сказала:

— Я позову Мазанника, он, кстати, вас давно ждет. Пусть все сам и объяснит.

Увидев неторопливо ступающего Мазанника, Фрейдин с ходу накинулся на него:

— Что ты, Ефим, морочишь голову себе и агроному? Какие еще кавуны? Почему ты до сих пор не в поле? Я тут Продана ругал, что он тянет с посадкой, а оказывается — ругать-то надо тебя.

— Я хотел, Наум Моисеевич... Я думал, что... — переминаясь на ногах и тиская фуражку, начал Мазанник.

— Что ты думаешь и чего хочешь, я уже знаю. Мне «адвокат» твой доложил, — нетерпеливо перебил его Фрейдин. — Садись и расскажи, что ты там надумал.

По-настоящему, Мазанника следовало бы отчитать по всем статьям. Но ругать его Фрейдин не мог. И не только потому, что они с Ефимом были земляками — оба с Херсонщины. А не мог из-за того, что при разговоре с этим тихим, застенчивым человеком перед глазами всегда почему-то всплывало лицо умершей от гриппа Ханы — молоденькой жены Ефима, — и непрощенная жалость начинала при этом сдавливать горло.

— Все, что ты предлагаешь, Ефим, заманчиво. — Фрейдин говорил, не отнимая рук от лица. — И пашня, и семена. А как ты думаешь садить? Будешь тыкать в землю каждое семечко отдельно? Тогда ты к самому Новому году не справишься.

— Почему я должен тыкать? У меня все рассчитано. Буду садить обыкновенной зерновой сеялкой. Оставлю на ней три семяпровода с дисками, и все. Остальные гнезда временно заглушу. Я и валик подобрал, чтобы не крошить семена. Да и Римма Григорьевна вот поможет.

— А ты что скажешь, парторг?

— Я арбузы-то только в кино видел, — Субботин, с интересом слушавший их разговор, отвечал сдержанно. — Однако пусть пробуют. Если не вызреют — пустим скоту на корм. А будет удача, то хозяйство не останется в накладе.

— Мне тоже кажется, что стоит рискнуть, — поддержал парторга Резник.

— Ну что ж, — после недолгого раздумья согласился Фрейдин. — Считайте, что уговорили. Но если, не дай бог, не получится, вместе со мной подставьте бока на правлении. Кого тебе дать в помощники, Ефим?

Мазанник пожал плечами.

— Ну хорошо, возьми Варвару Щепетову. Баба она работающая, добросовестная. — И уже вдогонку, в спину Мазанника добавил: — Только сегодня посеи тыкву. Вечером проверю.

Во второй половине мая и начале июня в Приамурье стояла необычная для этих мест жаркая погода. Такого зноя, такой сухоты не помнили даже еланцевские старики. Долгими днями на безоблачном, словно бы линялом небе висел расплавленный диск солнца и сушил землю. И степь — от обмелевшего Амура и до дальних сопок, — словно размягчившись, тонула в мглистой дымке.

Раньше времени вызрела трава на лугах, быстрее обычного пошли в рост картофель и кукуруза, вытянулись хлеба. Однако влага, накопившаяся в почве с весны, испарилась, земля пересохла, и взявшиеся в рост

пшеница, овес и соя начали чахнуть, зарастать живучим пыреем и осотом. Нужен был дождь. А тут в ближайшей округе на протяжении месяца не выпало ни капли дождя. Где-то в сопках Забайкалья подтаяли снега, в верховьях Аргуни и Шилки прошли затяжные ливни, и уровень обмелевшего Амура начал быстро подниматься.

С полуночи следующих суток вода шла неубывающим валом, стала поглощать обнаженный берег. А еще через день, к рассвету, когда село спало глубоким сном, вода размывла невысокую перемычку, насыпанную лет двадцать назад и перекрывающую широкий лог, и по нему ринулась в степь.

Этот лог делил село на две равные части и еще с километр шел вдоль Амура, а затем, словно убедившись, что за рекой ему не угнаться, сворачивал круто в сторону. Поросший по берегам густым тальником, он постепенно мелел, сужался и наконец сходил на нет, теряясь в дальнем кочкарнике.

В то утро, приняв у Мясоедова смену, Яков Печерский начал боронить большой клин сои. День с раннего утра был жарким, как и накануне, как все предыдущие дни. В кабине работающего трактора вовсе нечем дышать. Мучаясь от непроходящей жажды, Яков после каждого круга тоскливо поглядывал в сторону зарослей орешника, где на меже стоял врытый по горлышко в землю бидон с водой.

«Натик», подымая негустую завесу пыли, легко тащил сцепку из трех десятков борон «зигзаг». За трактором тянулась буроватая полоска взрыхленной земли и тут же высыхала. Чтобы не потерять остатки влаги, землю после первого боронования не надо было бы трогать. Но очень уж сильно попер сорняк, и Римма Григорьевна велела обрабатывать всходы.

Восемьдесят гектаров соевого клина, закрепленных за бригадой Бакшина, Печерский с Мясоедовым пробороновали на «Натике» за несколько дней и начали вторичную обработку. Работа не сложная и не трудная, но однообразная до одури. Целыми днями тракторист находился один в безлюдной, изнывающей от зноя степи. Заправщик с вечера сбросит на меже бочки с керосином, автолом и водой — и нет его. Ползет трактор в конец пашни, а в глазах механизатора мира-

жи да зыбь, заманчиво колышутся размытые гребни сопок. Возвращается он назад, и плывет, подрагивая и покачиваясь по гусеницы, иссохшаяся земля с желтовато-зелеными ростками сои, да маячит впереди поникшая серая стенка пыльного орешника.

Яков притерпелся к жажде. Даже перестал пить. Но хотел — воды. Хотел, чтоб ее было много, чтоб текла она близко и можно было опустить в нее руки, чтоб веяла она прохладой и покоем. Хотелось ему, чтоб ноги, деревенеющие от духоты и тряски на железном полу кабины, ощутили бы ту бодрящую свежесть, которую он испытывал некогда в берловских плавнях. И в минуты, когда накатывалось это неумное желание, Яков лишь огромным усилием воли заставлял себя оставаться в прожаренном зноем тракторе и ворочал рычагами фрикционов.

Мысли уносили его в прошлое, и он с легкой грустью вспоминал веселую, озорную Любку.

...Пашня, где Яша собирался в ту ночь пахать, лежала в шести километрах от Покровска. Пока они с Любой дошли туда, болтая и подтрунивая друг над другом, начало смеркаться. Край неба еще багровел, но над уснувшей там тучей уже громоздился белесый месяц. Безмолвный ЧТЗ темнел на фоне нескошенной пшеницы. С другой стороны поля, у дальнего края его, виднелись контуры двух «Коммунаров». В степи было тихо. Яков и Люба слышали, как где-то за пашней, вызванивая колесами, катилась по дороге телега и о чем-то говорили женщины, возвращавшиеся с поля домой.

К трактору прицеплены два трехлемешных плуга, и Яша, проворачивая ломиком маховик ЧТЗ, кивнул на них:

— Итак, товарищ прицепщик, на каком будете сидеть?

— А вот не сяду ни на какой. Буду стоять на этой железяке. — Люба вскочила на прицепную скобу трактора.

— Так дело не пойдет. Жужжать будешь над ухом. Яша завел трактор, оглянулся на девушку, ухватившуюся за спинку сиденья, и, хмыкнув, включил ско-

рость. ЧТЗ пополз, выхватывая неярким светом фары узкую полосу затравеневшей межи. Подъехав к сжатой загонке и заведя трактор в борозду, Яков спросил у Любы:

— Как дела, прицепщик?

— Превосходно! Можно работать всю ночь.

Однако на скобе Люба постояла недолго. Вскоре она перебралась к Яше. А пахота шла своим чередом. Плуги были хорошо отрегулированы, сухая земля, не задерживаясь на лемехах, ломкой струей текла по гладким отвалам. На разворотах Яша сам при помощи веревки подымал рычаги автоматов. Так они часа два кружили по клину, сжатому днем Богданычем.

Откуда-то с юга, должно быть, из оренбургских степей, дул теплый ветерок. И, может быть, он, а возможно, и монотонный гул трактора убаюкали Любу. Она вздремнула, привалась теплым боком к Яше. Ему было неудобно работать, но и будить уставшую девушку не хотелось. И, выехав на межу, Яша остановил трактор, разгреб неподалеку копну свежей мягкой соломы. Потом помог девушке сойти с трактора и, когда она прилегла, накрыл ее своей телогрейкой.

— А ты? — вязким, сонным голосом спросила Люба.

— Спи. Мне не привыкать, — ответил он.

И снова ЧТЗ пошел кружить по пашне. Работать Яша кончил перед самым рассветом. Заглушив трактор, он постлал немного соломы и прилег тут же, у гусеницы.

Люба уже не спала.

— Ты чего разлегся на голой земле? — спросила она.

— Можно подумать, что ты спишь на перине, — проворчал Яша, досадуя, что не догадался заглушить ЧТЗ где-нибудь в дальнем конце гона. За два года, прожитых на квартире у Любиной матери, он изучил характер девушки и знал, что она уже не оставит его в покое. Недовольно бубня, он поднялся и, цепляясь ногами за грудки земли, побрел к ней.

— Чего испугался? Я не кусаюсь, — сказала она, когда Яша опустился рядом.

— А бог тебя знает. И вообще, что ты пристала? Лучше поспала бы еще. И я отдохну.

— Гм-м, он будет отдыхать. А что я буду делать?

— Вот привязалась, — улыбнулся Яша. — Спи. Рано ведь еще.

— Нет. Лучше давай вместе восход встречать.

— Я уж нагляделся и восходов, и заходов.

— Ах, так! Ну, держись! — Схватив телогрейку, Люба накрыла ею Яшину голову и сама навалилась сверху. — Ну как?

— Пусти! — Сплывавшая приставшую к губам половину, Яков вывернулся, оттолкнул ее. Он чувствовал себя неловко из-за того, что близко видел озорные глаза Любы, чувствовал упругость ее груди.

А в Любку словно вселился бесенок.

— Он еще брыкается, — не замечая его состояния, смеялась она и вдавливала его поглубже в копну.

Якова бросило в жар. Он еще никогда не ощущал так близко тело женщины, не знал силу ее опаляющего дыхания. Он не мог бы сказать, как у них все получилось. Помнил только, что руки его вдруг захлестнулись на Любиной шее, а губы приникли к ее смеющимся губам. И еще помнил, как она поперхнулась смехом. В широко распахнутых глазах Любы мелькнуло одновременно и еще не осознанное желание, и испуг, и смятение. Яша разжал руки. Но Люба сама начала иступленно целовать его. И все исчезло в дурманящем угаре...

Все впервые пережитое с Любой теперь, с расстояния в десяток лет, виделось Якову прекрасным и неповторимым. Иногда он мечтательно улыбался, ощущая вдруг привкус девичьих губ на своих губах. Но чаще он просто работал и ни о чем не думал. Однообразные движения, ровная степь, монотонный рокот двигателя навевали дрему, и только оводы, ошалело залетающие в кабину, да выборка корневищ из-под боронок выводили его на время из состояния одуряющей сонливости.

Незадолго до обеда приехал Бакшин. Бригадир не стал дожидаться трактора, пылившего в конце поля, поскакал сам навстречу, размахивая фуражкой. Яша остановил НАТИ, сбавил обороты и вылез из кабины. До бригадира было все же далековато, и ничего не расслышать, о чем он там кричит. Яков закурил и, присев на гусеницу, стал ждать. Подскакавший вплотную

Бакшин, вытирая фуражкой потное лицо, прохрипел: — Чо расселся? Не слышишь? Ору-ору! Отцепляй боронки и жми что есть духу к Енотову логу. Давай-давай! Да, — сдерживая пританцовывающего коня, спросил он чуть спокойнее: — А ты его найдешь? Ну вот-вот, ага. Так и гони.

— Еду, Илья Иванович, еду! Но что случилось?

— Беда, паря, Амур сено затопляет.

Бакшин резко натянул поводья, и взмыленный конь, посучив ногами, отпрянул и рванулся прочь.

Яков, выбравшись на межу, включил третью передачу. Он решил ехать к сенокосу напрямиком, так как приблизительно знал направление. И гнал трактор, не жалея его. Ветви встречного тальника, молодых осин и дубков хлестали по кабине, трактор покачивало и подбрасывало. Ключи, будто живые, громыхали в железном инструментальном ящике.

Вот так же, подгоняемый предчувствием непоправимого, он безжалостно гнал когда-то свой колесник. После короткого разговора с женщинами, на коровах пахавших бывший берловский колхозный баштан, он выжимал из колесника все возможное. Сильно поредевшая тополиная роща у Верхнего, или, как его называли берловцы, Старого кладбища — первым делом бросилась в глаза Яше, как только его ХТЗ выбрался из лощины. Трудно было даже назвать рощей несколько кривоствольных деревьев, одиноко подпиравших вечернее небо. Поднявшись на косогор, Яша не увидел и крыши эмтээсовской мастерской.

На всей скорости Яша проскочил один за другим три проулка и выехал на площадь. Перед ним была груда развалин — все, что осталось от сельмага, построенного всего лишь за месяц до войны, от отцовского подворья и дома Раскиных, от аптеки, амбулатории, конторы колхоза, почты и небольшого здания сапожной мастерской. Кучи ракушечника и саманных кирпичей, битые половинки кирпича с остатками штукатурки и ввевшейся сажей — вот что лежало перед ним.

Заглушив ХТЗ у своего рассыпавшегося палисадника, Яша, унимая дрожь в ногах, обошел вокруг развалин дома. Затем, взглянув на обвалившийся погреб,

прошел в сад, пошевелил сапогом пеньки яблонь и абрикосов, постоял и, перейдя дорогу, вышел к пепелищу сельмага.

...Яша встряхнулся, вздохнул. Он как наяву увидел присмиривших мальчишек, улыбающегося Гершку Загорского. По пути из ГДР он завернул в Берловку и не удивился, увидев, что в ней почти не осталось следов войны. И он понял, что можно восстановить сельмаг и сапожную мастерскую, можно убрать развалины. Все это тяжело, но возможно. Невозможно только вернуть тех мальчишек — Загорского, Бориса — и отца... Невозможно изгладить из памяти людской черные дни военного лихолетья.

Когда Яков добрался до Енотова лога, паводковая вода затопила уже низкую часть его и продолжала прибывать. Остановив трактор на мыске, Печерский вылез из кабины и оглядел сенокос.

У самой кромки воды десятка три косарей — мужчины и женщины — торопливо сгребали просохшие валки. Несколько мальчишек конными волокушами вытаскивали на взгорок копны. Позади, сухо лязгая отшлифованными в работе зубьями, вертелись конные грабли. А поближе к мыску, на котором стоял НАТИ Печерского, два ДТ-54 буксировали к лесистой релке состогованное сено.

Откуда-то вынырнул оголенный до пояса Арон Резник, бригадир сенокосчиков. Размахивая длинными руками, он напустился на Печерского:

— Шо ты стоишь, как поп на амвоне? Трос у тебя есть? Нет?! Так какого же ты хрена приперся сюда! Тебе шо здесь — цирк, да? И чего только Бакшин ваш думает, не знаю. Присылает трактор, а троса нет! Тьфу! Ну чем ты будешь сено тягать, а? Может, моим ремешком от штанов?

Он остервенело поскреб плоский затылок и вдруг, не сказав ни слова, кинулся бежать. Однако через десяток шагов обернулся и крикнул:

— Ну чего ты стоишь? А ну, езжай за мной, рабо-отничек...

Яков погнал трактор вслед за рысившим впереди Резником. Ему с первого взгляда понравился этот горячий, крикливый человек.

Пригладевшись к работе трактористов, Яков сообразил, что нужно делать. Подъехав к большой, должно быть, семитонной скирде, он круто развернулся и попятил НАТИ. Подоспевший Резник оттолкнул паренька, притащившего канат, захлестнул один конец его на бугеле трактора, а другим обхватил зарод у основания и завязал петлей на прицепной скобе.

— Давай, пошел! Только не дергай! — крикнул он Якову. — Натяни плавненько и тащи. Понял? Ну, пошел!

Трактор плавно стронул стог сена, и он, чуть подрагивая, поплыл по траве. Резник какое-то время смотрел ему вслед, потом рыкнул вдруг на стоявшего рядом паренька:

— А ты чего ухмыляешься? Тебе еще весело? Один лыбится, другой тоже... А ну-ка, марш за ним! Будешь цеплять веревку. Ну, живо, пошевеливайся. Эй, тракторист! — сложив руки рупором, окликнул он Якова. — Волоки во-о-он на тот мысок.

Сорвался с места и побежал к конным граблям.

В разгар спасательных работ у Енотова лога остановилась райкомовская «Победа». Из нее выбрался Гуцылюк, за ним щеголеватый заворг. Разминаясь на ходу, они двинулись к косарям, выискивая глазами колхозное начальство. Однако по одинаково оголенным, загоревшим спинам работающих трудно было угадать нужного человека. Гуцылюка в колхозе знали, и его уже заметили. Воткнув в землю вилы, навстречу ему спешил Субботин. Он шел вразвалку, и непроизвольная улыбка, не вяжущаяся ни с его думами, ни с настроением, расплывалась по широкому лицу.

— Здравствуй, Иван Иванович! Как дела? — Гуцылюк нагнулся и, подцепив из валка клочок подвяленной травы, стал ее тереть, нюхать.

— Дела как сажа, Николай Тарасович. Траву-то поторопились свалить. Думали как лучше, а оно вон что делается.

— Ну кто мог предполагать, — вздохнул Гуцылюк. — А где Фрейдин? Что делается для спасения сена?

— Все, что можем, Николай Тарасович. Видите вот, отгребаем, оттаскиваем. А Фрейдин умчался к Нику-

лышкину логу. У нас там тоже стожков тридцать наберется.

— Значит, и туда вода добралась?

— Еще утром. Прет, как на пожар.

— Мда-а... Ну и что? — спросил Гуцылюк.

— Два ДТ туда погнали и один С-80. Людей поснимали, где только можно. Делаем все, что в силах. К ночи, однако, должны стога вытянуть.

— Надо успеть, дорогой мой Иван Иванович, — сказал Гуцылюк и глянул на Субботина. — Надо. Амур будет прибывать еще два дня. Не так уж сильно, но будет.

Субботин присвистнул.

— Телефограмма пришла из областного центра, — пояснил секретарь райкома. — Надо спешить.

— Людей не хватает, Николай Тарасович.

Гуцылюк поморщился.

— У вас с Фрейдиным всегда находятся причины. Ищите у себя. Может быть, завтра пришем бригаду из райцентра. Но особо не надейтесь. И смотрите, будете по всей строгости отвечать за каждый килограмм погубленного сена.

Разговаривая, они подошли к косарям.

— Доброго здоровьица, товарищи! — Гуцылюк снял с головы узкополую, нездешней выделки, соломенную шляпу и, легонько зажав ее под мышкой, стал пожимать стеснительно тянувшиеся к нему со всех сторон руки. — Жарко небось, а?

— Да это кому как, — пряча усмешку в вислые прокуренные усы, ответил косарь и взглянул почему-то на заворга. — Ежели кто рысит весь день, как, к примеру, Арон Резник, тому легче: ветерком его остужает.

Все засмеялись, повернули головы в сторону скирд, откуда и в самом деле трусцою бежал бригадир сенокосчиков. Арон Резник в пылу и горячке не заметил приезжих, еще издали кричал:

— Боже мой, кого мне прислали сено вытаскивать, а? Разве это трактористы? Они же трактор по-человечески не могут подать. Они мне все веревки порвали своими гусеницами. А чем я должен работать? Ты слышь меня, Субботин, или нет? Шо ты отвернулся, как девка на свиданье?

Субботин, хмурия белесые брови, сказал:

— Поздоровайся, Арон, сперва с людьми!

— Шо мне твои люди, когда сено погибает! — Резник кричал высоким, срывающимся голосом. — Ты скажи, вот эти самые копны чем я таскать буду?

— Не надо нервничать, — беря его за локоть, вмешался Гуцылюк. — Сегодня у вас есть чем работать! Таскайте. А завтра, Арон Меерович, будут у вас веревки. Абсолютно новые.

— Это еще вилами по воде... Ой, извините, Николай Тарасович! Верчусь, как заводной. С меня ж зимой спросят: где, Арон, твое сено и чем мы будем скот кормить? Но если вы говорите, что веревки будут, то я вам верю, — успокоился Резник. — Тогда я побегу к тракторам?..

— Подожди, Арон Меерович, — удержал его Гуцылюк. — Скажи, ты успеешь вытащить сегодня все скирды?

— Я знаю? — развел руками Резник. — Постараемся. Они-таки работают как черти. Я вам могу сказать, товарищ секретарь, если не управимся за день — будем работать ночью.

Резник, цепляясь коленками длинных ног, побежал назад к стогам.

Гуцылюк повернулся к Субботину:

— Шумлив Резник-то?

— Шумлив, — степенно ответил Субботин. — А что?

— Я так спросил, — придя в хорошее настроение, сказал Гуцылюк. — Ну что, за работу, Иван Иванович? Для нас вот с Федореевым найдутся вилы?

Гуцылюк водрузил на голову шляпу, взял у какой-то женщины вилы с черенком, до блеска отшлифованным ладонями, и пошел в самый конец еще нетронутого валка. Покосившись на прибывающую воду, он растегнул ворот рубашки, поплевал на ладони и принялся отгребать подальше от воды подсохшую кошенину. Некоторое время за ним наблюдали. Он работал молча и сосредоточенно. И сноровисто.

Потом разошлись по логу и колхозники.

Гуцылюк, думая о негданном паводке и непредвиденном ущербе, который он нанесет хозяйствам района, о мерах, которые надо срочно принять после спада Амура, почти не вслушивался в голоса людей. Ему хорошо думалось и хорошо работалось. Руки легко ору-

довали вилами, густой медовый дух разворошенной кошенины пробуждал в памяти далекое детство.

Потом ему стало душно. Пот заструился по лицу и груди. Гуцылюк временами ощущал легкое головокружение и тошноту. Сначала подумалось, что он просто отвык от физической работы. И солнце припекает так жаростно, хоть уже и перевалило за полдень. Надо было ехать, его ждали другие дела. Но вдруг сердце как-то распухло, заполнило всю грудь и колотилось уже возле самого горла. Гуцылюк оперся на вилы, снял шляпу и начал усиленно обмахивать ею лицо. Внезапно стали неметь кончики пальцев и нестерпимая боль сдавила грудь...

«Черт возьми, — глядя на уплывающую куда-то землю, подумал он. — Надо же... Именно здесь!»

Гуцылюк опустил на траву и, напрягая остатки сознания, прошептал синеющими губами:

— Валидол... в машине. В пиджаке.

А жаркой погоде, очевидно, подходил конец. На западе, где выцветший от зноя небосклон сливался с щеткой дальних зарослей тальника, появились реденькие белесо-пепельные тучки. Набухая влагой, они копились, росли, сливаясь постепенно в одну иссиня-дымчатую тучу. И хоть солнце еще плавилось в линиях выси от собственного зноя, путь к его горизонту быстро сокращался. Вскоре и ветер изменил направление. Стало вдруг свежо, и с особой силой запахло вянущими травами и разогретой землей. Стелясь над кошениной, пронеслась в сторону Амура стайка полевых воробьев, где-то протяжно засвистали бурундуки, пропали сразу оводы, слепни и мошка. А недалекие кусты белотала и молодая поросль березок на релках, казалось, застыли в дремотной истоме, предвещавшей обильный дождь.

К ночи непогода обрушилась на землю грохотом быстротечного ливня. Но после, словно одумавшись, ненастье стало опять поить истомившуюся землю неторопливым, безветренным дождем. И вот четвертые сутки подряд идет дождь — мелкий и ровный, будто просеянный. Вода лужами копилась на пашнях и в придорожных канавах, текла к почерневшему Амуру. Тесо-

вые крыши и стены из потемнели от воды и лоснились. Село замерло. Лишь изредка мелькнет какая-нибудь торопившаяся по делу, в пиджаке или мешке, накинута на голову, фигура. Во дворах под навесами, тесно сгрудившись, недвижно грелись куры.

В доме Печерских к вечеру чуть протопили. Багряна, подоив корову и процедив молоко, переворошила угли в плите и прикрыла трубу. Потом, прибрав немного на кухне, присела к столу и долго глядела в темное от дождя и сумерек окно. Фира у печки вязала. В ее сухоньких пальцах проворно мелькали спицы. Фира часто теряла петли, но вязку не бросала. Разостлав на полу старую дерюжку, Яков возился с Мишиным велосипедом. Он успел переделать массу мелких работ по хозяйству, наладил сепаратор, вернул к жизни мотоцикл «К-125», приобретенный недавно по случаю, а потом принялся еще и за велосипед.

— Мама, ну что вы глаза себе портите? Может, хватит на сегодня? — сказала Багряна.

— Э-э, моим глазам уже все равно.

В голосе Багряны послышалось раздражение. Фира пристально взглянула на невестку. Лицо у Багряны было каким-то опустошенным, смятым.

— Что-то ты не такая стала. Может, хвораешь? Чи тебя гложет что? — тихо, чтоб не услышал сын, спросила она невестку.

— Та ничего, мамо, — нехотя ответила Багряна. — Нудьга просто навалилась. А тут дождь этот.

Багряна не могла открыть свекрови своих дум. Она очень любила мужа — ее старшего сына — при жизни. Дорог был он ей и теперь. И, что бы Багряна ни делала, мысленно она всегда советовалась с ним. С годами образ Бориса поблек, и ей все труднее становилось представлять себе его лицо, руки, походку. И вдруг вернулся Яшка. Уходил в армию почти мальчишкой, а вернулся мужчиной — одних лет с Борисом и так похожий на него и лицом, и голосом, и всеми привычками. Багряне и радостно, и больно было глядеть на деверя. Но разве скажешь об этом свекрови?

— Сходила бы ты в клуб, — сказала Фира. — Может, там кино крутят. Что дома сидеть?

Багряна промолчала.

Яков справился с велосипедом, убрал с пола дерюж-

ку, долго и тщательно мыл затем руки. Для него, после горячей посевной и наводнения, это была не настоящая работа. Потягиваясь, он подумал вслух:

— И мне, что ли, пройтись?

— Иди, иди, — сказала Фира. — На дворе вроде бы распоживается.

Дождь и в самом деле перестал. Подгоняемые ветром по небу, посветлевшему и как-то раздавшемуся вширь, уплыли последние тучи. Кое-где проглядывали звезды. К Амуру бежали утихомирившиеся ручьи, по кочкарникам, словно пробуя голоса, квакали лягушки, трещали ожившие цикады. Приглушенно доносилось равномерное татаканье движка электростанции.

В тесном клубе полусумрачно; гармонист, свесив ноги в заляпанных грязью кирзовых сапогах, неуверенно и сбивчиво выводил вальс.

На длинных неокрашенных скамьях, вдоль стен отдельными группками сидели ребята и девушки. У каждого парня в зубах папироса. А посреди зала, молча и сосредоточенно, словно отбывая повинность, кружилось несколько пар — девушки с девушками.

Люди здесь еще были мало знакомы Якову, и, ощущая на себе изучающие взгляды, он чувствовал себя неловко и вскоре вернулся на крыльцо. Здесь тоже стояла группа парней. Кто-то из них дотронулся до его плеча. Яша, скосив глаза, обрадованно улыбнулся.

— Привет, Гоша! Веселишься?

— Да ну их! — ухарски сбив на затылок фуражку, ответил тот. — А вы чо жа?

— Я случайно. Думал, в клубе кино сегодня.

— Скука у нас есть, — философски заметил Гоша. — И все завклубом виноват. Только и знает, что водку жрать. Уборка начнется — жизнь веселей пойдет. Шоферы поднаедут, шефы из города, студенты с концертами.

Делать в клубе явно было нечего.

— Ладно, Гоша, бывай здоров!

— Яша, чо спросить хочу, — остановил его тракторист из бригады. — Завтра, должно, погода будет. На смену кому выходить?

— Очередь моя. Но и ты приходи, работа найдется. «Куда же податься? — раздумывал Яша, бредя

осклизлой тропой, петляющей вдоль огородов. — Домой? Еще рано спать. Читать — нечего. Хоть бы Ленка поскорее приезжала».

Накануне от сестры пришло письмо. Она уже сдала последнюю сессию и готовилась к государственным экзаменам. В конце письма она передала Яше привет от подружки своей, Зои. Он мимолетно вспомнил высокую, черноволосую девушку, которая за весь день так и не отважилась заговорить с ним и только косила в его сторону большие диковатые глаза. Вспомнил ее зонтик и улыбнулся. Он рад был привету, но еще больше самому письму, как только Ленка приедет в Еланцево, не замедлит объявиться и ее жених — Яшин старый друг. Будет с кем коротать время. А сейчас? К Римме разве податься?

С Риммой Григорьевной у Якова были сложные отношения. В какой-то мере он уже привык к ней. Привык к ее гордо посаженной голове, отягченной узлом густых волос, к вывернутым слегка чувственным губам, к мягким и теплым рукам, страстно и нежно обнимавшим его. Как должное принимал он и радостный свет, лучившийся из ее глаз только для него.

Но к каждой женщине, встречавшейся ему, Яков подходил с неизгладимой меркой, оставшейся от застаревшего его чувства к Любке, и он невольно ловил себя на эгоистичном выискивании отрицательных черт в их внешности, характере и привычках.

В своих чувствах к Римме Григорьевне Яков пока еще не разобрался по-настоящему. Уж очень тесно переплелись влечение к ней как к женщине и как к интересному для него человеку. Особого волнения во время встреч с Риммой Григорьевной Яша не ощущал. Даже среди безрассудства ласк в ней проскальзывало порою что-то заученно-упорядоченное, а это предвещало скуку.

С чего все у них началось? Как-то вечером, закончив смену (он тогда боронил сою), едва держась на ногах, Печерский проселком возвращался домой. Солнце малиново горбатилось над самыми сопками. Низом тянул ветерок.

Спускаясь под изволок лога, на полдороге от села, Печерский заметил шагающего в гору человека. На фоне закатного неба четко был виден его силуэт. Печерский прибавил шаг и, нагоняя, еще издали, по вело-

сипеду, который вел человек, узнал Римму Григорьевну. Крадучись догнав ее, он спросил:

— Что, надоело ездить?

— Ой! — испугалась Римма Григорьевна. — Прямо душа зашлась. Ну разве так можно?

— Вот уж не подозревал вас в трусости! — улыбнулся Яков и взял у нее велосипед. — Что так поздно, да еще пешком?

— Что-то сломалось в моем драндулете. Вон там, в заднем колесе.

Яков остановился, подняв велосипед за багажник, крутнул педали.

— Да, точно. Ось сломалась.

— А починить ее можно? — Римма Григорьевна тоже нагнулась к колесу.

— Сейчас? — пошутил он.

— Почему сейчас? — недоуменно вскинула брови Римма Григорьевна. — Ну, хотя бы завтра.

Почему-то ему легко было с ней. И хорошо было оттого, что она, статная, такая независимая, шла рядом.

— Честное слово, его можно починить, — улыбнулся Яша. — И если вы хорошо попросите...

Римма Григорьевна быстро глянула на него и ничего не ответила. Какое-то время они шли молча, по едва угадываемой во тьме тропе.

— Откуда вы так поздно, если не секрет? — Яков первым нарушил затянувшееся молчание.

— На бахче была.

— Ну как арбузы?

— Знаете, появились уже третьи листочки, — с живостью отозвалась Римма Григорьевна. — Скоро начнут стелиться.

— Гм, — недоверчиво хмыкнул Яша. — Говорят, все равно они не вызреют. А вы как думаете — только честно?

— Я сама не знаю, — подумав немного, призналась она. — Это же впервые. Никто не пробовал их здесь выращивать. Так, земля хорошая, и солнца достаточно. Но меня пугают дожди. Очень уж много у нас летом дождливых дней. — Она вздохнула и добавила: — А вот Мазанник говорит, что в позапрошлом году видел спелые арбузы на чьем-то огороде в Амурьевске. У самой душа не на месте. Вот я каждый день и заворачиваю

на бахчу. Если арбузы поспеют, знаете, что будет? Переворот в отношении людей к этой культуре и в практическом возделывании их не в одних только Еланцах. Можно будет смело выращивать теплолюбивые культуры — дыни, белые кабачки, баклажаны. Понимаете, какие это открывает возможности! Ведь все сюда сейчас везут с юга страны.

В деревне не бывает секретов. Там все друг о друге знают, и Яков уже на следующий день своего приезда в Еланцево знал, что в пристройке деда Агеича живет колхозный агроном. И знал уже, не видел ее ни разу, что агроном этот — молодая женщина, безмужняя и что у нее есть сын Вадька. И Яков спросил ее о сыне, сам не зная почему.

— Вот вы мотаетесь по полям, ездите допоздна. А как же ваш сын один дома?

— Ох, и не спрашивайте! — вздохнула Римма Григорьевна. — Зимой еще туда-сюда. А летом — беда. Ухожу из дому, он еще спит. Приду — уже спит. Спасибо Петровне — хозяйке моей — выручает.

В окнах уже кое-где желтели огни. На бревнах у строящейся конторы колхоза, словно бы нехотя, наигрывала гармонь.

Они вышли на свою улицу и поравнялись с домом Печерских. Римма Григорьевна неожиданно для себя самой обронила:

— А твои-то уже спят...

И сердце у Якова по-хорошему дрогнуло от этого спокойного и естественного «ты».

На другой день Яков починил ее велосипед. А через два дня он опять встретил Римму Григорьевну, теперь уже не совсем случайно. Снова она, ведя в руках велосипед, возвращалась с бахчи пустынной проселочной дорогой. Римма Григорьевна на этот раз была в белой, с прошивкой на рукавах, кофточке, красиво облегавшей ее полные плечи и высокую грудь, и в расклешенной черной шерстяной юбке. Одежда была не броской, но все-таки и не будничной, и это говорило о том, что на сей раз она уже специально поджидала Яшу.

Римма Григорьевна, которая, по ее глубокому убеждению, существовала только ради сына, встретив на своем пути Якова, вдруг с ужасом почувствовала, что ее опустошенное сердце потянулось к нему.

И Яков за время, прошедшее с их первой случайной встречи, много думал о ней. И он чувствовал, что Римма Григорьевна тянется к нему. Все это было как-то очень просто и естественно.

— Все-таки я везучий, — берясь за седло велосипеда, проговорил Яша. — А ведь хотел сегодня немного раньше бросить работу. Тогда не встретились бы.

Римма Григорьевна, пряча глаза, не отвечая, низко нагнула голову.

— Ну, а как твои арбузы?

— Арбузы?.. А-а, хороши...

Над селом по темноватому небу щедрая россыпь звезд. Над редкими лампочками, освещающими уснувшие еланцевские улицы, вихрем роились ночные бабочки.

Возле своей калитки Римма Григорьевна, не в силах унять беспокойный огонь, испепеляющий лицо, чувствуя, как уходит из-под ног земля, севшим, рвущимся голосом предложила:

— Может, заглянешь? Попьем холодного молока?..

Яков молча взял из ее рук велосипед, завел его за ограду и этим как бы убрал последнее препятствие, еще остававшееся между ними.

Ушел он от Риммы Григорьевны, когда рассвет уже лепил верхушки деревьев и гребни крыш. В промежутках между сменами у Якова оказывалось много свободного времени. Иногда — целые сутки. А много ли отнимают хозяйственные дела? Прибить на место оторвавшуюся жердь ограды, помочь домашним прополоть грядку в огороде или наносить из Амура воды в кадку. А куда девать свободные вечера?

Яша не раз зарекался ходить к Римме Григорьевне, понимая возрастающую ответственность перед ней, перед собственной совестью. Но что-то часто на душе его бывало тоскливо, а память с дразнящей отчетливостью подсовывала ему взгляд улыбчивых глаз Риммы Григорьевны, ждущую податливость ее трепетных губ. И, борясь с собой, он в конце концов шел к Римме Григорьевне. Однажды легко проторив к ней тропку, Яша уже не мог с нее сойти.

Чтобы открыть разбухшую от дождя калитку, ее надо было приподнять. Стараясь не шлепать сапогами

по сырой земле, Яков прошел к знакомому окошку, поскребся в стекло. Дверь сеней бесшумно открылась, и обнаженные теплые руки встретили его на пороге.

— Заждалась я, Яшенька! Мог бы и раньше прийти, — укоряюще шепнула Римма Григорьевна.

— В клуб ходил. Подожди, я мокрый весь. Вадька спит?

— Давно. Ну что же ты ждешь? Снимай сапоги, входи...

Далеко за полночь, прижимаясь всем телом к Якову, время от времени погружающемуся в дрему, она шепотом говорила, легонько трогая пальцами его брови:

— Изменился ты за последние дни, Яшенька. Что-то недоговариваешь ты... Я знаю, что случилось, — надоела я тебе. Женщину не обманешь. Только ведь мне от тебя, родной мой, ничегошеньки не надо. Ты волен в себе. И держать тебя не стану, хотя роднее в мире нет человека.

Якову в свете луны, пробивавшейся поверх сдвинутых коротких — вполотна шторок, были видны ее огромные, зеленые сейчас глаза. Он чувствовал на плече тяжесть ее руки.

— Ну что ты, ей-богу, выдумываешь, — целуя теплый овал ее подбородка, говорил он. — Мне хорошо с тобой.

На рассвете, словно и не было ночных сомнений, Римма Григорьевна, перебирая его кудрявый чуб, буднично спросила:

— А тебя, оказывается, можно поздравить?

— С чем?

— Ну как же! Вчера мы с Фрейдиным были в МТС, и Якимов сказал, что есть теперь помощник у Бакшина.

— Да? Значит, Гуцылюк настоял на своем, — усмехнулся Яша.

— Значит, знаешь уже.

Через несколько дней после наводнения в бригаду Бакшина заехал директор МТС Якимов. Он нашел Якова у трактора — полетел подшипник ведомого колеса.

— Ну, освоился, Печерский? — спросил директор.

Яков понял, почему его спрашивают, ответил:

— Да когда же было? То посевная, то наводнение. Я вот впервые и огляделся-то по-настоящему.

Якимов тогда улыбнулся, напомнил, что и Гуцылюк, вышедший из больницы, между прочим справлялся, работает ли Яков Печерский по назначению — помощником бригадира...

— Ты, Яшенька, пойми меня. Дело совсем не в том, что ты произвел хорошее впечатление на Гуцылюка и Якимова. Мужiku с твоим опытом работы с людьми и техникой не гоже тянуть рычаги. У нас везде не хватает людей — война подмела деревню на этот счет крепче, чем город, — она горько усмехнулась. — Не только бабы изголодались. Вы в МТС ползаете по старым надельцам, как муха по стеклу: от ложка к ложку, от бугорка к бугорку. А между тем у нас, за орешником, земля вон какая! Настоящая елань, да только пырей и растет там, как на дрожжах. Пришла пора, Яшенька, для настоящего замаха. Решение на правлении приняли — поднять четыреста гектаров целины и залежи. И просто обидно, если ты и дальше будешь свой «Натик» с Гошей пополам гонять.

— Понятно теперь, почему от тебя табаком несет, — сказал Яша. — Я-то гадаю, откуда — ведь не куришь. А ты, оказывается, на правлении была, — он рассмеялся.

— Я серьезно говорю, Яков.

— Но ведь после того разговора не идти же мне было к Якимову: вот, мол, я. Дайте мне работу чин по чину.

— Не чин по чину, а дело по силам. Вот правление и дает тебе дело по силам. Решено работу эту проделать до начала уборки хлебов. МТС создает специальный отряд из восьми тракторов. Приказом в МТС, по нашей усадьбе, этот отряд тебе поручен.

— Да вы что, с ума от самосада посходили? — не замечая вырвавшейся грубости, крикнул Яша. — Я же не знаю здешних земель.

— Тише, родненький! Вадьку разбудишь. — Римма Григорьевна скосила глаза на полог. — Ну что ты волнуешься? Ничего страшного нет. К тому же тебе в помощники пойдет Козырин. Он здешние земли знает, как свои сени. И я помогу... Так что, если выдастся хорошая погода, мы уже сегодня должны подобрать участки. А завтра — пахать.

По улицам Еланцева в сторону выгона медленно брели коровы. За селом хлестко щелкал ременным арапником пастух. Флегматично помахивая лобастой головой, отдельно от коров независимо шел состарившийся уже деревенский бугай. Сгоняя животину в стадо, хозяйки здоровались, на ходу обменивались новостями, перемывали кое-кому косточки.

— Слышь, Наталья, — нагоняя подружку, говорила одна молодуха. — В сельпо-то давеча сапожки привезли.

— Какие сапожки?

— Резиновые, литые. Будешь брать?

— Ага.

Пожилая тетка, размахивая хворостиной, сглатывая концы слов, торопливо рассказывала:

— ...Я ей грю: «Дура ты, Дашка. Ить он пробудет до конца сенокоса и уедет в город. Только его и видели. Не гляди, что он самолетный механик — оставит тебя с брюхом».

— А Дашка-то чо?

— Иди ты, грит, тетка Марфа, к... И ржет, кобыла веселая.

Помянули и деда Агеича.

— Опять старый вчера набрался.

— Он это может.

А между тем солнце золотилось уже в промытых ночным дождем окнах, дробилось в расплесканных всюду лужах, и с просыхающих крыш, с пригретых взгорков подымался прозрачный пар.

Подгоняя полотенцем корову, вышла на улицу Багряна. Обычно корову выгоняла Фира. Багряна к этому времени должна уже быть у стоянки автомашины, где собирались доярки, чтобы ехать в летний лагерь на дойку. Но сегодня она припозднилась: всю ночь не спала, вздремнула лишь под утро, когда зашумел дождь.

— Ну иди, Красуля, иди. Господи, та некогда мне! — Она вытолкнула корову за ворота.

— Доброе утро, соседка! Яша дома? — спросила подошедшая Римма Григорьевна, ведя в руках неизменный велосипед. Багряна недовольно поджала губы и вернулась к крыльцу, спиной оперлась на перила, буд-

то бы они помогали ей в полную меру почувствовать свою силу.

С недавних пор при виде Риммы Григорьевны ее охватывала почему-то неприязнь к этой женщине. Агроном ничего плохого ей не сделала, была по-прежнему приветлива и обходительна.

Багряна раздраженно отозвалась:

— Доброе утро, доброе... Дома он.

— Скажи ему, пожалуйста, пусть выйдет.

— А ты что, боишься сама позвать?

— Может, он еще спит.

— Гм, — едко усмехнулась Багряна. — Скажи на милость. И давно ты стала такая застенчивая?

Римма Григорьевна глянула на нее и отвела глаза. И Багряна увидела, что жаркий румянец заливает безмятежное и счастливое до этого мгновения лицо женщины. Римма Григорьевна помедлила и тихо, не поднимая взгляда, сказала:

— Я не стесняюсь. С чего ты взяла?

— А на что он тебе? — допытывалась Багряна.

— Землю надо выбрать для пахоты, участки определить.

— Ага, участки, значит. — Багряна, будто не собираясь на работу, неторопливо и пристально оглядывала агрономшу. Та была в новом, еще не обмявшемся расклешенном сарафане, в легких туфлях на невысоком каблучке. На бронзовой от загара руке Риммы Григорьевны жарко поблескивали часики. И от нее наносило еле ощутимым запахом тонких духов. «Ничего не скажешь, хороша, — подумала Багряна. — И лицо свежее, и глаза лучатся». А вслух она сказала:

— А як що пахать собрались, чего же ты вырядилась?

«Неужели ревнует?» — растерянно подумала Римма Григорьевна. Она уже собралась резко ответить, но тут с чердака, где с недавних пор ночевал Яков, показалось его невыспавшееся лицо. Щуря на солнце припухшие глаза, он спросил:

— Который час?

— Та уже восьмой, — насмешливо отозвалась Багряна.

— Ого! Хорошо я придавил. А вы ведь ждете? — спускаясь по лестнице, спросил он у Риммы Григорьев-

ны. Ему уже трудно было называть ее на «вы», он запнулся, но все же назвал.

— Сейчас вот подошла.

— Что же ты меня не подняла? — шумнул Яков на Багряну.

— А я знала?! — огрызнулась та и, кинув еще один насмешливый взгляд на Римму Григорьевну, с демонстративной независимостью вышла на улицу.

— Я мигом, только лицо ополосну, — сказал Яков.

— Хорошо, я жду, — улыбаясь про себя, ответила Римма Григорьевна и, обернувшись, посмотрела вслед Багряне. Та, помахивая стянутой с головы косынкой, торопливо сворачивала в проулок, к дому шофера Харитона Лопатникова, где ее уже дожидались собравшиеся доярки. «Почему она злится на меня, — еще раз взглянув на гибкую спину Багряны, обтянутую бордовым жакетом, подумала Римма Григорьевна. — Ведь я ей ничего плохого не сделала. Неужели ревнует меня к Яше? Но как же так? Он ведь деверь ей?»

А Багряна действительно ревновала. Поспешая к автомашине, она покусывала губы, вымученно улыбалась. «Везет же женщине. И ребенок у нее есть, и годами она, наверно, старше меня, а вот прилип к ней Яша, и все. А тут — хоть помирай. И у меня есть сын, и семья досталась — лучшего не пожелаешь, а все же нет мне доли, пусто на душе. Ох, Яков, Яков, если бы ты знал, если бы чувствовал, как рвется мое сердце! Но что с этого? Ведь нельзя нам, если бы даже и догадался. Грешно, совестно и перед памятью Бориса, и перед собой...» — так думала она.

С приходом Якова со службы у Багряны, один раз зародившись, стали все чаще появляться подобные мысли. Она гнала их от себя, но дремучая тоска по погибшему мужу, сладостная истома, невыбродившим хмелем гонявшая по телу кровь, лицо, голос, повадки деверя, до боли напоминавшие Бориса, через силу снова возвращали ее к таким думам. И Багряна, бессильная помешать встречам Яши с Риммой Григорьевной, злилась при случае, старалась хотя бы больнее уколоть агрономшу. Этим она словно бы облегчала собственные страдания, мстила за свою жизнь, проносящуюся без любви и радости.

...Всего лишь одиннадцать лет минуло Багрянке Станчевой, когда невиданный по недороду тридцать третий год отметил южные губернии Украины опустевшими клунями и конюшнями, затхлою сыростью заколоченных хат, опухшими телами истощенных голодом людей. Голод свел в могилу и семью Багряны. Вскоре и она отправилась бы за родными, не наткнись на нее случайно добрый знакомый отца, скотогон Дмитрий Кипоть, завернувший как-то на ночевку в их слободу. Дядька сжалился тогда над полуживой девочкой — забрал к себе. И ведь выкарабкалась Багряна. Семь долгих лет она потом прожила в большой семье своего благодетеля. Хоть и в постоянной работе, и без особой ласки (своих бы детишек только успевали приголубить), но зато под крышей и всегда сытно. А в сороковом году Багряна поддалась уговорам дяди Дмитрия и вышла замуж за его двоюродного племянника Андрея Бурачка. Связала с ним жизнь, хоть совсем не любила.

Уважительным и ласковым парубком прикидывался Андрей, пока женихался. Это в какой-то мере даже нравилось Багряне. А потом, добившись своего, он раскрылся по-настоящему. В день свадьбы, когда Андрей, не считаясь с приличиями, увел Багряну из-за праздничного стола и в душной спальне стал нетерпеливо и грубо срывать с нее подвенечное платье, а потом облеваный и грязный уснул, она вовсе возненавидела его. Забившись в угол, Багряна, кляня себя, проплакала всю ночь, но винить было некого, и она скрепя сердце смирилась. После, уже притерпевшись к мужу, она в душе все же не смогла простить Андрею ту испоганенную ночь, свой стыд перед людьми. Нерадостным видением рисовалась Багряне ее дальнейшая жизнь. Особенно когда беспричинно приревновав ее к заезжему молодому заготовителю, некогда принимавшему у старого Кипотя гурты скота, Андрей страшно избил ее. Безрадостная была ей уготована доля, да на счастье, как говорится, несчастье помогло.

Спустя год после свадьбы, в канун рождества, Андрей возвращался домой из города Первомайска. Ехал он с ярмарки и был, как водится, под изрядным хмельком. Видимо, у кого-то из своих тамошних знакомых гуртоправов, вместе с ним гонявших скот по степи,

наугощался крепчайшим первачом. Легкая поземка, начавшая куриться в степи еще с полудня, к ночи разыгралась в нешуточную метель. Мокрый тяжелый снег хлесткой пеленой смешал воедино и лохматое небо, и запропастившуюся куда-то землю.

Андрею заночевать бы в каком-нибудь селе, переждать непогоду. Однако он, с пьяным упорством отмахнувшись от доброжелательных советов, намотал вожжи на руку, завалился в телегу и, уткнув лицо в воротник дубленки, уснул, предоставив лошади, уже привыкшей к подобным поездкам, полную самостоятельность. И случилась беда. То ли замокревший снег сыпал уж слишком густо, то ли испугалась чего-то неуправляемая лошадь, но пройдя с десятков шагов по тороховатому, еще неокрепшему льду Кодымы, неширокой и обычно спокойной степной речушки, она сразу провалилась, успев лишь испуганно всхрапнуть. Через два дня колхозники хутора, лежавшего недалеко от зимника, вознагражденные за труд Дмитрием Кипотем, долго искали подо льдом тело Андрея, да так и не нашли. Вероятно, уволокла речка бедолагу в Южный Буг, а там, через лиман, должно быть, в Черное море.

Вот так негаданно Багряна овдовела. Не дожидаясь, пока выйдет срок ее вдовства, несколько хуторских парней и даже приبلудившийся из Тирасполя скорняк наперебой посватались к ней. Лестно им было занять место незадачливого Андрея возле молодой красавицы болгарки. Но Багряна, вдоволь хлебнувшая унижений и побоев в своей короткой жизни, даже и не помышляла о новом замужестве. Да к тому же еще и скором. Скорее всего так и было бы, не случись на ее дороге Борис Печерский. Он заставил впервые затрепетать ее сердце.

Настоящая любовь — всегда и прежде всего — огромное счастье. Только не всем оно отпускается полновесной мерой. Багряне судьба отмерила этого счастья всего ничего — лишь три скоротечные тревожные недели. Остальное, без возврата, отобрала война.

Так нужно ли сетовать на розу, в самом расцвете прибитую заморозком? Можно ли судить сердце, полное неистраченной любви?

* * *

Багряна вскоре уже тряслась в автомашине, по пути в летний лагерь, а в это время Яша выводил за ограду мотоцикл.

— Понимаешь? — виновато улыбнулся он. — Пришел и уснул как убитый. Оставь велосипед здесь. Поедем со мной.

Он взял у нее велосипед, отвел его в сени и вернулся, неся телогрейку и бечевку, чтобы сделать сиденье на багажнике.

— Куда прикажете рулить? — выезжая на дорогу, спросил он.

— Давай к Козырину.

Дом Федота Козырина, председателя сельского Совета, стоял на самом выезде из Еланцева. Когда они подъехали, хозяин — крепкоскулый, смуглый до черноты мужчина со светлыми глазами — уже седлал коня. Подтягивая подпруги, он с притворной сердитостью покрикивал на трехлетнего сынишку. А мальчонка понимал, что отец играет с ним, и, одетый в одну только рубашонку, безбоязненно вертелся около коня.

— Здравствуйте, Федот Ильич! — Римма Григорьевна вошла во двор. — Мы за вами!

— Уже? — Козырин оглянулся. — А я припозднился чуток. Жена-то ишо в больнице. Васька! — вдруг прикрикнул он на сынишку. — Ступай в избу, кому я сказал! Скажи Светланке, чтоб покормила тебя. Беда мне с этим мужичком! — собрав морщинки вокруг улыбчивых глаз, сказал он потеплевшим голосом. — Любит коней, хоть ты помри. Ну что ж, поехали, значит! Хотя нет, вы айдате вперед. Мне за вами не угнаться. Начинайте с елани, что у Лебединого озера. Там, однако, до сотни гектаров наберется. Григорьевна, ты знаешь, где елань-то?..

Когда они сворачивали за угол тальникового плетня, Козырин неторопливо вываживал по двору коня, а в седле, вцепившись ручонками в луку, сидел его сынишка.

Спина у Яши широкая, крепкая, и пахнет от нее солнцем да щемящим родным запахом. Римма Григорьевна вдыхает эти хмельные запахи. Ей из-за спи-

ны видно, как мелькают сбоку рыжеватые метелки придорожного камыша, коричневые цилиндрики рогоза, синие огоньки ирисов, россыпи молочно-желтых саранок и жгуче-красных жарков. И хорошо Римме Григорьевне, и слезы, должно быть, выжатые встречным ветром, медленно катятся по ее нахолодавшим щекам.

Надежно и хорошо Римме Григорьевне за крепкой Яшиной спиной. И все же в сердце ее закрадывалась тревога, пробуждалось ощущение, что она теряет Яшу. Во второй раз в жизни не сбываются ее надежды и чаяния. Римма Григорьевна пробовала анализировать свои поступки, пытаясь доискаться до первопричины зародившейся в Яше неудовлетворенности ею. Она боялась даже подумать о том, что ждет ее, если она снова окажется одна. Нет, спрашивать его об этом она не будет, пусть он сам все решает.

У Киргина, где пестрело оранжевыми звездочками тыквенное поле, Яков свернул и завилял по еле приметной тропке, а вскоре остановил мотоцикл.

— Ну как? Не растрясло?

Римма Григорьевна, согретая мимолетным ласковым словом, хотела сказать, что ей хорошо было ехать, прижимаясь к нему, сладостно. И не сказала.

Пока он пристраивал в тени дуба мотоцикл, она успела отойти в степь. Шла, волоча косынку по зеленым. И хорошо было ей снова и грустно. Знала — отчего это. Молод Яков, и не весь он с нею. А так — только частицу его души она считать своею могла, а более ничего.

— Глянь, Яша, какое чудо! — издали позвала она, наткнувшись внезапно на куст пионов.

— А-а, сколько их, ворох целый, — сказал он, подходя. — Слушай, давай сами поглядим елань. Не дождемся мы скоро Козырина. Ты промеряй елань в ширину, а я махну на тот край, ладно?

И он пошел неспешно, отсчитывая каждый шаг. Пройдя немного, оглянулся на Римму Григорьевну, глядевшую ему вслед, и, вздохнув, двинулся дальше. Из-под его ног с легким треском взлетали бледнокрылые кузнечики, а в безоблачной выси нескончаемо пели жаворонки.

«Глянь, что творится! Какая благодать! — восхищался Яков, всей грудью вдыхая пьянящий аромат разнотравья. — Ей-богу, не хуже нашей берловской степи. А Дрездену — и вовсе не тягаться».

Почти всю армейскую службу Печерский провел на территории ГДР, в старинном Дрездене. Там и войну чуть-чуть зацепил, там и Победу встретил. И поначалу ему нравились аккуратные, как бы причесанные, полоски бауэрской земли, чистенькие прозрачные лесочки, блестящий бетон автострад, окаймленный такими же ухоженными деревьями. А потом стало тоскливо в этой ограниченной аккуратности, без буйного половодья трав, без немереной степи.

И вот здесь, на приамурской равнине, ему вдруг показалось, что все окружающее его и есть то самое, о чем он тосковал в ГДР, о чем с детства помнил. Здесь не было сухоходльных балок с зарослями терна, характерных для южных степей, не было глубокого разлива плавней, не хватало древних курганов. Зато такой же немереный простор, могучий горный хребет вдали подпирает небосвод, а позади — Амур.

Елань, вытягиваясь пологим мыском, смыкалась с нешироким озером, поросшим у берега хилым камышом и густой осокой. В кочках колодезной тушью глянце-вито поблескивала стоячая вода. Отсюда он увидел, как подъехал Козырин. Козырин и Римма Григорьевна отсюда казались ему крохотными. «Приличное все-таки будет поле, — возвращаясь к ним, думал Печерский. — Траву только жалко запахивать. Тут можно тонн триста сена навалить».

— Ну, сколько намерял? — спросила Римма Григорьевна, когда он подошел.

— Знаешь, я, кажется, сбился со счета, — виновато улыбнулся он, обезоруживая этим и ее. — Тут такая красота... Но, в общем-то, около двух километров будет.

— Ага, две тысячи метров. — Римма Григорьевна, подсчитывая в уме, прищурила глаз. — И у меня... Гм, получается примерно так, как вы и говорили, Федот Ильич. Около ста десяти гектаров. Ну это мы потом точно замеряем. А теперь нам куда?

— А тут недалеко есть еще одна релка, — простирая руку куда-то за озеро, сказал Козырин. — Тоже гектаров тридцать, однако, будет.

Часам к четырем пополудни все участки для предстоящей распашки были подобраны. Яша отвез Римму Григорьевну в село, а сам поехал по бригадам подбирать трактористов. Сначала к Жарихину, а после — к Бакшину.

Вечером, так и не побывав дома, голодный и злой, Яков приехал в правление. Бакшин постарался сплавить на целину никудышную технику, требовалось вмешательство директора МТС или Фрейдина.

В конторе, кроме Фрейдина и Субботина, уже не было никого. Увидев Печерского, Фрейдин отодвинул от себя какие-то бумаги.

— Ну вот и наш новый начальник, — сказал он. — Присаживайся, племяш. Рассказывай, как дела. Э-э, да я вижу, тебя что-то мучает. Ну-ка, выкладывай, выкладывай.

Яков придвинулся к столу, взял листок бумаги и карандаш и начал чертить схему будущих полей.

— Вот смотрите. На четыреста гектаров — восемь тракторов. По полсотни га на машину. До жатвы осталось полмесяца, максимум — три недели. Значит, каждому трактористу надо в день поднимать по три с лишним гектара. Сделаем скидку на ненастье, возможные поломки или непредвиденные простои. В итоге получается по четыре гектара в сутки на трактор. Это в три раза больше сменной нормы.

— Насколько я понял, ты брал за основу своих подсчетов подъем целины с корчевкой деревьев, — перебил его рассуждения Субботин. — Но ведь есть участки, скажем, елань у Лебединого, где гольная залежь. Я-то хорошо знаю наши земли. Так что ты брось толковать о нормах.

— Подожди, Иван Иванович, — досадливо поморщился Фрейдин. — Дело же не в норме, а во времени. Если бы весною при заключении договора с МТС мы вписали пункт о целине, можно было указать и сроки распашки и настоять на их выполнении. Тогда было бы другое дело. Теперь же и мы и МТС получили — в первую очередь они — только одно задание. По идее мы должны у Якимова принять готовую землю, отдать ему натуроплату за работу и — будь здоров! Но, в конечном счете, сроки интересуют нас больше, чем Якимов, и мы должны оказать ему посильную помощь.

Вопрос о том, сумеет ли МТС распахать эту целину до косовицы. Потому что потом уже некогда будет ею заниматься. Там пойдет зябь, уборка картошки, кукурузы, сои... А целина позарез нужна. Об этом и идет речь.

— Все понятно, — вздохнул Яша. — И ребята согласны. Я уж со всеми беседовал, постарался все объяснить. Но с самого начала вышла одна загвоздка.

— Что такое? — вскинулся Фрейдин.

— Жарихин без лишних разговоров отдал оба С-80 и оба новых ДТ-54. А Бакшин дурака валяет — дает в отряд НАТИ, на котором я работал, оба ЧТЗ и еще один СТЗ-НАТИ, похуже нашего... «Челябинцы» хоть не спеша, но плуги волокут. А «Натики» слабы для целины. И потом — у меня будет три вида горючего. Тут с одними бочками замучаешься.

— Что ты предлагаешь?

— Пусть и Бакшин отдаст свой С-80 или, на худой конец, «Дэтушки».

— Можешь считать, что эти тракторы у тебя, — пристукнув ладонью по столу, заверил Фрейдин. — Поговорю с Ильей, а станет носом крутить — подключу Якимова. Что еще?

— Тросы нужны, Наум Моисеевич. — Печерский взглянул на Субботина, ища поддержки. — Деревья, хоть их там и немного, придется чем-то дергать. Ну и с горючим чтоб не было перебоев.

— Ясно! — сказал Фрейдин. — В общем-то, тросом вас должна МТС обеспечить. Но сейчас нет времени считаться. Значит, так, слушай. Тросы можешь взять в кузнице. А заправщиком мы тебе даем Трофима Гаркушу. Старик хоть и медлителен, зато работает на совесть. Жаловаться на него не придется. Кормить вас будет Полина, ваша стряпуха. Да, на прицеп к тебе идет наш парторг. Доволен? Ну вот видишь, Яков, пока вы лазили по еланям, мы тоже кое-что успели проверить. Завтра начинайте — и, как говорится, дай вам бог!

Яков сначала поехал к заправщику Гаркуше, предупредить его, чтобы он прихватил тросы и подвез их к елани у Лебединого озера. Потом он завернул в куз-

ницу. Изот Лагутин уже вдевал в пробой двери старую заржавленную подкову. Увидев парня, пристраивающего мотоцикл у одного из столбов коновязи, Лагутин, ставя враскорячку крепкие ноги, подошел неторопливо и окинул Якова цепким взглядом черных, как антрацит, глаз.

— Чо, милок, подковать мотоцикл пригнал?

Голос у кузнеца низкий, глухой, и он как нельзя лучше подходил к его кряжистой, сутуловатой фигуре.

— А ты, батя, и мотоциклы подковываешь? — принял шутку Печерский.

— При охотке мы все сможем, — улыбаясь, Лагутин тронул вислые, с подпалинкой усы. — Особливо для шустрых. А ты, к слову, чей такой бойкий? Чо-то я тебя прежде не видал!

— Теперь часто будешь видеть, батя. Еще надоем тебе.

— А все же?

— Печерский я.

— А-а, слышал. Где робишь, у кого?

— У Бакшина. Ладно, батя, поговорить мы еще успеем. А сейчас покажи мне тросы, что Фрейдин велел сделать.

— Гляди, вон они лежат, за кузней.

Яша долго ощупывал каждый буксир, каждую удавку. Петли были сделаны аккуратно, обжаты намертво. Чувствовалась рука мастера.

— Ну, чо, подойдет? — заведя руки назад, с подковыркой спросил кузнец.

— Сойдет, батя, — вытирая руки о траву, ответил Яков. — Да ты не обижайся. Глядел потому, что корчевать завтра будем. Сам понимаешь.

Яша взглянул на Лагутина, улыбнулся и пошел к мотоциклу.

— Спасибо, батя, за тросы — хорошо сделал. Ты их завтра отдай Гаркуше. Он за ними заедет.

На выезде из проулка дорогу Яше загородил Штейн. Тормознув резко, так, что брызнул щебень и повело заднее колесо, Печерский зло крикнул:

— Тебе что, жизнь надоела?!

— Так я же знал! Я ждал, чтоб это... поговорить... — заикаясь сильнее обычного, проговорил Штейн.

— Мог бы меня и дома подождать. — Яша, остывая, уже спокойно взглянул на Штейна. — Ну, что ты хотел сказать?

— Завтра вы начинаете целину пахать? — спросил Штейн.

— Да, завтра.

— Возьмите меня...

— Ну-ну, — хмыкнул Яша. — А что ты там будешь делать?

— Что, встану на прицепе. Что я, не умею?

— Может, и умеешь... Но не возьму.

— Почему? — сразу завелся Штейн и подступил к Печерскому: — Не думай, что хуже других буду работать. Вот я сшил вашей Багряне пальто, так разве оно плохое?

— Пальто ты, может, и хорошее сшил. А не возьму, потому что не видел, как ты на прицепе работаешь. Не дал ты мне такой возможности — полюбоваться на твою работу на прицепе, дорогой Лева. А если судить по тому, как ты мне семена подвозил...

— Правильно, — согласился Штейн, пропуская мимо ушей замечание о телеге. — Не дал. Но я же должен когда-нибудь начать работать! Я живу в колхозе, так я и хочу работать, как все. А то смеются, будто я дурачок какой-то. — Он помолчал, потом попросил: — Возьми меня, Яша!

Яков сбоку видел запавшую щеку Левы, заросшую седеющей щетиной, и впервые подумал, что Штейн не так-то уж и молод. И, ощущая жалость, решившись наконец, он сказал:

— Ладно уж. Утром подойди к Гаркуше, с ним и поедешь в поле.

Тракторы — все восемь — Печерский увидел издали. Они стояли у самых кустов боярышника, в том месте, где накануне он ставил свой мотоцикл.

Возле одного С-80 с дубликатором в руках возился Валентин Пургин — тракторист из бригады Бакшина: В тени кустов поблескивал черной краской его новенький мотоцикл ИЖ-49.

— Что, никого еще нету? — поздоровавшись, спро-

сил Яша. Про себя он отметил, что Фрейдин все-таки воздействовал на Бакшина.

Пургин поставил пресс-тавот на гусеницу, смотал прорезиненный шланг с наконечником и лишь после этого повернул свое веснушчатое, круглое лицо.

— Один покуда.

— А плуги? Не знаешь, все поделали плуги, а?

— Не бойся. Все в норме.

— Я не боюсь, — спокойно ответил Яков, приминая сапогами высокую росную траву. Он все же пошел к другим тракторам и стал внимательно осматривать прицепленные к ним плуги и сами машины. Откручивая литые чугунные пробки топливных баков С-80 и ДТ-54, он по щупам проверил залитое в них горючее. Пургин сказал правду, — очевидно, перегнав сюда ночью тракторы, ребята не уезжали домой, пока не подготовили полностью машины к работе.

Вскоре кто как — пешком, на велосипедах и мотоциклах — к елани начали собираться трактористы и прицепщики. Поглядывая на Печерского, встречающего их, они здоровались с ним и Пургиным и быстро растекались по своим машинам. Штейн сиротливо топтался у заправочной телеги. Яков направил его на прицеп к Пургину. А Гаркуша между тем, облюбовав себе точок, снял с телеги бидон с солидолем, положил рядом тросы.

— Ну шо, бригадир, мабуть, пойду на стан за автолом та горучим, — спросил он. — Тут уси трактора будут робыть чи як?

— Все здесь. Давай, дядя Трофим, езжай. Первым делом прихвати лигроин, ЧТЗ жрут его, как саранча. А потом — солярку.

Из-за трактора вывернулся неожиданно Субботин. Взяв Якова под руку, он отвел его чуть в сторону.

— Слышь, давай соберем ребят на пять минут! Поговорим перед началом...

Это было похоже на еще не позабытую Яковым армейскую обстановку. Он как бы почувствовал себя в родной части перед выполнением боевой задачи. И он дрогнувшим голосом сказал:

— Разве я против? Давай!

Субботин, присев на плуг, заговорил с кутившими вокруг него мужиками:

— Да не кутившие, а собираются, но будут считать для колхоза эти гектары. Уже через год у нас появятся пары. Это, товарищи, один из пунктов, о которых говорилось в постановлении Пленума ЦК партии. Всего мы планируем освоить по нашему колхозу до двух тысяч гектаров земель. Дело трех-четырех лет. Ноне же наметили поднять четыреста гектаров. И пашни нам надо разделать до уборки. Вот в чем корень-то. Если каждый из нас станет подымать за день по три с половиною — четыре гектара — справимся...

— Однако ты тут загнул, парторг, — сказал тракторист Егор Козлов. — Это ить не зябь и не весновспашка. Тут хоть волчком вертись, а по стольку не сработашь. Так я говорю? — повернулся он к механизаторам.

— Так и норма вполтину от весновспашки, — горячо возразил Субботин.

— Не говори, Иваныч, — подал голос деловитый Валентин Пургин. — На зяби — завел плуги в борозду и хоть песни пой. А тут, где дерево попадетсЯ, где щетка... Одних лемехов поди нащелкаем, что орехов.

— Что ж, по-твоему, целый год вожжаться?

— погоди, Субботин, — вмешался Яков. — Все, что ты говоришь, Пургин, верно. Но мы сделаем так — возьмем два трактора, вот твой хотя бы и Лангермана. И будете вы корчевать и кусты дергать, подрезать их корчевателем. То есть расчищать поле, создавать остальным фронт работы. Остальные в это время будут пахать. А заработок — поровну. А что касается дневной выработки — поглядим. Может, у нас еще и больше получится.

Объясняя механизаторам задачу, Яков изучающе разглядывал их лица. Половину людей он увидел впервые только вчера, с другими едва был знаком. Но ему предстояло с ними работать, и по тому, как они слушали его, он понял, что сработается с ними.

Когда механизаторы разошлись по тракторам, Субботин, пересиливая грохот запускаемых двигателей, прокричал Якову:

— А не лучше нам всем сразу пахать? Чтоб не распыляться, а?

— На этой елани можно всем пахать. А на других,

корчевку. Но задержки все равно не будет.

— Ты думаешь?

— Ну, взгляни сам...

Яша послал Пургина на своем мотоцикле в противоположный конец елани, и, когда тот махнул оттуда шестом, он забрался в его С-80, включил скорость и, держа ногу на педали сцепления, крикнул в раскрытое заднее оконце прицепщику:

— Ну, Штейн, поглядывай! Трогаю!

Трактор, слегка подрагивая, тронулся с места, Яков оглянулся на Штейна. Тот сосредоточенно вертел винт регулировки глубины пахоты. Выхав на середину межи, Яков повернул свой С-80, ориентируясь, навел выхлопную трубу на едва приметный отсюда шест и, как только они совпали, резко прибавил обороты. Двигатель взревел, и трактор, качнувшись всей многотонной своей машиной, двинулся вперед.

Они припозднились с началом пахоты, но все-таки еще было утро, солнце пока не высоко поднялось над горизонтом. На западе мгlistая наволочь, предвестник зноя, уже напозла на чистое небо.

Ветерок принес гомон грачей, догадливо облепивших недалний кустарник.

Яков снова оглянулся. Большие глыбы дерна, нетронутого веками, казалось, вязались еще со своим лоном, густо переплетенные корневищами трав и кустов. Они даже шевелились, эти глыбы, и, если бы приглядеться, можно было бы увидеть, как с них осыпаются комочки земли. Но солнце уже обсушивало верхний слой пахоты, с глыбы на глыбу перепрыгивали грачи и какие-то птахи поменьше, неведь как учуявшие поживу. Над разбуженной еланью вместе с грохотом двигателя стлался отработанный газ, и это был уже не целик, а пашня — первые метры пашни.

У темного среза борозды четко отпечатался след гусеницы. К нему уже пристраивался ЧТЗ Егора Козлова, за ним, уступом — трактор Новожилова.

Но первую борозду на будущей пашне прокладывал все же он, Яков Печерский. Он еще не взрастил здесь своего хлеба, еще не ощущал его духовитый аромат, знал пока лишь едкий запах затраченного пота. Но Яков уже коснулся этой новой для себя земли, обраба-

как след, ниточка пашни, прочно привязывавшая его к земле, как пуповина.

За околицей Амурьевска дорога на Еланцево петляет вдоль пологого откоса сухоходной протоки. Дорога эта — единственная, по ней много ездят, но догляда за ней нет. В распутицу, объезжая ямы, каждый шофер, подкладывая под колесо доски, жерди, хворост, разбивал ее все больше. В ведро, когда зной и ветер, попеременно дующий то с Амуре, то из степи, осушают грязь, колени твердеют, и дорога становится похожей на гигантскую стиральную доску.

Отъехав километра четыре от Амурьевска, Козырин не выдержал жестокой тряски и свернул в лог. Покряхтывая, слез с телеги, рассупонил хомут, ослабил чересседельник. Конь, недоверчиво кося фиолетовым глазом, потянулся к кудрявой веточке вязиля.

Достав литовку, притороченную к борту повозки, Козырин отошел немного в сторону, скинул рубаху, словно собирался косить до самого вечера. Бросив на траву фуражку, он поплевал на ладони и взялся за косу.

Трава уже отцвела и начала грубеть. Она сухо вызванивала под косой, но Козырин все стелил и стелил ее под ноги. «И чего они на меня навалились? — угрюмо думал он, вспоминая недавнее заседание райисполкома, выступление завотделом культуры и довольно резкий разговор с председателем райисполкома. — Ну плохо работает клуб, гнать надо из него этого бездельника. А кого я поставлю вместо него? И опять, не только же у нас худо. А тут Агаша еще подкачала. Ну что мне с ней делать? Ах ты, несчастье...»

Жена Козырина, Агафья, последнее время постоянно болела. Когда он вернулся с войны, она, как все солдатки, работала на колхозной ферме, растила пятерых детей. А потом, родив шестого, последнего — Васятку, сразу сдала. Мучительно сказались на ней заботы и лишения военных лет.

Приезжая в райцентр, Козырин каждый раз с бьющимся сердцем шел к жене в больницу. Не мог он спокойно видеть ее молчаливое страдание. Завидев

мужа, открывающего дверь палаты. Агафья подымалась, надевала больничный халат и, придерживая восковой рукой его полы, тихонько брела в скверик. Хотелось наедине расспросить мужа о детях, о хозяйстве, побыть с ним рядом.

Рассказывая ей о том, как готовит поест ребятишкам, как доится корова и что огород уже окучен, Козырин, глядя на бледное исхудавшее лицо жены, на ее истончившуюся шею, каменел от жалости и сострадания. Он оберегал жену от лишних переживаний, старался казаться спокойным и ровным.

Агафья наказывала ему, что и как лучше сделать, пробовала улыбаться обесцвеченными губами. Но горестные морщинки, сбегавшие от углов рта к заострившемуся подбородку, делались все глубже, и Агаша от этого казалась еще больше беспомощной и жалкой.

«Надо свезти ее в Хабаровск, — думал Козырин. — Вот приеду домой, соберусь и повезу ее к профессору. А клуб никуда не денется».

Козырин, нагнувшись, взял пучок травы, вытер им потное лицо, шею, грудь и, вдруг осмысленно взглянув на три валка кошенины, растянувшихся полукругом по лугу, досадливо сплюнул.

— Эка наворочал, сдуру-то!

Он неторопливо натянул рубашку, надел фуражку, положил в телегу протертую насухо литовку, сверху бросил несколько охапок травы и взял в руки вожжи.

«И чо я зря терзаюсь? — забираясь в телегу и поворачивая коня к дороге, подумал он. — Приеду, увидаюсь с Субботиным, с Фрейдиным, все им обскажу. Должны же они помочь в таком деле».

А день между тем исходил зноем. По краям неба грудились кудрявые облака. Солнце, забравшись почти в зенит, жарко осветило дорогу и все окрестности, вплоть до дальних сопок.

Козырин догнал каких-то людей, медленно бредущих обочиной. Впереди шли две молодые женщины, по одежде — не деревенские. За ними, кособочась от тяжести чемодана, устало плелся мужчина в армейской одежде, но без погон. Гимнастерка на нем у ремня и на лопатках темнела от пота.

На звонкое тарыхтение колес первым очнулся мужчина. Он окликнул женщин и остановился, с явным

облегчением спуская с плеч чемодан. Обернувшись и женщины, и теперь настала очередь изумляться Козырину.

— Фу ты, надо же! — кинув вожжи, он весело развел руками. — Своих природных не угадал. Ну, девоньки, богатыми будете!

— Ой, дядя Федот! Тебе бы раньше нагнать нас! Глянь, как упарились.

Смуглая, черноволосая девушка с маху бросила в телегу баульчик и сумку-плетенку. Спустя миг она сама пристроилась уже около Козырина и, сняв туфельки, вытряхивала из них набившийся в пути песок. Несмело шагнула к телеге и ее подруга — статная, высокая девушка. Козырин узнал обеих. Это были Зоя Лагутина, младшая дочь еланцевского кузнеца, и Ленка — сестра Яшки Печерского. Сдав государственные экзамены, они, уже дипломированными учителями, возвращались домой.

— Га, девчата! А я и не признал вас сразу! Домой, значит? Ну, залезайте, враз домчу, — говорил Козырин, а сам косился на парня, стоявшего с чемоданами поодаль. — А это чей же? Зоя, твой, чо ли?

— Это муж мой, Федот Ильич, — смущенно краснея, ответила Ленка и позвала: — Сема, иди сюда!

— Ай да Ленка! — качая головой, усмехнулся Козырин. — Значит, ты в городе соединила полезное с приятным. Ну, молодец, как говорится! А мать-то хоть в курсе?

— Вообще-то Сему она знает. — Лена покраснела и отвернулась.

— Понятно. А ты, Зойка, — пытливо взглянул он на дочь кузнеца. — Часом не сготовила отцу подобный же подарок?

— Скажешь тоже, дядя Федот, — фыркнула девушка.

— А чо? И тебе время подоспело. Учеба, как я понимаю, закончена, года твои тоже подошли. Теперича можно и замуж. Небось есть кто на крючке-то, а?

— Да ну вас, дядя Федот! — замахав руками, засмушалась Зоя.

Козырин понукнул коня и, подхлестывая его вожжами, незаметно разглядывал Ленкиного мужа.

А был Семен едва ли не пониже своей жены, узковат в плечах, рыжеволос и так густо веснушчат, что,

казалось, и в светло-зеленых глазах его были золотистые крапинки.

— Что же вы так-то добираетесь? — спросил Козырин. — Пароходом-то сподручнее.

— Пароходом дольше, — ответила Зоя. — Мы решили поездом. А то добрались бы только к завтрашнему утру.

— Ну а ты, молодой человек, тоже до нас жить собрался или только к теще на блины? — не унимался Козырин. — Я гляжу, армейское ишо на тебе.

— Я недавно демобилизовался.

— А-а, — протянул Козырин. — Значит, давненько это у вас решилось!

Семен, пристраивая на коленях футляр, принятый сперва Козыриным за чемодан, спокойно сказал:

— Давно.

— Ага. Ну, а робить где будешь, ежели не секрет? Чем заниматься-то станешь?

— Дядя Федот, — вмешалась Зоя. — Ты его по должности допытываешь или просто так?

— При чем тут должность? — отмахнулся Козырин. — Для меня-то он человек новый, вот и интересуюсь.

Семен, посмеиваясь одними глазами, повернулся к Козырину.

— Когда-то, до армии, приходилось в колхозе работать. Надеюсь, что-то для меня и здесь найдется?

— Хе! Да ты только заикнись нашему Фрейдину. Он за тебя — руками схватится. После захочешь уйти — не отпустит, уговорит. Плохо с народом-то в колхозе.

— Везде людей не хватает. Война давно ли отшумела, — сказал парень.

— А это чего у тебя? — кивнув на футляр, Козырин подошел наконец к вопросу, мучившему его больше всего. — Гармонь?

— Нет, аккордеон.

— Гм, — Козырин обрадованно лизнул губы. — Играешь на нем?

— Немного, — усмехнулся Семен.

— Ну-ну, — вроде бы потеряв интерес, проговорил Козырин. Подстегнув коня, замолчал, задумался.

Телегу подкинуло на рытвине, Козырин очнулся.

«Надо же. Коль он аккордеонист, заберу в клуб. А через него и девок можно привлечь. Какой курс-то они прошли? Ага... физмат. Ну бог с ним, с физматом. Главное, что с дипломами».

В редких прогалинах прибрежного тальника свинцово поблескивал Амур. Наконец-то повеяло речной прохладой.

Телега покатила быстрее, колеса бойчее затарахтели на подсохших рубцах дороги.

Выскобленные порожки сельсоветского крыльца влажно темнели. Козырин долго шаркал подошвами сапог о разостланную мокрую тряпку.

В комнате были секретарь сельсовета Устинья Баранова и фельдшер медпункта Александра Лунева со своими не по летам рослыми сыновьями-подростками Стасиком и Виктором. Ребята безучастно разглядывали образцы бланков и формуляров. Устинья, скрестив руки под грудью и перегибаясь к худенькой Луневой, что-то говорила полусшепотом.

При виде председателя женщины встали.

— Ты чо, Шура, спозаранку глаза вымочила? — спросил Луневу Козырин.

— Да так, — шмыгнула она носом. — А я к тебе, Федот.

— Ну, входи. Устинья, меня никто не спрашивал?

— Нет, Федот Ильич. Может, раньше кто приходил?

— Вот что, Устя, — уже из-за перегородки попросил Козырин. — Тут один парень явится на учет вставать. Он мне нужен. Ты его заметишь — он рыжий. Александра, а ты чо? Входи!

Лунева бочком протиснулась в кабинет Козырина и, прикрыв за собою дверь, вздохнула.

— А пришла я, Федот, вот из-за чего. Надумали ребята мои в Хабаровск податься. В речное училище. Ты уж выдай им справку-то, не держи!

Козырин перестал рыться в ящике стола, удивленно уставился на нее.

— В речное? — растягивая слова, переспросил он.

— Ага. — Женщина вздохнула, прижала концы полушалка к глазам. — Я им сколько раз говорила, чтоб

не ехали. Уперлись, хоть кол на голове теши. Их старшой-то, Анатолий, сманивает.

— Да-а, — задвигая ящик на место, неопределенно протянул Козырин. — Ты вот чо, Александра. Ты выдь туда, к Устинье, посиди маленько. А ребята пущай зайдут.

Лунева юркнула за дверь, а порог кабинета дружно и решительно перешагнули ее сыновья.

— Проходите, проходите, — подбадривал их Козырин. — Прикройте дверь. Вот. А теперь садитесь, потолкуем. Да садитесь, говорю. Сидя-то сподручнее беседовать.

Разглядывая рослых широкоплечих мальчишек, Козырин словно ощупывал глазами их крепкие плечи. Вот так же несколько лет назад пришел их старший брат, о котором только что говорила Лунева. Тогда Козырин не нашел слов и доводов, чтобы отговорить парня от переезда в город. И колхоз потерял хорошего работника. Да, собственно, и уговаривать было бы как — и голодно, и сиро жилось еще людям в Еланцеве. После войны прошло-то совсем немного лет. И думалось ему тогда: «Пусть и из еланцевских кто-нибудь достигнет в городе высот — там тоже безлюдье, нужны мужские головы и руки». И отпустил. А скольких он, Козырин, потом еще отпустил! Некоторые ушли сами. И потом волей-неволей пришлось им выправлять здесь документы, высылать. А сейчас столько возникло планов, его родные Еланцы поднимают целину, трактористы отряда Печерского выходят на широкую дорогу, а тут молодые люди хотят уехать. И затосковало в нем все, и обидно и горько сделалось. Мать их, Александру, Козырин понял — не верил он ей, будто она их отговаривала. Скорее помогала «в люди» выйти. И подумал о ней сердито и недобро.

— Ну что, орлы, может, серьезно потолкуем, по-мужски. Вот разъясните мне поначалу: чего вы в город-то идете? Может, я чего недопонимаю, а?

— Учиться будем.

— Так. А еще чо?

— Ну работать потом, плавать...

Ребята непонимающе пожали плечами и переглянулись.

— Ну, кинотеатры, стадион строится. Да мало ли...

— Значитца, погулять себе где пойдете? Удаться? Так-так. А здесь, выходит, нельзя учиться? Мы для кого школу-десятилетку сделали? Для нас с Устиньей или для вашей матери? Да что вы, хлопцы, знаете о родном деле? А может, посидите денек и захочется вам в торгово-финансовый, а не в речное поступить, а? А ведь из вас хорошие бы хозяева земли вышли. Ну вот из тебя, Стась, допустим, директор МТС или главный агроном? А из тебя, Витька, председатель колхоза или сельсовета. Не вечные же мы с Фрейдиным!

— Мы свободные люди, — за обоих бойко и заученно ответил старший — Стась. — Где хотим... Все дороги...

— Эх, заучил, парень! — усмехнулся Козырин. — Прежде всего надо дороги-то в жизни со знанием выбирать. А что вы знаете о речниках? Только то, что ваш Анатолий в тельнике ходит да форму красивую носит. А землю вы знаете, да и она вас знает.

Козырин повеселел: кажется, он нашел нужные слова.

— Вот поживите, попробуйте себя узнать, чего вы хотите на самом деле, а уж потом валяйте оба из села — насильно держать вас не станем.

Мальчишки насупились, молчали.

«До чего же они в семье все друг на дружку схожи, — подумал Козырин. — Будто враз родились».

А мальчишки молчали, раздумывали, но прежней решимости в их лицах не было. Козырин вдруг понял, что победил — чуть-чуть, но победил. И он усмехнулся, подумав, что Александра сейчас втайне надеется, что он отпустит их. Ан не вышло, хоть он им и не запрещал. «Ах, старая, старая. А изображала-то горе... Ну, артистка!»

— Вот так, дорогие мои Луневы, — сказал он. — Ступайте. А может, мать-то обрадуется, а?..

Козырин, закрыв на ключ ящик стола, пошел было вслед за ребятами и у двери лицом к лицу столкнулся с Фрейдиным.

— О-о, ты, я вижу, торопишься? — спросил тот, снимая фуражку. — У меня дело к тебе есть. Но перво-наперво расскажи, что было на исполкоме?

— А чо говорить. Расчихвостили меня по всем статьям.

протянул руку к графину с водой. Стакана не было, он, поискав его глазами, приложился прямо к горлышку.

— За плохую постановку культурно-массовой работы, дорогой мой. Слушай, Наум, у тебя время терпит? А то мне домой надо да еще в больницу. Дело я одно надумал.

— Если так, можно потерпеть. А что с Агафьей?

— Об этом я и хотел с тобою посоветоваться, — снова присаживаясь к столу, сказал Козырин. Он помолчал, опустив углы твердых губ, потом вскинул на Фрейдина тревожные глаза. — Хочу в краевую клинику ее свозить, показать хорошим врачам.

— Не знаю, что ты до сих пор тянул.

— А дом, детишек на кого я брошу?

— Попросил бы кого-нибудь доглядеть. Да вот хоть бы Устинью. Я бы свою Брайну послал, да толку от нее никакого, — Фрейдин тяжело вздохнул. — Не ладится у меня с нею жизнь.

Он потеревил нос, помолчал и заговорил совсем не о том, с чем пришел к Козырину.

— Да-а. Вот, кажется, трое нас, а не успеваем. Мне, тебе и Субботину доверили здесь все, как говорится, от «А» до «Я». А мы, кроме колхозного плана, ничего не видим. Уткнулись в коровьи хвосты и считаем, что так надо. А остальная жизнь мимо нас идет. Кто болеет, кто рожать собрался, в чем школа нуждается или, скажем, медпункт — мы плохо знаем. Может, из-за этого молодежь и уезжает из села, а?

— Ага, стал быть, и до тебя дошло? Это хорошо! — сказал Козырин. — Теперича вместе будем думать, как получше жизнь в Еланцах устроить. А может, ты уже что надумал?

— Чудак ты, Федот, ей-богу, — сказал Фрейдин. — Откуда я знаю, что лучше? Подумать надо, крепко подумать. Может, и найдем выход. Ну ладно. — Он взглянул на часы и устало поднялся. — Еще на целину мне надо да на сенокос. Что-то у Резника там не ладится.

— Так ты зачем-то приходил, а?

— Да вот райисполком требует, чтоб прислали акты на затопленные посеы. Нам ведь, при всем несчастье, от этого и какая-то выгода есть. Ты, как власть

Григорьевной оформите все честь честью.

— У них там всегда горит, все подай немедленно, — проворчал Козырин. — Но, что касается затопленных участков, дело надо быстро спроворить, — выходя вместе с Фрейдиным из сельсовета, говорил Козырин. — Пусть Римма Григорьевна или еще кто замеряют, кого-нибудь из депутатов пошлем, составят акты. А я как подъеду из Хабаровска — подпишу. Не обманете же вы меня?

— Ты что, Федот. Как можно?..

Пребывая в думах о затянувшемся сенокосе и о надвигающейся уборке хлебов, Фрейдин незаметно доехал до Лебединого озера. У поворота приметил в низине белеющую косынку Варвары Щепетовой, одиноко купающейся на бахче. Фрейдину захотелось взглянуть и на целину, и на бахче побывать — раз уж оказался он в этих местах. Недолго поколебавшись, он стал спускаться по тропке в низину.

Дома он жил невесело. А во всем была виновата жена его, Брайна. С той самой поры, как его избрали председателем колхоза, Брайна возомнила, что жизнь, одинаковая со всеми колхозницами, ей уже не приличествует. Сначала она занялась поисками и покупками мебели, достала батарейный радиоприемник, добилась именем мужа, чтобы в доме установили телефон, одеваться старалась по моде. Но это еще куда ни шло. Всяк по-своему с ума сходит. Фрейдин мирился и с ее пестрыми халатами, и с мягкими стульями. Но Брайна, и до того редко выходившая на работу, отказалась теперь работать вообще, а это уже прямо било по нему. До поры до времени он молчал, видя, как жена, ссылаясь на болезни, целыми днями отлеживалась в постели с книгой в руках. Нередко она, прихватив дочь, уезжала в областной центр. Видя, что предела этому не будет, Фрейдин несколько раз пытался поговорить с нею, стыдил ее и даже грозил разводом. Брайна в таких случаях обматывала голову влажным полотенцем и, истерически всхлипывая, валилась в постель. Говорить дальше с нею было уже бесполезно. Дело у них постепенно шло к полному разрыву: свой дом для него стал чужим.

дал. Он поздно ночью вернулся с амурского острова, где после наводнения бригада косарей заготавливала сено из подростшей отавы. Войдя в дом, включил свет.

— Брайна! — ополаскивая руки под умывальником, окликнул он жену. — Есть что-нибудь покушать?

— Жаркое в духовке, — слабым голосом ответила она из спальни.

Тыкая вилкой в мясо, картошку с крупинками застывшего жира, Фрейдин молча обводил глазами неприбранную кухню. «Опять болеет». На душе у него было так скверно, что даже есть расхотелось. Собирая хлебным катышем крошки с клеенки, он долго молча сидел за столом. Потом зачерпнул из ведра воды, отпил с полкружки и вылил остатки в таз под умывальник.

— Брайна, у тебя опять капризы?

Жена чем-то шуршала в спальне, вскоре вышла на кухню в длинном до пят, ярком байковом халате. Из-под махрового полотенца, обвязанного вокруг головы, выбивались недавно вымытые густые волосы.

— Ну вот, я поднялась. Теперь тебе легче? — Брайна присела около стола на стул, сунув руки в глубокие карманы халата. — Ты даже не поел?

Фрейдин искоса поглядывал на жену, но молчал. Лишь стаскивая у порога сапоги, он не выдержал:

— Вот убей меня бог, Брайна, не могу понять, что с тобой сделалось! Вы же с Фирой родные сестры, а совсем разные люди.

— Что ты еще хочешь от меня? — медленно выговаривая слова, спросила Брайна.

— Хочу, чтоб ты работала, как всю войну и после нее работала. Мне из-за тебя стыдно людям в глаза глядеть.

— А почему тебе должно быть стыдно за меня? Разве я обворовала кого? Было бы у людей столько болячек...

— Никаких у тебя болячек нет, Брайна, — грохнул Фрейдин кулаком по столу. — Ты вдолбила это себе в голову!

Брайна рывком поднялась, достав из кармана какие-то порошки, швырнула их к ногам мужа. Полные щеки

налились свекольной краской. Голос стал неприятным, визгливым.

— По-твоему, я лекарства принимаю просто так? Ради нечего делать?

— Лодырь, когда все работают, все равно, что вор, — сурово сказал Фрейдин.

Брайна, видимо, забыла о больной голове, сдернула полотенце и подступила вплотную к мужу:

— Скажи откровенно, что ты от меня хочешь! Если ты не хочешь жить со мной, то нечего сваливать на людей. Можешь уйти.

— Если ты не изменишься, мне и в самом деле придется уйти.

— Наверно, нашел уже какую-то!..

— Дура ненормальная! Только одно у тебя на уме! — вскипел окончательно Фрейдин и, не сняв до конца сапог, стал снова его натягивать. — Вот уйду, совсем уйду, — пригрозил он. — Поймешь тогда, почему фунт лиха!

Он схватил со спинки стула гимнастерку и, натягивая ее, чертыхаясь, выскочил во двор. Закурив, постоял немного у калитки, потом бесцельно побрел уснувшей улицей.

11

На краю пашни, у неширокой межи, разделявшей тыкву и бахчу, Фрейдин спешил, привязал повод к передней ноге Ласточки и чуть ослабил подпругу. А сам, осторожно ставя ноги в разветвившихся арбузных плетях, пошел к Варваре.

На вылинявшем от жары небе замерли почти недвижимо пухлые облака. И на желтую степь падали их медленные тени. От бахчи, заслоненной Киргином от ветра, тянуло душным жаром.

Стянув с головы фуражку, Фрейдин вытер подкладкой мокрое от пота лицо. Варвара не видела его — полола. А Фрейдин заметил все: и полные ноги Варвары с коричневым загаром, сильную и ладную спину, плотно обтянутую стареньким, некогда цветастым сарафаном. На оголенных руках Варвары под тугой кожей играли крепкие мышцы. И Фрейдин залюбовался ею и тем, как красиво, играючи, работала эта женщина.

И мысленно сравнивал ее с располневшей, рыхлой, теперь уже совсем чужой ему Брайной.

Фрейдин негромко кашлянул в кулак. Не разгибая спины, Варвара повернула голову и, увидев председателя, выпрямилась. Одернув сарафан, Варвара сказала:

— О-о, гость! Каким ветром, председатель?

— Попутным... Бог в помощь, что ли.

Варвара сняла косынку, встряхнула ее, вытерла пот с бровей и переносицы и улыбнулась, влажно блеснув подковкой кипенно-белых зубов.

— Ага, бог-то поможет...

— Тяжело одной, Варвара, а?

— Ничо, справляюсь помаленьку. Вот только скучи-и-ща!.. Когда агрономша заглянет или Ефим Мазанник. А то цельными днями одна — муторно становится, — Варвара глазами поискала свободный клочок земли, села, облегченно распрямила ноги и уж после снизу взглянула на Фрейдина. — Ты бы, председатель, ради развлечения дал бы мне старушонку какую или деда Агеича. Хоть поболтать было бы с кем. Что улыбаешься? Иди-ка лучше сядь. Стоишь столбом, мне так неловко разговаривать, а стоять — сил нет, спина болит.

Фрейдин подошел, сел рядом. Земля была сухая и теплая. Тихонько вертя фуражку между колен, он предложил глуховатым голосом:

— А ты со мной поболтай.

Варвара глянула ему в лицо насмешливыми глазами.

— В кои-то веки завернул на пять минут и уже выхваляешься. Ну, может, ишо появишься разок... и все... А мне так тошно.

Отведя взгляд в сторону, Фрейдин не знал, что ответить.

Непостижимы пути, какими женщина приходит к убеждению, что только она, и никакая другая, нравится именно этому мужчине. Фрейдин еще не сказал ничего, а Варвара уже почувствовала, что на бахчу он заехал-то ради нее.

— Могу и почаще заезжать.

— А с какой нужды?

— Значит, надо. — Фрейдин сорвал росший около стебелек пырея и крепкими ногтями стал отщипывать

от него кусочки. — Может, и мне каждый день тошно. Мне видеть тебя... хочется, — решившись сказать ей это, он говорил негромко, запинаясь, будто увязая в собственных словах.

Склонив к плечу пышноволосую голову, Варвара чертила сухой былинкой какие-то замысловатые фигурки, долго молчала. И Фрейдин — словно черт его дернул — взял ее за руку.

Варвара отняла свою руку и поднялась. Глаза ее блеснули синим полымем.

— Не надо этого, Наум! Зачем?

— Да ты что, Варвара? Упаси бог!

Фрейдин тоже поднялся и стоял перед ней виновато и растерянно.

— Варвара, я же...

— Брось, Моисеич! Не надо — и все. Ты понял, и я поняла.

— Варвара, послушай... Ну я...

— Ладно, поговорили.

Она вернулась к своему рядку.

— Езжай, езжай по своим делам!

Фрейдин крикнул, махнув рукой, зашагал к меже.

Поймав Ласточку и взнуздав ее, он наметом взлетел на Киргин и лишь там оглянулся. Внизу, на бахче, белела косынка Варвары. Фрейдину сперва показалось, что и она смотрит в его сторону. Но, приглядевшись, он увидел, что Варвара продолжала полоть как ни в чем не бывало.

Небольшой точок тесно установлен железными бочками с горючим и маслами. Вдоль межи лежат в кучах выкорчеванные деревья, слышен гул тракторов, то отдаляющийся, то накатывающийся, как прибой. И запах пахоты — смешанный запах земли, солнца, вянущих трав, солярки — все это теперь стало обычным для Риммы Григорьевны.

Она приметила укрытый ветками от солнца «Киевлянин» Печерского. Значит, он не уехал в МТС, как сказал ей. Она не видела его почти целую неделю. Но ни Яши, ни другой живой души поблизости не было. В дальнем углу релки тракторы допахивали загонку. Бригадир должен быть там.

Когда Римма Григорьевна подошла к загонке, Яша что-то крикнул трактористу, засмеялся и, широко ступая поперек вздыбленной пахоты, пошел ей навстречу.

— Принимать пахоту пришла?

Все еще чему-то улыбаясь, он поздоровался с нею кивком головы. Яша был весь перепачкан землей: и лицо, и волосы, и руки, и одежда — даже на бровях у него были застрявшие комочки земли. И вот такой — умаявшийся, с покрасневшими, набрякшими веками, почерневший — Яша был ей куда роднее и доступнее, чем даже в мгновения близости. Его молодое живое лицо неизменно наводило ее на горькую мысль о разнице в годах.

Усталость же делала Яшу старше, как бы приближала его к ее возрасту. Римма Григорьевна была бы куда счастливей, если бы худошавое веселое лицо Яши покрылось сеточкой морщин и на висках у него засеребрилась седина. Тогда уж он остался бы с нею на всю жизнь.

— Нет, я мимоходом, — сказала Римма Григорьевна, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Яша не заметил этого, продолжал:

— Тут такое ЧП произошло... И смех, и грех... — И он беззвучно засмеялся.

— А что такое?

— У тебя есть время? — спросил он. — Тогда идем, здесь недалеко яма с водой. Я расскажу и заодно умоюсь.

...А случилось вот что. Молодому трактористу Мише Лангерману потребовалось долить воды в радиатор своего С-80. Идти с ведрами к недалекой яме парень поленился и погнал туда машину. Возможно, в обычное время трактор прошел бы там без происшествий. Гусеницы у него достаточно широкие. Но из лога всего несколько дней назад ушла паводковая вода, и земля еще как следует не просохла. С-80 внезапно забуксовал. Жидкая грязь, пузырясь, начала заполнять колеи, продавленные гусеницами в зыбком грунте. Лангерман несколько раз качнул трактор вперед-назад, трясина, однако, цепко ухватила машину, и она стала погружаться глубже. Струхнув, Лангерман кинулся за помощью.

Трактористы ошупали почву вокруг трактора, подложили в колеи принесенные с релки колья и чурки, подогнали два трактора. Однако и двойной тягой не вытащили засеваемый С-80. Буксиры, изготовленные Лагутиным из восемнадцатимиллиметрового троса, полопались при первой же натяжке, как нитки.

Лангерман, вертя головой на худой кадыкастой шее, виновато поглядывал то на Пургина, то на Новожилова:

— Что делать, а? Мужики? Что делать? Боже мой!

— Понесли же тебя черти! — взорвавшись, фальцетом выкрикнул Пургин и уже спокойнее добавил: — Не до самого же Амурсьеска эта трясина — вытаскиваем.

Яша подъехал к ним, когда трактор еще сидел в болоте. Шагая по глинистой жиже, чуть не до половины залившей уже бортовые тележки, он тоже обошел вокруг С-80, заглянул под раму, поглядел на концы изорванных удавок.

— Вот что, — сказал он Пургину. — За огородами деда Агеича на берегу лежит длинный обрывок троса. Толстый такой. Наверно, речники его бросили или сплавщики. Сбегай на ИЖе. За тебя пока Лангерман пахать будет.

Пургин вернулся быстро — успели только один круг сделать. За мотоциклом волочился толстый стальной канат, покрытый ржавчиной. Тракторы поставили ближе к засеваемой машине, зацепили трос и осторожно двинулись. Когда буксир натянулся, Яков резко взмахнул рукой. Взревели двигатели, но Новожилов второпях не захлестнул буксир двойной петлей. Трос выскользнул и наотмашь хлестнул по сиденью ЧТЗ. Новожилов соскочил с трактора и растянулся в грязи. Потом он, с непостижимой прытью, поднялся и кинулся наутек.

— Он не сильно зашибся? — сгоняя улыбку, спросила Римма Григорьевна.

— Да нет! Трос не задел его. А то было бы не до смеха.

Рассказывая это, Яша успел очистить брюки, сапоги и теперь, скинув гимнастерку, умывался, сидя на корточках перед ямой. Он ладонями черпал воду и щедро

лил ее себе на грудь, на черную от загара шею. Вода рассыпалась мелкими брызгами.

Римма Григорьевна мяла в пальцах веточку, ревниво и с нежностью следила за Яковым. Ныло сердце, и ей почему-то хотелось плакать, чтоб не разревься, она до боли прикусила губу.

А над логом, над релкой и безбрежной марью висло в синем небе жаркое полуденное солнце. В сторону Амура косяком проплывали облака. Тихим звоном падала с высоты трель жаворонка. В траве стрекотали кузнечики, лениво и тонко зудили комары.

Вытирая плечи гимнастеркой, Яков подошел к Римме Григорьевне.

— У-у, хорошо! Ну, что? Пойдем?

— Подожди, посиди маленько.

Он послушно опустился рядом. Римма Григорьевна, помолчав, спросила:

— Что так долго не приходил?

— Завертелся как чумной.

Яша упорно не поворачивал головы, прятал взгляд. «Не то он говорит, — холодея от ударившей в сердце догадки, подумала она. — Обманывает. Вот оно...» Лицо ее полыхнуло румянцем. От прилива крови застучало в висках. Стало до слез обидно, больно.

— А сегодня?

Покусывая травинку, по-прежнему избегая ее взгляда, Яша промолчал. Не хотел он больше идти к ней — встречи эти стали ему в тягость. Яше и жаль было Римму Григорьевну, но к ней его больше уже не влекло. Не радость и пьянящую слабость уносил он в душе, уходя от нее, а тоскливую пустоту. И не мог он вот так сразу сказать ей об этом, наотмашь ударить Римму Григорьевну. Но и тянуть дальше было нельзя.

— Знаешь, Римма... — Он сорвал и сунул себе в рот травинку жесткой осоки, пожевал ее, сплюнул и сказал, как в омут прыгнул: — Знаешь, я больше не буду приходить. Прости меня. Не могу я, Римма. Не знаю сам — почему...

С непостижимым спокойствием, удивительным для нее самой, Римма Григорьевна тихо сказала:

— Я это чувствовала. Каждую минуту чувствовала. Ну что ж — не судьба. Может, другой повезет. Есть уже другая?

Яков поднял глаза, встретился наконец с ее взглядом.

— Да нет, другой-то нет. Я бы знала, — горько усмехнулась она. — Еланцы не город — знала бы. Ну, я пойду.

Римма Григорьевна вздохнула, поднялась, отряхнула юбку.

Яша молчал. А когда он поднял голову, Римма Григорьевна уже торопливо уходила к релке. Она шла как-то неровно, часто спотыкаясь, плечи ее горестно поникли. И в Яше ворохнулась острая жалость. «Может, позвать, остановить? — Он даже вскочил на ноги, но тут же сел. — Нет, пусть. Не могу я больше обманывать и ее и себя».

Отъехав километра два от релки, Римма Григорьевна свернула с проселка, бросила велосипед и бегом, не видя земли под ногами, побежала к чаще орешника на невысокий мысок. Слишком много душевных сил было отдано ею там, и сейчас, упав на землю и зарываясь лицом в сухой прошлогодний лист, она дала наконец волю рвавшимся наружу рыданиям.

В кустах баюкалась дремотная теплынь. Шуршала где-то мышь-полевка, временами попискивала невидимая в кустах овсянка. Нижние листья орешника взялись уже ржавыми крапинками увядания; влажный, опавший покров источал крепкий запах прели и тмина. По начавшей выгорать траве неторопливо ползали какие-то букашки.

Римме Григорьевне вдруг вспомнился такой же вот полдень во время обработки посевов сои. По пути она заехала на поле проведать Яшу. Тогда так же пекло солнце, паря в небе, недвижно висел над ними коршун, и земля пахла так же дурманяще терпко. Духовитость земли сливалась с родным, волнующим запахом Яшиного тела, и Римме Григорьевне было легко, и на глазах у нее наворачивались слезы счастья. Тогда так же плыли по синему небу истончавшие от зноя облака. Струилось марево над разомлевшей землей.

И, обнимая сейчас толику этой земли, ощущая лицом тепло полуистлевших листьев, Римма Григорьевна снова и снова плакала, чувствуя, как велико и непорочно ее горе.

В тот же вечер в конторе колхоза Яша снова увидел Римму Григорьевну. Как и днем, его опять удивило ее, казалось бы, полнейшее равнодушие к случившемуся.

В кабинете Фрейдина шел спор между нею и председателем. Впрочем, горячился один Фрейдин. Шагая от стены к стене, он что-то говорил Римме Григорьевне, сидевшей у противоположного конца стола. Она держала руки в карманах жакета и, поглядывая на стопку бумаг, лежавших перед ней, отрицательно качала головой.

— В таком виде я сводку не подпишу.

Фрейдин на миг остановился, поглядел на нее округлившимися от гнева глазами, подергал себя за кончик носа и снова принялся ее убеждать:

— Ну что ты будешь делать?! Я ей говорю ночь, а она мне — день! Не понимаю, почему я тебе должен доказывать?! Разве ты сама не видишь выгоды? И, если нам уж подвезло и мы вместо убытков от наводнения можем получить страховку, почему не воспользоваться случаем?

— Это обман, Фрейдин. А я на обман не пойду.

— Значит, мы все тут обманщики. Одна ты честная. Но, когда дело касается оплаты трудодня, колхозники почему-то спрашивают с меня. И если что случается, в районе шею мылят тоже Фрейдину.

— Наум Моисеевич, думайте обо мне, что хотите, но эти акты я не подпишу.

— Да-а, — сказал Фрейдин каким-то рыдающим голосом. — Накачал мне черт агронома.

— За чем же дело стало? Можете меня рассчитать.

— Ишь чего захотела? Нет, тебя не увольнять, а бить надо!

Фрейдин, исчерпав, видимо, все доводы, подошел к столу, не зная, как быть дальше. Несколько секунд в кабинете слышалось только его сердитое сопение. И тут Фрейдин увидел Якова. Он ухватился за него, как утопающий за соломинку.

— Вот ты, Печерский, объясни ей. Растолкуй. Я уже не в силах. Ты вот со стороны. Тебе виднее... Объясни нам, кто прав — я или она!

Яков мельком глянул на Римму Григорьевну. Она

встретила его взгляд коротким и таким откровенно ненавидящим взглядом, что он, на миг смешавшись, поспешно отвернулся.

— Я слышал только ваше «подпишу», «не подпишу», мне трудно судить, — сказал он.

Фрейдин распахнул окно, сел на подоконник, закурил и, покачивая ногой, степенно пояснил:

— Дело тут вот в чем. Мы составили акты на участки, которые затопило паводком. Ну, включили туда затопленный сенокос, часть хлебов, гектаров двадцать картошки и немного сои. Всего два гектара сои, по-настоящему о них даже не стоило бы и говорить...

— Нет, там значительно больше, — четко сказала Римма Григорьевна.

— Ну, хорошо, пусть будет по-твоему. Пусть там действительно больше, — невозмутимо согласился Фрейдин. — Так оказывается теперь, с них еще можно будет кое-что сжать. Чепуху какую-то, может быть, по одному-полтора центнера на круг. Мы даже не соберем затраченные семена. Но кто должен об этом знать?.. Так эта умница хочет взять эти несчастные гектары и исключить их из акта. Ей, наверно, кажется, что потом я эту сою положу в свой мешок!

— Значит, как я понял, — сказал Яков, — убирать будем всю сою, да? С МТС колхоз тоже рассчитывается за фактически проделанную работу? Только госпоставки уменьшатся на эти злополучные гектары. Так. Кроме этого, колхоз еще получит и страховку. Верно я понял, Наум Моисеевич?

— Конечно! Об этом я ей и толкую битый час!

— Ну что ж, — Яков пододвинул табуретку к столу и сел. — Если вы хотите знать мое мнение... Должен вам сказать, что Римма Григорьевна абсолютно права. Вы положите в кассу какую-то сумму, а душа у вас будет дрожать, совесть покою не даст.

— Вы же знаете, стоит нам передать акты — и придется полностью рассчитываться за все эти гектары. А с чего? Я же говорю, что мы даже семена там не соберем.

— Есть простой выход — надо просить, чтоб соответственно пересмотрели план сдачи с этих гектаров, или пусть госстрах определит процентную потерю. Тогда все будет честно.

— Э-э! — зажав руками лицо, простонал Фрейдин. — Значит, и ты так думаешь, а, Печерский?

— Конечно, Наум Моисеевич! Да вы и сами так думаете.

Фрейдин посидел какое-то время молча, раздумывал. Потом, потянувшись через стол, взял акты и, вздохнув, разорвал, сложил бумажки крест-накрест и снова рванул. Клочки он швырнул в урну.

На чердаке холодная темень, хоть глаз коли. Яша, проснувшись, какое-то время лежал недвижно, прислушиваясь к неумной силе разгулявшегося ливня. По шиферу крыши тугими струями хлестал дождь. Ветер шумел во дворе листвою осинки и берез, завывал в карнизах. Временами гулко хлопала незапертая чердачная дверца.

Надо было встать и закрыть ее. Пересилив себя, зябко поеживаясь, Яша все же поднялся. У проема ветер, словно подкараулив его, швырнул в лицо добрую пригоршню обжигающе холодных брызг.

— А-а, чтоб тебя! — запоздало отшатнулся Яков, притянул дверцу и набросил крючок. Ветер сразу как бы отдалился. На ощупь Яков вернулся в волглую, пахнущую дождем и сеном постель.

Рядом посапывал Мишка. Два дня как племянник вернулся из пионерского лагеря, должно быть, еще и сейчас пребывал под его впечатлением. Яков поправил на нем сбившееся одеяло. Но сон уже был разбит, и, заложив руки за голову, Яша лежал, глядя вверх, в темень.

А ливень то сыпал по крыше барабанной дробью, то обрушивался настоящим потоком. Стонущий рев стоял над селом, над лугами и пашнями, над Амуром. Прислушиваясь к ветру, Яков думал: «Чертова прорва, сыплет, как из худого мешка. Вот и начали уборку. Наделает он делов. А тут Бакшин захворал. Да, повезло мне, нечего сказать...»

Накануне уборочной произошел нелепый случай. На полевом стане тракторист Елисей Алычев — грузноватый увалень, — готовя трактор к косовице, стал

менять износившиеся башмачные пальцы. Склонив спину и прикусив кончик языка, он размеренно колотил по гусенице кувалдой. Бакшин сидел неподалеку на перевернутом вверх дном заправочном ведре. Медлительность тракториста приводила его в тихую ярость. Наконец, не вытерпев, он подошел к Алычеву и вырвал у него из рук кувалду.

— Тебе, Елисей, с таким-то характером в чайной водку бы разносить: и не прольешь, и народ тверезый будет. Ну кто же так бьет?

— А я чо?

— «Чо-чо», — зло передразнил его Бакшин. — А ничо. Допрежь надо подогнать ушки звеньев, чтоб совпали, тогда палец с одного маху войдет.

Бакшин положил на звенья гусеницы валявшийся рядом противовес и, когда от его тяжести осевшие башмаки совпали отверстиями, сильно ударил в торец пальца. Все же палец, видимо, шел косо, он лопнул, и осколок развалил Бакшину щеку. Теперь с полмесяца он не работник.

Вспомнилась Якову Зоя Лагутина — подружка сестры, недавно вернувшаяся в село. Он явственно видел сейчас ее лицо — в ворохе черных волос, большие, с лукавым прищуром, чуть раскосые темно-карие глаза. Яков долго курил, ворочался, вздыхал.

Забылся он лишь на заре, унося в сон путаные обрывки дум, всполошенный крик петуха и шум стихающего дождя.

Фира с восходом солнца пошла будить сына. Яша просил разбудить его пораньше. Кряхтя, взбиралась она по лестнице. После дождя доски были скользкими, и на чердак она лезть побоялась. Держась за верхнюю перекладину лестницы, Фира позвала раз и другой:

— Яша-а, вставай! Яша!

Подождала и снова позвала.

В темном проеме дверцы показалась взлохмаченная голова сына.

— Боже мой, разве можно так спать! — сказала Фира и, нащупывая ногой перекладины, стала спускаться. — Кричу-кричу, а он себе спит.

— Ну слышал я все, что ты шумишь? — шуря на солнце глаза, хрипло отвечал ей Яша. — По-хорошему, могла еще и не будить.

— О, вы только посмотрите на него! Я еще, оказывается, и виновата. Ты же сам просил?

— Я же не знал, что ночью будет дождь.

— Э-э, кто вас поймет с вашими делами! — недовольно ворчала Фира. — То буди, то не буди...

Яков оделся, уселся на скат крыши, закурил. В поле ехать было рано. Между тем день обещал быть жарким. Небо было синее, чистое, как промытое. По Амуру шел буксир, и шлепанье его плиц слышно было во всей округе.

Вскоре поднялась Багряна, заспанная, с кругляшами здорового румянца на щеках, она засновала по двору, бросая изредка на Яшу короткие взгляды. Она накормила кур, выгнала на попас телка и недовольно гогочущих гусей, а после прошла в стайку с подойником. И все это делалось легко, проворно.

Яков дождался, пока Багряна подоила корову, глотнул парного молока из подойника и вывел мотоцикл за ограду. Улицы и дорога набухли от ливня, из-под колес мотоцикла фонтанами разлеталась жидкая грязь.

По обе стороны летника, сколько охватывал глаз, раскрылатилась равнина. Умытые дождем, зеленели травы, вымахавшие чуть ли не в метровый рост. Кое-где сизыми островками дымился бурьян. Затем шафранно-желтым разливом потянулись зерновые массивы их бригады. На взгорках, где солнце припекало жарче, хлеба уже побелели. Яша с удовольствием глядел на поля овса и ячменя, отмечая про себя, что они выстояли под натиском ливня. Он гнал мотоцикл к дальней пашне, засеянной пшеницей сорта «лютесценс-1». В хороший год в Еланцах она давала до двадцати восьми центнеров на круг. Но пшеница эта боялась дождей и ржавчины.

У деляны Яша ужаснулся. Стебли пшеницы, вчера еще стоявшие дружно слитной массой, теперь были перевиты и изломаны. И только полынок и осот зеленели между скрученных пшеничных бород. Сбивая колосками росу, Яша прошелся по полю. С горькой жалостью поднимал он колосья, шелушил их, разглядывал. Зерна были ядреные, налитые.

Трудно достается земледельцу его хлеб. Дается он ноющей усталостью поясницы и горькой солью пота на истлевших рубашках, и ранними морщинами на про-

дубленным солнцем и ветрами лице. Пышен и духовит каравай хлеба на столе, но вкушающий его за каждым ломтем, за поджаристой корочкой должен видеть нелегкий труд человека, взрастившего хлеб, видеть пахаря и сеятеля.

На стане механизаторы слонялись из угла в угол, валялись на нарах и лениво, не обращая внимания на стряпуху, материли ночной дождь. И от курева, от разопревших промасленных комбинезонов в вагончике стояла чадная духота. Вдобавок повариха тетя Поля пролила что-то на раскаленную плиту и с досады она свирепо накинулась на Печерского:

— Хоть бы ты приструнил матерщинников! Сил больше нет!

— А ты поменьше слухай, годок. Береги здоровье, — приподнявшись с нар, посоветовал комбайнер Паздников. Был Паздников уже не молод, лет, наверно, под шестьдесят, но за неунывающий нрав и веселую шутку его в селе иначе и не звали, как уменьшительно-ласкательно — Тёма.

— У-у, бесстыжий! — уперев полные руки в бока, возмутилась стряпуха. — Да как же я не буду слушать, ежели от твоего мата стекла дилинькают. Тут хоть за стан уйди — все одно услышишь.

— В самом деле кончайте, парни, дурить, — стараясь сдерживать улыбку, сказал Яша. — Пошли лучше на свежий воздух.

— Во-во, выкатывайтесь отсель, бездельники, — грозно размахивая половником, сразу воспрянула духом тетя Поля.

Яков вышел вместе со всеми. К нему подошел Паздников.

— Пшеницу глядеть ездил? — спросил он, кивнув на заляпанный грязью мотоцикл. — Ну чо?

— Так, вроде бы все нормально, — ответил Яша. — Вот с «лютесценс» плохо.

— Полегла?

— Если бы только полегла! Побило, страх один. — И, вынув из кармана несколько колосков, подобранных на пашне, Яша протянул их комбайнеру.

— Дела... А знаешь, бригадир, — после небольшой

паузы предложил Паздников, — давай-ка я туда поеду жать. Но токо один чтобы!

— Что ты там намолотишь, Тема? — взглянув на комбайнера, сказал Яша. — Ты же ничего не зарабатываешь. Вот подсохнет к завтрашнему дню — и кинем туда все комбайны.

— Всех туда посылать незачем. Токо потопчут, и все. Я один поеду. Сколь-нибудь, а намолочу. В этом деле у меня рука-то поболее набита. Поставлю ниже срез, где надо — покружусь лишку, глядишь, оно и ладно выйдет. Порешили?

— Ну что ж, — подумав, согласился Яша. — Попробуй.

И Тема Паздников, сутулясь, чуть вывертывая ноги, для легкости обутые в бродни, побрел к своему «Коммунару».

14

Часов около десяти на полевой стан бригады заявился и сосед — Афанасий Ядринский. Стреножив своего Булана и пустив его на попас, он заглянул в вагончик и, не найдя там никого, кроме стряпухи, похромал к комбайнам. Вместе с Яковом Печерским он пошел к пшенице. К этому времени солнце и ветер обдули немного колосья, и, хотя земля была еще сырой, оба бригадира, помяв руками остья, решили начать уборку. С-80 Валентина Пургина, приминая поlying и овсюг, поволок комбайн непаханой межей к хлебам. Следом вырулил второй комбайн, но уже через десяток-другой метров его переднее колесо, намотав на себя толстенный обод земли со стерней, перестало поворачиваться, заюзило. ДТ-54, буксировавший комбайн, дыбась, поворачачался влево-вправо и, зарываясь в почву, заглох. Подключили ЧТЗ, но оба трактора с комбайном продвинулись лишь немного. Пришлось остановиться.

— Так что будем делать? — нарушив молчание, спросил Яша.

— Что, стоять, — отозвался один из трактористов. — Не то пожжем все фрикционы.

Пургин метнул на него недовольный взгляд и буркнул что-то себе под нос.

— А бог его знает, — пробормотал Ядринский. От-

ставив больную ногу, он нагнулся, гребанул рукой немного земли, сжал ее в комок, понюхал и, вздохнув, отшвырнул. — Придется, однако, комбайн на полозья ставить, — заключил он.

Но ставить комбайн на лыжи — дело тяжелое и долгое. По меньшей мере день уйдет на то, чтобы изготовить лыжи. А в страду дорог каждый час. Это Пургин и сказал Ядринскому.

— Все верно, — согласился тот. — Но погодить придется. Другого выхода не вижу. Вот разве когда-нибудь комбайн на гусеницы поставят. По нашим землям — в самый бы раз. Гляди, додумаются, а?

— Дядь Афанасий, а если чистить? — смущаясь, что встревает в разговор взрослых, несмело подал голос пятнадцатилетний Серега Сидельников, работавший штурвальным у отца.

— Что чистить-то? — не сразу понял Ядринский.

— Ну это... колесо комбайна. — Серега прямо со штурвального мостика прыгнул на землю. — Идти рядом и лопатой подчищать. Не давать земле налипать.

— Что ты городишь! Не видишь, сколько земли-то буровит! — темнея зрачками серых, в раскосинку глаз, сердито напустился на сына Сидельников. — Советник... Ступай на мостик и не встревай куда не следует.

— Погоди, Селиверстыч, — остановил его Валентин Пургин. — Сын твой, кажется, дело говорит. Можно попробовать. А чтоб меньше налипало, время от времени будем обливать обод соляркой или отработкой. Земля тогда должна соскальзывать. Трактора пусть двигаются на малой скорости. Все лучше, чем стоять, Серега! — крикнул он подростку, понуро поглядывавшему издали на взрослых. — Ну-ка, волоки лопату.

Пургин взял лопату, шмат за шматом сковырнул землю с колеса комбайна, стал разгребать нагрудившийся перед ним вал.

— Напраслина это, Валентин. Опять просядет. Уж больно сыро, — засомневался Ядринский.

Пургин взял протянутое кем-то ведро и облил дизтопливом очищенный обод.

— Ну-ка, пробуйте! — крикнул он трактористам. — Только внатяжку. — И, орудуя лопатой, пошел рядом с медленно, вроде бы нехотя проворачивающимся колесом. Уступая место Сереге Сидельникову, сказал:

— Ты только не зевай. Устанешь ежели или здорово наматает, крикни кого-нибудь. Да близко не подходи.

Он побежал к своему трактору. Таким же манером пустили и два других комбайна. Постояв немного и понаблюдав за медленно движущимися уборочными агрегатами, Ядринский подался в село готовить лыжи. Так надежнее. А Яков, догнав комбайн Сидельникова, взял у Сереги лопату.

К полудню он взмок от усталости. У него занемела поясница, кружилась голова, пересохло во рту. Сидельников остановил комбайн и сочувственно окликнул его:

— Притомился? Отдохни. Как раз и обед везут.

Яша расслабленно улыбнулся, вытер пот с лица и, с трудом переставляя дрожащие ноги, побрел к намолоченному бурту пшеницы. Здесь механизаторов поджидала поварская повозка. Добрел и рухнул на ворох зерна, раскинув руки. Нагревшееся зерно пахло солнцем, землей, полыном и половой. А в глазах все вертелось приземистое колесо комбайна и плыла, плыла бесконечная спрессованная лента земли, оправленная щеткой изжелта-зеленой стерни.

Держа в руке эмалированную миску, около него присел Пургин.

— Дремлешь, чо ли?

— Нет, просто устал. Руки — будто чугунные.

— Гм, еще бы, — усмехнулся Пургин, вынул из холщовой сумки полбуханки хлеба, разломил ее и протянул Якову половину. — Это тебе, брат, не на машинах кататься.

— А что, думаешь, легко?

— Нет. Не думаю. Но ведь устал же. Хлеб, Яша, — штука трудная, — принимаясь за еду, философски изрек Пургин.

Рассевшись вокруг бурта на подостланной соломе, обедали механизаторы, копнильщики. По-крестьянски неторопливо жевали, сосредоточенно скребли ложками, тихо переговаривались.

Яша, несмотря на то, что хлеб был очень вкусен, вяло жевал его, нехотя шевелил ложкой густые щи.

— Чо копаешься, бригадир? — быстро опорожнив свою миску, посмеиваясь одними глазами, подбадривал

его Пургин. — Ешь, набирайся сил. Ишо не скоро обсушит-то.

— Не лезет.

— А ты пересиль себя, толкай.

Яша краем глаза ухватил рядом заправочную телегу, спросил:

— Валентин, а когда Гаркуша подъехал?

— Это не Гаркуша — Штейн. Он уже, почитай, всех заправил. — Пургин взял обе миски — свою и Печерского — и пошел за вторым.

— Откуда ты взялся? — спросил Яков у подошедшего Штейна. — Где Трофим?

— Говорят, отпросился в Хабаровск на два-три дня. А меня к вам Фрейдин прислал.

— Больше он никого не нашел, — недовольно проворчал Яша.

— Последнее время, товарищ Печерский, — лукаво щуря глаза, сказал Штейн, — мы с тобой как иголка с ниткой. Так что хочешь не хочешь... Судьба.

— Вижу, вижу свое горе.

— Слушай, Лева, ты мой С-80 заправил? — спросил Пургин.

— А как же! Что, твой особенный?

— Молодец. Ты ишо в бачок пускача плесни маленько бензина.

— От же холера! — виновато шмыгнув длинным носом, спохватился Штейн. — Я-таки в самом деле забыл. Но ты ешь спокойно, Пургин, это я сейчас...

Штейн повернулся и, размахивая руками, пошел к своей телеге. Но вскоре вернулся назад.

— Все шуточки строишь? — ставя у ног заправочное ведро, обиженно сказал он Пургину. — Погнал меня, а туда, ну, может быть, с пол-литра и влезло.

— Всего пол-литра? — непонимающе вытягивая конопатое лицо, переспросил Пургин. — Чо мелешь-то? Я ведь, как обедать идти, глядел. Бачок-то совсем сухой был.

— Не знаю, что там было. Я влил, сколько влезло.

— Погоди-погоди, — как бы начиная о чем-то догадываться, побледнел Пургин. — Подержи-ка чашку, бригадир!

— Что такое, Валентин? — встревожился Яков.

Пургин вскочил на ноги и зарысил к трактору. Под-

хватив ведро, туда же, только на некотором расстоянии, двинулся и Штейн. Заинтересовавшись, присутствующие глядели им вслед. А уже через минуту, не бросая, впрочем, заправочного ведра, из-за копнителя всполохнутой птицей буквально вылетел Штейн. По-бабьи цепляясь коленками, он неся к своей телеге каким-то странным, подпрыгивающим галопом. А за ним, свирепо размахивая рукояткой, бежал Пургин.

— Я же не хотел... То нечаянно вышло, — опасливо оглядываясь, кричал на бегу Штейн.

Егор Сидельников уронил на брюки миску с недоеденной кашей, схватился за бока и, задыхаясь от хохота, повалился в пшеницу.

— Ой, мамоньки! — икая, выдавливал он из себя. — Ой, не могу. Лева, должно, бензин-то... ему... в выхлопную трубу налил!

А Штейн, бросив наконец-то злополучное ведро, оторвался от телеги и резво махнул к забурьяневшему лугу. Кепка напознала ему на глаза, трепыхалась выбившаяся из брюк серая рубашка. Штейн улепетывал со всех ног. Пургин, осмыслив, что лугу конца не видно, а у страха прыткие ноги, замедлил бег, затем и вовсе остановился. Потом вернулся к бурту, все еще трудно дыша, и как ни в чем не бывало принялся за остывшую кашу. Встретился глазами с Яковом и рассмеялся.

— Жаль, убежал, — шепелявя набитым ртом, сказал Пургин. — Ну разок, может, и съездил бы его по шее. Ишо хорошо, что не стал заводить — полыхнуло бы, будь здоров! Эй ты, чума! — совсем уж мирно крикнул он с опаской возвращающемуся Штейну. — Ступай заправь. Да гляди у меня!

— Сам же виноват, — резонно заметил Штейн. — Куда ты пробку дел?

А Яша уже думал о другом. Стоя у комбайна Сидельникова, он мямлял в руках землю, озабоченно поглядывая на солнце.

— Чо ее шупать, бригадир? — отряхнув ости с комбинезона и закурив, сказал Пургин. — Покуда сыро ишо. Должно, к завтраму только подсушит.

— Боюсь, что нет. Сверху возьмется корочкой, и все. Вот если бы ветер немного окреп.

— Все может быть.

Пургин козырьком приставил к глазам широкую мо-

золистую ладонь и, выпячивая подрагивающий кадык, задрал голову. На востоке, возле лиловатых сопок, бугрились облака, светлые сверху и темнеющие внизу.

— Пожалуй, на твое выйдет, Яков. Ветер покрепчает.

— И опять принесет дождь, — кивнул Яша на облака.

— Это вон те, чо ли? — как о чем-то малозначащем сказал Пургин. — Не бойсь, эти тучки в сопках и опростаются. Вот ежели наш гнилой угол закуритесь, — повернулся он лицом к Амуру, — тут уж точно — дня три будет полоскать.

После недолгого перекура все пошли по местам. Снова взялся за лопату Яша. Однако Пургин, заведя трактор, не полез в кабину. Он подошел к Яше и, впервые назвав его по отчеству, отобрал лопату.

— Ступай, Давыдыч, садись за рычаги.

— Ну, что ты выдумываешь, Пургин!

— Давай иди, садись. До захода солнца все ишо намашемся лопатой, всем достанется.

Короткие ночи истлевают в затяжных багровых закатах, перегорают в бледно-зеленых сполохах далеких зарниц. В логах и марях подолгу виснут плотные туманы, увядающие травы гнутся под тяжестью росы. Неумолчным гулом тракторов в степи, грохотом веялок на зерновых токах, запахом обмолоченных хлебов, горьким душком полыни и взбитой пыли тянутся страдные будни. Долгими днями поля маются в мглистом солнечном зное, тают, плаваются в текучем мареве.

В прожаренном воздухе носятся слепни, ошалевшие пауты. Духота, пыль...

На опустевшем стане тракторной бригады Бакшина выморочная тишина, дремотно. Мягко обвис на истоптанных пятачках живучий подорожник, пролитым горючим жирно пятнится земля. В куцей тени вагончика, вывалив розовый язык и тяжело поводя боками, хоронится разжиревший приبلудный пес.

На оборвавшийся стук колес из будки выглянула повариха. Нос у нее припух, под глазами чуть приметные мешки. Видно, недавно проснулась. Подвизывая

косынкой расчесанные волосы, она разочарованно протянула:

— Вона кто! А я-то думала...

В бедарке, расслабленно развальясь, сидел Субботин.

— Нечто кого другого ждала, тетя Поля? — подмигнув, улыбнулся он. — Кто же этот счастливчик, а? Ты гляди! Ладно, шучу. Где новый бригадир?

— А чума его знает, — ответила стряпуха. — Носится идей-то по пашням. Давеча Щукина поругивал, должно, там.

— На зяби, что ли? — Субботин повернул шею, глянул в ту сторону, куда показывала простертая рука женщины.

— Видишь, двошится кто-то?

— Вижу. погоди, не убегай. Возьми-ка вот газеты.

Субботин насунул кепку на самые брови и хлестнул вожжами прикорнувшего было коня.

У новенького ДТ-54 в конце распаханного гона Субботин спрыгнул на землю.

— Доброго здоровья, мужики! — Он пожал руки Яше и молодому трактористу Щукину. — Поломались, говорите?

— Секция забарахлила, — заглядывая Яше в руки, бормотнул Щукин.

Яков вытирал ветошью руки.

— Ведь предупреждал: смени фильтры. Нет, поленился.

— Что же ты, Василий? — сказал Субботин трактористу. — Новый ДТ, должен за ним глядеть да глядеть.

— Я и так...

— Ладно, Яков, с ним после. Я к тебе по делу. — Субботин взял Яшу под руку — любил он так с людьми разговаривать — и легонько, но настойчиво увлек к дороге. — Понимаешь, в чем заковыка? Сводку мы утром получили из райзо. Во второй декаде обещают «значительные осадки», — проговорил он официальными словами сводки. — То есть дожди...

— Ну и что? Пусть волнуется тот, кому убирать еще много...

— погоди, не перебивай. — Субботин перестал вертеть пуговицу на Яшиной гимнастерке, помолчал, покусывая губу. — Тебя дожди не пугают, Жарихина не волнуют, зато других страшат. На току у Радунского

на сегодняшний день скопилось до четырехсот тонн зерна! Ты понимаешь, чем это пахнет, ежели пойдут дожди?

— Ну?..

— Вот тебе и ну! Зерно не все очищено и уже начало гореть. А у нас ни людей, ни транспорта для вывозки. Надо немедля всю пшеницу, овес провезать и вывезти в Заготзерно. А дневная смена мало что успевает сделать. Вот и надумали мы, пока ведро стоит, несколько ночей поработать. Кинем на это дело коммунистов, попросим учителей собрать старшеклассников. Одним словом, постараемся мобилизовать на это дело всех, кого можно. Но и этих мало будет. Может, ты кого дашь?

— Иваныч, а если люди из бригады не захотят пойти? Они же считаются работниками МТС.

— Захотят! Хлеб-то мы все жуем один — колхозный. Но ты постарайся объяснить, растолкуй — и пойдут.

— Ладно, будем считать, что меня ты уговорил. Ну, а сколько человек я должен дать?

Субботин усмехнулся.

— Спрашиваешь у больного здоровья. Побольше дашь, кто же откажется.

Яша молча курил, перебирая в уме своих людей, обдумывал возможности.

— Человек пять-шесть хватит? — спросил он и взглянул на мотоцикл, на солнце, видимо, уже прикидывая, успеет ли съездить к намеченным трактористам и предупредить их.

— Конечно, давай. — Субботин, заручившись его согласием, сразу заторопился. — Мы твоих поставим на вывозку. Ну, значит, уговорились. К вечеру пусть придут на склад.

Цепляясь ногами за пахоту (видно, успел уже набегаться), Субботин подошел к коню. Поставил ногу на подножку бедарки, плюхнулся на сиденье. Разбирая вожжи, еще раз напомнил:

— Стал быть, часикам к восьми, Яков. Договорились? Ну, я поехал, бывайте!

Яша вернулся к трактору.

— Ну что сник, Василий? — спросил он. Щукин корявым пальцем виновато чертил по капоту ДТ-54. Где

палец прошелся, из-под слоя пыли свежо проглядывала сизо-голубая окраска. — Садись, довезу до будки. Возьмешь новый насос, но — гляди у меня!

— Теперь уж я... — Обрадованный благоприятным исходом дела, Щукин подхватил насос, побежал к мотоциклу бригадира.

Начало уже смеркаться, когда Яша ненадолго завернул домой. На кухне тишина. Он заглянул в горницу, потом в боковушку, занимаемую Ленкой и Семеном. Никого. Топая сапогами, Яков вернулся на кухню, присел к столу и по-стариковски, тяжело уронил на колени руки. Тонко пахло травами и дрожжами. Мать не изменила своей давнишней, должно быть, с детства усвоенной привычке: вместо чабреца она здесь находила желтую ромашку или пахучую полынь и посыпала ими пол. Лиловые тени густо уже завесили притененные углы. Стекла окошка, глядевшего через пригон в огород, в лучах закатного солнца. У потолка, на белом шнуре электролампочки, сонно гнездилась на ночь муха.

По порожкам крыльца и по половицам сенцев знакомо прошаркали материны шаги. Губы Яши произвольно поплыли в усмешке: «Ну, сейчас начнет выговаривать». И точно. Фира с порога принялась ворчать:

— Слава богу, наконец-то соизволил заявиться домой. Слушай, сынок, ты случайно не приболел куда-нибудь? Скажи, так я хоть не буду так переживать.

Яша улыбался, разглядывая свои руки.

— Пока еще нет, мама. Как приболужусь, тебе первой доложу. А пока дай что-нибудь поесть.

— Хорошо, что ты хоть иногда кушать наведишься. — Почесывая вспухшее веко, искусанное мошкой, Фира вывалила из передника на стол несколько пунцовых помидоров и с десятков пузырчатых огурцов. — Что же ты сидел, мог же позвать меня? Возьми вот, помой огурцы и нарежь себе пока, а я быстренько борщ подогрею.

— Не надо борща, мама. И этого хватит.

— Опять спешишь? — Фира пододвинула стул, села напротив сына и, беря у него из рук обмытые помидоры, принялась нарезать их в миску. — А что такое? Опять где-то горит?

Вытерев рукой огурец, Яша с хрустом надкусил его, молча пожал плечами. Пожевав, спросил:

— Что так тихо? Где весь народ?

— Я знаю? Наверно, на складе. Сегодня вообще все будто помешались. Носятся с этим током, суется, как курица с яйцом. Утром прибежал Субботин. Слова по-человечески не сказал, взял и утащил туда Сему. Наверно, какой-то свет налаживать. Сема даже обедать не приходил. Я послала туда Мишку, понес ему кушать, ну так он вернулся. Сказал, что Сема вывозит хлеб в Амурьевск. А совсем недавно и Ленка туда побежала. Пришла эта заполошная Зойка, пошептались, похихикали и унеслись туда же.

Когда мать помянула Зою, что-то хорошее дрогнуло у Якова в душе. Он отвернулся к окну.

— Ну, а Мишка где?

— Или на Амуре, или тоже там, на складе. Слушай, Яша... — Фира, видимо, хотела что-то спросить у сына, но со двора (одна штанина подвернута выше колена, другая — мокрая, в песке, тяжело болтается у щиколотки) вошел Мишка, и она умолкла, встретив внука поджатыми сурово губами.

Бросив на стол свой улов — трех косаток и верхогляда, нанизанных на хворостину, — Мишка сразу схватил помидор.

— Иди сначала умойся! — Фира шлепнула внука по грязной руке. — Боже мой, ну что за вид у него! Честное слово, он хуже всех детей села. Это же надо уметь, целый день не вылазить из воды и быть таким грязным! Руки в цыпках, настоящий босяк. Фу, прямо не хочется смотреть! — всплескивая руками, негодовала Фира.

Миша проворно нырнул за спину дяди и оттуда, ладонями вверх протянув руки, вопрошал обиженным голосом:

— Ну где цыпки, где? Всегда эта бабка...

Яша искоса взглянул на племянника. В этот миг Мишка до удивления был похож на Бориса. Тонкие, смелого рисунка брови, как у отца, насупленно сбежались к переносице, а сузившиеся гневно черные глаза подернулись дымкой. Только пухлогубый рот и по-девичьи нежный, оливковый цвет лица он унаследовал от Багряны. Мишке шел уже двенадцатый год, и Фире, по

ее собственному выражению, от внука было «и холодно, и жарко». Но Яша любил племянника и спускал ему многие проделки. Сейчас, тихо посмеиваясь, он взял Мишку за руку и повел во двор умываться. Сливая воду из ковша, спросил:

— Хочешь поехать со мной?

— Во-во, — недовольно отозвалась из сеней Фира. — Вот так вы его и балуете.

— Куда, в поле? — не обращая внимания на слова бабушки, спросил парнишка. — На мотике? Еще бы!

— В поле, если захочешь, поедем завтра. Слово даю! А сейчас пойдем на ток. И не на мотоцикле, а ногами пойдем. Только штаны сухие надень.

Зерновой ток, несмотря на вечернее время, полнился рабочим шумом — шелестом ременных передач, грохотом веялочных решет и барабанов, смехом и гомоном молодых голосов. Заря поблекла, но над сопками еще остался едва заметный след от закатившегося солнца. Небо остывало, наливалось густой сиренью. Пробились уже самые яркие звезды, Млечный Путь улегся в недосыгаемой прохладной выси двумя ухабистыми наезженными колеями. Вдоль складской ограды вразброс желтели огни электролампочек, и около каждой пританцовывающим венчиком роились комары и белокрылые ночные мотыльки.

На току сегодня необычно много людей. Они облепили бурты зерна, стояли у веялок, триеров и сортировок, на зерносушилках, сутились возле автомашин, пришедших под погрузку. Здесь трудились трактористы и прицепщики, свободные от смены, учителя, большая группа старшеклассников, несколько женщин из овощеводческой бригады и доярки. Пришли даже старики, проводившие обычно время на завалинках. Видно было, что правление колхоза и Субботин мобилизовали всех, кого можно.

Даже дед Агеич старался у веялки, деревянной лопатой отгребал в сторону очищенную пшеницу. Роняя пот из-под фуражки, рядом с ним трудился колхозный ветеринар Гурьян Боробов, пожилой угрюмоватый мужик. Работал Гурьян как заведенный. Он с силой врезался в зерно объемистым совком, багровея, рывком

подымал его и опрокидывал в ненасытный трясущийся зев веялки. Высыпав пять-шесть совков зерна, Гурьян ненадолго распрямлялся, смахивал пот с лица и снова нагибался к бурту.

Агеич, видно, соскучившийся по беседе, все приставал к неразговорчивому ветеринару.

— Настырный ты, Гурьян, что азиатский ишак. Есть такая животина на белом свете. Ежли интересуешься, могу между делом об ём рассказать. Вот, — назойливо дребезжал он. — Рази же мыслимо человеку, скажем, твоих преклонных годов, махать этакой-то лоханью. Ить пупок надорвешь.

— Не зуди, балабон, — бубнил в ответ Гурьян, отмахиваясь от Агеича. — Помалкивал бы. А ишо лучше, иди вон к своей гвардии... — И ветеринар кивал головою куда-то за борт веялки. — Вам самое подходящее дело — порожные кули ворошить.

— Мне вовсе без надобности эти ветхие пни. Сам видишь, я ишо тута за милую душу справлюсь. Я тебе жалеючи советую, дурья голова, ведро-то взять, — продолжал свое Агеич. — Ты хоша кого спроси, то же самое скажут.

— Отвяжись, репей!

— Во-во, заладил. О-о, ты на подмогу, сусед, али как? — увидев Печерских, обрадовался старик. — Гля-кось, и Мишка тута! Ну-ка айда-те сюды, голубчики, становитесь! — Агеич мотнулся на ворох, принес две новенькие, еще пахнущие смолой, деревянные лопаты. — Нате! Во, теперича и мне веселье будет. А то с Потапом — фельдшеру дали такое прозвище за его оттопыренные уши, — то ись с Гурьяном, звиняюсь, — он плутовато повел глазами и хихикнул, — не больно-то разговоришься.

Но отвести душу Агеичу опять не пришлось. Вскоре откуда-то вывернулся Шулим Радунский, заведующий складом, и, протерев длинными мослаковатыми пальцами очки, разглядел Яшу.

— Э-э, нет! — Отобрав у него лопату, Радунский бросил ее на борт, весело осклабился большегубым ртом. — Для твоих плеч найдется другая работенка. Легкая и не пыльная.

— А мы как же? — бросив отгребать зерно, спросил Агеич.

— Не волнуйся, старик, — поблескивая стеклами очков, повернулся к нему Радунский. — Сейчас кого-нибудь подошлю. О-о, вспомнил — медичка пришла. Сейчас будет вам помощница.

— Слышь, Шулим! — распрямившись, вдруг зычно крикнул Гурьян. — Тебе ишо нужны люди?

— А ты думаешь, нет?

— Возьми тогда от меня этого балаболку. Лучше я за него сам поработаю.

Шулим привел Яшу в конец тока, к деревянной сушилке, до половины уставленной мешками с подвешенной пшеницей. Тут же, ожидая загрузки, к боку площадки приткнулись два прикомандированных ГАЗ-51 с высоко нашитыми бортами.

— Вот эта работа по твоему закорку. А то пристроился к старикам и в ус не дует, — Радунский шутиливо шлепнул Яшу по спине и, подтолкнув его к площадке, громко сказал распоряжавшемуся погрузкой Козырину: — Эй, Федот Ильич, помощь нужна? Принимай пополнение!

— Помощи всегда рады, — отозвался тот и, на миг оглянувшись, воскликнул: — О, Печерский! Давай сюда, милоч! Да ты никак и помощника прихватил? Совсем здорово!

— Пускай привыкает к хлебному духу. — Яша потрепал племянника за вихор и, ухватившись за оградительный брус, вскочил на сушилку.

Помимо Козырина, там были еще незамужняя сестра Субботина, грудастая толстуха Лида и шоферы с газиков. Здесь были и Ленка с Зоей Лагутиной.

Зоя стояла с краю вороха и держала пустой мешок. Ленка ведром насыпала в него пшеницу. В поношенной отцовской рубашке и в расхожей темной юбке, Зоя казалась ниже своего роста и выглядела мешковато. Голову ее покрывал клетчатый платок. Увидев вспрыгнувшего на площадку Яшу, Зоя сказала что-то Ленке, та оглянулась на брата, и обе они засмеялись.

Подтолкнув к ним Мишку, Яша хотел было и сам подойти, но Козырин, увязав последний набранный мешок, поднял глаза на него:

— Начали, что ли, таскать?

Подставляя спину под тяжелые мешки, Яков видел, как Ленка, догнав ссорничавшего Мишку, обхватила

его сзади и повалила в пшеницу, дурачась, сыпала ему за ворот зерно. Он слышал и грубоватый смех приезжих шоферов, заигрывавших с Лидкой, казавшейся на первый взгляд наивной и податливой, видел Зою, присевшую на бортик площадки. Зоя все время неотступно маячила в его глазах.

А время бежало. Уходили с зерном и возвращались пустыми машины, таял ворох зерна на сушилке. Уже далеко за полночь, когда загрузили подошедший из Амурьевска последний грузовик, решили прервать работу.

Яков сбросил в кузов очередной мешок и оглянулся. Зоя, приотстав от подруг, стояла возле раскрытых ворот склада. Унимая заколотившееся вдруг сердце, он спрыгнул с кузова, подошел к девушке. Поглядывая на сестру, уводившую домой полусонного Мишку, спросил осевшим голосом:

— Устала, Зоя? А то махнем в Амурьевск, а?

Ток уже затих. Приглушенно замирали вдали голоса людей, расходившихся по домам. Из недалекого лога наплывала прохлада. Пахло хлебом и ложившейся на пыль росой. Якову казалось, что Зое слышны неровные, бухающие толчки его сердца.

Зоя холодно, почти равнодушно глядела мимо Якова. Потом молча высвободила свою руку, сняла платок с головы, встряхнула волосы и... согласилась.

— Лидка! — позвала она Субботину. — Прокатимся в Заготзерно?

Лида, ушедшая было вперед, вынырнула из темноты, взглянула лукаво на Яшу. Затем склонилась к подруге, что-то шепнула ей и засмеялась, потащила Зою к машине.

Домой возвращались вместе с парнями, разгружавшими машины в Заготзерно. Будоражили ночь звонкими песнями, молодым беззаботным смехом, словно и не было за плечами у каждого многочасовой тяжелой работы. Яков стоял с Зоей у кабины газика и пел вместе со всеми, дурачился, забыв, что он здесь старше всех. Девушка зябко повела плечами. Он придвинулся, накрыл ладонью ее руку, недвижно лежавшую на кабине, и Зоя не отстранилась. На каком-то ухабе машину сильно потряхнуло, их всех качнуло назад, потом рывком подало вперед, к кабине. Раздался визг, смех. Яша при-

влек к себе Зою, щекой прижался к ее щеке и шепотом спросил:

— Не стукнулась?

— Нет, — шепотом же ответила она. — А ты?

Он сжал ее руку и тихо засмеялся.

У околицы села газик резко тормознул. В дверке показалась голова шофера с тлеющей во рту папиросой.

— Кому — куда?..

— Хлопцы, пойдем прогуляемся? — отвечая за всех, хохотнул кто-то и соскочил на дорогу.

И посыпались все из кузова. Зоя, держась за задний борт машины, ногою осторожно нащупывала опору.

— Давай помогу, — Яша протянул руки, подхватил ее.

Шофер поглядел им вслед, выбросил окурок, качнул головой. Недовольно покосившись на Шулима Радунского, устало дремавшего рядом, завистливо вздохнул. Газик рванулся и обогнал хохочущих парней и девчат.

Провожая Зою на другой конец села, Яша у спуска в лог предложил:

— Посидим?

— Поздно уже, — неуверенно сказала она.

— Ну хоть немножко.

Она молча кивнула головой, и они логом, затопленным уже жидким туманом, вышли к сплотке бревен у Марьиной протоки. Вода в Амуре прибывала, и сплотка, еще день назад лежавшая на сухой гальке, теперь качалась на плаву. Яков, подхватив Зою на руки, перешагнул через полоску воды между берегом и бревнами.

Августовская ночь кончалась. Понемногу редели сумерки, восточный закраек неба занимался бледным светом. Над Амуром плыл клочковатый туман. Из темноты все отчетливее проступали тальники, трава над обрывом, галька у сплотки. Потревоженные голосами людей, во дворах недовольно побрехивали собаки. Предрассветную рань клевали хриплые, неокрепшие голоса молодых петушков. Подул сырой ветерок, зашеле-стел огрубелой травой над обрывом. Стало прохладно.

Подобрав под себя ноги и подоткнув подол, Зоя поежилась и теснее прижалась к Якову.

Густая роса усыпала траву бисером росы. Каждый стебелек колол босые ноги. Выпроводив в стадо корову и телка, Зоя спешила домой. Пока шла некошеным выгоном, вымочила колени и подол юбки.

Кузнец поджидал дочь у летней кухни. Виновато отвернув лицо, Зоя прошмыгнула в дверь и принялась процеживать молоко. Склонившись над подойником, она прятала от отца счастливую улыбку на чуть припухших губах и сторожко ждала, пока он не уйдет.

А кузнец молча топтался у кухни, побрел было к ка-литке, потом вернулся назад. Прислонился плечом к косяку двери. Зоя чувствовала, что отец хочет о чем-то спросить ее, но не решается. Она разлила по банкам молоко и, вымыв подойник, вышла, чтобы повесить его сушиться на кол. Отец, закурив, спросил:

— Что, ухажи начались?

— Какие еще ухажи?

— Ага. Я на зорьке-то пришел?

— Ты, что же, следишь за мной? — Облизнув спекшиеся вмиг от внутреннего жара губы, Зоя повесила подойник и прямо взглянула отцу в глаза. — Я что, маленькая?

— Это так, не маленькая. — Кузнец, глубоко затянувшись дымом, поперхнулся, зашелся бухающим утробным кашлем. — Будь ты не ладен! — Он в сердцах отшвырнул окурок, вытер заслезившиеся глаза. — Верно, ты не маленькая, — повторил он. — Однако, чем сидеть-то по ночам, допрежь узнала бы с кем.

— Я, отец, себя знаю! — вскинув голову, Зоя быстро прошла в кухню, начала качать примус.

«Опять не скажи ни слова, — прислушиваясь к порывистым сердитым движениям дочери, торкавшейся на кухне так, словно та была сплошь из острых углов, с опаской думал старый Лагутин. — Опять как с Варькой получается. Той сколько раз говорил, упреждал, не послушалась, умничала. Теперь мытарится одна. Сейчас и Зойка на эту же тропу взойшла. Ах ты ж, горе мое! Парень-то, кажись, ничего... А может, сказать ей про агрономшу-то?»

Он еще потоптался во дворе, больше обычного сутуля спину, и побрел к кузне.

Приготовив завтрак, Зоя прошла в избу, взяла приготовленный с вечера таз с бельем и крутой тропкой

сбежала к Амуру, к старой полузатопленной иве. Опустила таз, взглянула на студеное течение, игриво водящее изогнутые ветви ивы, и, сбросив босоножку, ногой попробовала воду. Сняла с себя кофту и повесила на сук, принялась полоскать белье, а в глазах — Яша. Зоя топит в быстрой воде текучий взгляд, шлепает сорочкой о камень, улыбается. И знает-то она Яшу всего ничего, и про связь его с агрономшей слышала, а вот присидела одну только зорьку и чувствует, что тянет ее к нему непреодолимо и властно.

Мягко накатываясь на ступни, вода заносила их песком. Где-то подмывало берег, и, глухо шлепаясь, изредка обваливались груды земли. Пресно пахло обнаженными корнями трав. Ветер лохматил волосы, сушил на щеке Зои то ли слезы, то ли брызги воды.

У стены посудохозяйственного магазина трое мальчишек возились с велосипедом. Разгребая землю, у завалинки копошились куры. Дальше виднелась пустынная, разомлевшая улица. Гуцылюк, в вышитой украинской рубашке с распахнутым воротом, сидел у окна кабинета и, вертя пальцами сцепленных рук, глядел в улицу. Он только что изучал сводку о ходе уборки и хлебопоставок в районе. В «Новой жизни» уборка зерновых почти завершена, пашут зябь, а вот план хлебопоставок выполнен только на сорок два процента. Что это они там? Вообще с вывозкой зерна трудно. Гуцылюк стал по памяти перебирать организации, откуда можно взять дополнительно автомашины. Получалось — немного. Он вздохнул: придется в область звонить. И тут же решил, не откладывая, поехать к Фрейдину.

Вскоре райкомовская «Победа» шла в Еланцево. За нею тянулся густой шлейф пыли, и долго еще стояла над проселком желто-серая завеса.

В машине немолодой уже шофер, маленький, поджарый, с сеткой склеротических прожилок на скулах, и Гуцылюк. Грузно привалившись к сиденью, Гуцылюк досадливо сунул брови и молчал. Переживал про себя неприятный разговор по телефону с обкомом, происшедший час назад. Отстают их район по хлебопоставкам,

По проселку, подбирая, очевидно просыпанное зерно, в одиночку и парами бродили разжиревшие голуби, лишь перед самым капотом машины, после короткой разбежки, они тяжело взмывали вверх. Мимо бежали низкорослые вербы, кусты шиповника, подбитые снизу желтеющими листьями. На взгорке, казалось, вырастая прямо из зарослей буровой полыни, конского щавеля и дудника, виднелись вершины еланцевских тополей.

Гуцылюк все еще мысленно искал аргументы, но чувствовал, что сам он не прав. Однако обидно признать себе в собственной нерасторопности: «Позор на всю область. С Фрейдина первого спрошу!»

Въехали в село. Испуганно кудахча, с дороги шарахнулись куры. На повороте к сельсовету за машиной увязался чей-то пес. Тронув рукой шофера, Гуцылюк велел ему остановиться у сельсовета. Тяжело протопал к растворенной двери председательского кабинета.

— Пишешь? — не отвечая на приветствие Козырина, спросил он.

— Подписываю бумаги, надо, — медленно поднимаясь, сдержанно и недоумевающе ответил Козырин.

Гуцылюк подошел к столу:

— Закрывай свою контору, поедешь со мной.

Сидя в «Победе», Гуцылюк говорил:

— Где Фрейдин? На складах? Гони туда. Почему ваш колхоз тянет с госпоставками? Почему колхозные дела для тебя, председателя сельсовета, головы деревни, пятое колесо в телеге? Что молчишь?

Приезд Гуцылюка в сельсовет для Козырина был неожиданностью. Обычно секретари райкома, и не только Гуцылюк, все решали с председателем колхоза Фрейдиным, с парторгом Субботиным. Козырин уже свыкся с этим и поэтому отвечал сейчас на вопросы несколько растерянно.

— Николай Тарасович! Мои функции, это чтоб каждый двор загодя свое сдавал, стоко-то молока, стоко-то яиц, шкуры. А для колхозного плану ежели другой раз и начнешь чего, Фрейдин все одно отошьет.

— Когда же до вас дойдет, что сельсовет — хозяин в селе? Когда вас этому научат?! — сердито перебил его Гуцылюк. — А насчет функций своих ты мне не расска-

зывает байки. Я не хуже тебя их знаю. Господства должны касаться всех: меня вот, его, — кивок на шофера. — И тем более — тебя. Нет, Козырин, гляжу я на тебя, зеваешь ты еще много.

На складе оживленно и шумно, как на осенней ярмарке. У сушилок грузятся автомашины овсом на Заготзерно. В распахнутые настежь задние ворота привозят зерно с поля прикомандированные ГАЗ-51. Возле второй весовой весь подъезд и небольшая площадка уставлены подводами. Здесь толпятся колхозники. В складе набирают пшеницу в мешки, носят их на весы, потом — к телегам. Всюду пестрые косынки женщин, линялые кепки мужчин.

Гуцылюк не сразу узнал Фрейдина. Пробираясь к весовой между упряжками, здороваясь с людьми на ходу, он вдруг наткнулся на него, несущего мешок к телеге. Принимал кули какой-то дедок в замызганной соломенной шляпе с обгрызанными полями.

— Ну вот! — Гуцылюк поднял руку и обернулся к шедшему чуть позади Козырину. — Пожалуйста, полюбуйтесь: один в тиши и прохладе подписывает бумажки, другой заделался грузчиком! Что это такое, я спрашиваю! Это порядок?!

— Так аванс на трудодни, — ловя глазами табунок перистых тучек, уплывающих за сопки, ответил Козырин.

— Что? Аванс? Час от часу не легче. Фрейдин! Наум Моисеевич, ну-ка иди сюда!

Фрейдин донес мешок, опустил его на борт телеги и только тогда спросил старика, ухватившегося за вязку:

— Агеич, кто-то меня звал?

— Ага, Федот Козырин. Эвон он, с начальством, должно. — Старик стал укладывать мешок.

— А-а, Николай Тарасович приехал, — проговорил Фрейдин и, отряхнув майку, заталкивая ее в брюки, потянулся к гимнастерке, кинутой на грядущку телеги. — Ты уж сам как-нибудь развернись, Агеич. Секретарь райкома это, мне надо идти.

— Что же ты делаешь, голубчик мой? — сняв шляпу и поглаживая попеременно седые виски, вкрадчивым голосом, не сулящим ничего хорошего, спросил Гуцылюк, когда они с Фрейдиным, собираясь поговорить

без помех, отошли в сторону и присели у грубоскоченного обеденного стола в самом конце склада.

— А что я делаю?

Фрейдин неторопливо застегивал пуговицы на рукавах.

— Он еще спрашивает! — Голос Гуцылюка стал сухим. — Ты что, в самом деле не понимаешь или валяешь ваньку? Почему ты авансируешь колхозников, в то время как на склады Заготзерно вывезено зерна только сорок два процента.

— Ну, допустим, не сорок два процента, а гораздо больше. У вас, Николай Тарасович, запоздавшие сведения.

— Так сколько же ты сдал, если не секрет?

— Я сейчас затрудняюсь сказать, надо посчитать. Но около двух с половиною тысяч центнеров. Только минувшей ночью вывезли около восьмидесяти тонн. Да что гадать, сейчас точно подобьем. Федот Ильич! — крикнул Фрейдин Козырину, который неподалеку говорил о чем-то с женщинами. — Будь добр, пошли кого-нибудь за Радунским. Пусть несет все квитанции на сданное зерно.

— Добро, пусть ты натянул свой план на пятьдесят процентов, — Гуцылюк говорил уже сдержанно, без недавнего раздражения. — Пусть даже больше. Но это еще не говорит о том, что следует торопиться с оплатой трудодня. Ты же знаешь первую заповедь — план, засыпка семян. Это святой закон каждого хлебороба. Сделаешь все, а потом рассчитывайся на здоровье с колхозниками. Ваш хлеб никто не заберет.

— Я делаю только то, Николай Тарасович, что решило правление колхоза, — сказал Фрейдин. — Должен вам сказать, что никаких нарушений мы не допускаем. Все по сельхозуставу — пятнадцать процентов от сданного количества хлеба мы можем авансировать. Зерна хватает. Может быть, мы недостаточно хорошо организовали вывозку его — это другой вопрос. Тут я с вами согласен, и будем искать какой-то дополнительный выход.

— Правление идет у тебя на поводу, — сказал Гуцылюк и снова почувствовал раздражение. — Я вижу, по-доброму с тобой не договоришься. Больно грамотный стал. Поэтому прекрати выдачу хлеба. А все и всех —

переключи на вывозку! Вот сколько народа болтается. Даю тебе шесть дней срока. За срыв госпоставок ты не то что выговор в учетную карточку, ты у меня кое-что похуже получишь... Кстати, а как у тебя с семенами? Засыпаешь?

Фрейдин прижал руки к груди:

— Николай Тарасович, да неужели мы настолько...

— Ну-ну, не обижайся. Имею ведь я право спросить? Я дал команду, должны сюда подойти еще две автомашины из райтопа, ты уж загружай их в полную силу.

— Вот за это — спасибо!

— Ну, я поехал дальше. На обратном пути заверну к вам, погляжу. — И Козырину тоже напомнил: — А ты, хозяин села, не забывай наш разговор. Ну, бывайте!

17

К концу дня, прихватив толстую пачку накладных Заготзерно и тетрадь с вписанными в нее данными о засыпанных семенах, Фрейдин вернулся в правление колхоза. Подсчитать количество зерна можно было и дома, но его туда не тянуло.

В конторе пахло застойным, невыветривающимся махорочным дымом, лежалой застаревшей бумагой. Гулко отдающимися в тишине шагами Фрейдин прошел к себе в кабинет и включил свет. Темнота сразу выметнулась за окно. Бросив на стол кулек с картофельными пирожками, сунутыми ему на току поварихой, он присел к столу, снял и положил на край его фуражку и, придвинув поближе к себе счеты, бойко защелкал костяшками. Посидел, надкусил пирожок, запил его глотком воды и снова стал считать. Но цифры путались, мешались в голове с другими думами, он часто сбивался и наконец отодвинул от себя счеты. С недоеденным зажатым в руке пирожком Фрейдин долго сидел не шелохнувшись.

В таком вот состоянии, горбачущимся над столом, с недоеденным пирожком в руке, и застала его Варвара, когда заглянула в распахнутое окно. Было в позе Фрейдина что-то такое надломленное и жалкое, что у нее дрогнуло сердце. «Видать, жизнь у него и на самом

120

деле не сладкая, — подавляя вздох, подумала она. — И дома неладно, и начальство поругивает. Где уж тут... То-то он худущий стал. Одни скулы да нос торчат».

Варвара затолкала под косынку выбившуюся прядку волос и кончиками пальцев стукнула по оконной раме.

— Ишо раз здравствуй, председатель! Что-то ты сегодня засиделся? Глянь-кося, ночь на дворе.

Фрейдин торопливо и смущенно смахнул кулек с пирожками в выдвинутый ящик стола.

— Что? Ах да, ночь...

Он растерянно надел фуражку, поднялся и вслед за пирожками сгреб в ящик накладные и тетрадь.

— Что же ты при открытом-то окне сидишь? — Встав на завалинку, Варвара грудью навалилась на подоконник. — Глянь, сколько комаров напустил.

— В самом деле. — Фрейдин подошел к окну и потянулся к ручкам рамы. — Дай-ка закрою.

— Теперича незачем. — Варвара сильным плечом попрдержала одну створку. — Ты небось ишо и не ел?

Он мотнул головой.

— Ты абсолютно догадливый человек, Варвара. Мне тут приготовили ужин — одни марципаны.

Варвара слезла с завалинки и сразу растворилась в темноте, плотно охватившей уже и дом, и двор, и всю округу. И оттуда, из потемок, она позвала его просто и обыденно:

— Ежели не брезгуешь, председатель, заходи, накормлю. — И, спустя немного, повторила: — Ну, зайдешь, что ль?

Фигура Фрейдина четко обрисовывалась в освещенном квадрате окна. Он потер подбородок и прежде чем потянуть на себя створки, полушутя-полусерьезно спросил:

— А сто граммов найдется?

Варвара засмеялась тихо.

— Найдется...

— Тогда придется зайти.

Фрейдин повернул выключатель, замкнул за собою дверь и вышел на крыльцо.

В стылой вышине черного неба сонно подрагивали звезды. Словно бы что-то нашептывая, под яром плескался Амур. И то ли из лога, то ли от болотины, что

121

лежала сразу за селом, тянуло сыростью и запахом рано отмирающих трав. Тихо, как бы напоминая о себе, у калитки звякнула удилами привязанная кобыла. Нашупывая порожки, Фрейдин стал спускаться с крыльца, споткнулся и, тихонько ругнувшись, позвал:

— Варвара, ты где? Темно, прямо шею можно свернуть. Слушай, я же забыл — надо Ласточку еще отвести.

— Не бойсь, сейчас ее мой Андриюшка отведет. — Невидимая в ночи Варвара подошла близко к крыльцу и позвала: — Андриюшка-а, а Андрей! Я кому давеча наказывала — не уходить со двора?

— Иду! — отозвался мальчишеский голос, и послышался быстрый топоток босых ног. — Ну что такое?

Варвара подошла к калитке, отвязала поводья.

— Ох, гляди, Андриюшка, доберусь я до тебя... Нака вот, отведи Ласточку на конюшню. Да не гони шибко-то. Темень эвон какая. Наум Моисеич, кому ее там отдать? Василию Новокшонову?

— Ему.

— Слышь, Андриюшка, Новокшонову лошадь отдашь, — повторила она. — Скажи, мол, дядя Фрейдин просил, — наказывала Варвара и, подсаживая сына в седло, вдруг вполголоса, чтоб не слышал Фрейдин, спросила: — Ты почему к деду-то просился ночевать?

— Он обещал утром взять меня на переметы.

— Ладно. Отведешь кобылу и ступай к нему, — разрешила она. — Токо смотри, не вымокни по уши. За зря в воду не лазай. И утром чтоб дома был!

— Хорошо, мам, буду, — радостно пообещал мальчишка.

— Ну вот, уехал, — слушая удаляющийся цокот копыт, тихо, словно бы самой себе, проговорила Варвара. И позвала: — Ну, идем, председатель!

Когда вошли в кухню, Варвара, закрыв дверь и задернув цветастую ситцевую занавеску на окне, повернулась к Фрейдину.

— Умываться-то будешь? Дать холодной воды? — И тут же решила за него: — Нет, налью я лучше теплой. Ты же седни кули на складе таскал.

Она сбегала в дом за эмалированным тазиком, поставила его на табурет посреди кухни и налила теплой воды.

— Сымай гимнастерку-то, — совсем по-домашнему командовала она. — Сымай!

Хорошо помня, как Варвара отчитала его на бахче, Фрейдин был удивлен ее поведением, но повиновался. Он стянул с себя задубевшую, пропахшую потом гимнастерку и, склонившись над тазом, с удовольствием опустил в воду руки.

— Э-э, нет, — обернулась от стола Варвара. — И майку сымай.

Он скинул и майку, но чувствовал себя очень неудобно, скованно. И, умываясь, расплескивал воду. Держа наготове полотенце, Варвара стояла рядом, ждала.

— Мыло-то сполосни, — подсказывала она. — Не, не тут. Вон с шеи. И за ухом маленько.

После, убрав тазик и потерев пол, Варвара усадила Фрейдина за стол и, заглядывая ему в посвежее лицо, напомнила:

— Так что же, налить по стопочке?

— Да ты что, в самом деле! Я же пошутил, — сказал он, не переставая про себя удивляться. — Но я не против, — добавил он. — Давай выпьем. Хотя, откровенно говоря, Варвара, у меня в голове не укладывается: с чего ты сегодня такая?

— Какая «такая»? — выжидающе прищурилась она. — А тебе и чудно — привык уж: мол, ежели Варвара Щепетова, стало быть, кроме ругани, от нее нечего ждать? — Она вздохнула, непонятно улыбнулась и, присев напротив него, добавила: — Может, ты и прав, Наум. Может, я седни и непохожая на самоё себя. Да ладно, однако. Давай есть, пить. Это только соловья баснями кормят.

Разлили водку по стаканам, не чокаясь, выпили. И Фрейдин и Варвара всласть наработались за день, впереди был желанный отдых, но уж слишком им было непривычно сидеть вот так за столом и хорошо в то же время. И они ели неторопливо, степенно. Плели неспешный разговор — о хлебе и пахоте, о мелких неурядицах и будничных заботах, которыми всегда полон крестьянский дом. Больше говорила Варвара. Фрейдин слушал, иногда возражал, а больше молча соглашался.

Сняв с гвоздя фуражку, натягивая ее на голову, Фрейдин преувеличенно-весело, все еще ощущая в себе

какую-то непроходящую неловкость, поблагодарил хозяйку.

— Давно я так не наедался, честное слово. Спасибо тебе, Варвара.

Варвара тоже встала и неуверенно, боком прошла к двери. Прислонившись спиной к беленому косяку и зажимая ладонями зажженные стыдом щеки, задыхаясь и злобясь на себя, просяще сказала:

— Куда ты пойдешь, опять в кабинет спать? Что торопишься? Побудь ишо?..

Позже, уткнув ему в грудь пышущее румянцем лицо, Варвара несвязно, словно бы оправдываясь, шептала:

— Наум, поди чудно тебе все это, а? А помнишь, на бахче? Ты потянулся ко мне, а я озлилась, прогнала. Дура. Помнишь? — Она тихо засмеялась. — Я ишо тогда подумала... А ноне вот позвала. Сама. Теперича что, — голос ее стал умиротвореннее, мягче, и все же в нем была напряженность, тревога, — уважать перестанешь? Как хочешь, так и суди. А мне — не стыдно. Я, может, изболелась вся. Я... — Снова голос Варвары изменился, зазвучал проникновеннее. — Вот ты давеча сказал, мол, не похожа я сама на себя стала. Должно, так оно и есть. Человек, он ведь двояко смотрится. В горе или беде одно лицо кажет, в радости — другое. Мне так сегодня хорошо, должно, оттого и чудной кажусь. Али этого стыдиться надо?

Фрейдин, слушая ее бабью наивно-счастливую исповедь, улыбнулся в темноту.

— Меня тебе чего стыдиться. Люди вот...

— Что мне люди? — приподнявшись на локоть, Варвара откинула с лица завесу волос. — Живешь одна — судачат про тебя, прилепишься к кому-нибудь, опять не слава богу. Нет, я сама себе хозяйка.

Фрейдин услышал то, что хотелось ему услышать от нее, — и радость, тихое счастье испытывал он. Он ласково и благодарно стал перебирать ее волосы, гладил рукой ее полную, сильную руку. Кожа у Варвары тугая, гладкая и прохладная.

— Это верно, нам сейчас действительно хорошо, — сказал Фрейдин, потянувшись к папиросам, лежащим

рядом на стуле. — Но, мне кажется, любовь наша нам же боком и выйдет.

Варвара спиной прислонилась к стене, глядела на огонек папиросы, выхватывавшей из потемков губы Фрейдина, квадратик усов и кончик носа.

— Жены боишься али молвы?

Он улыбнулся расслабленно, как о давно обдуманном и решенном, сказал:

— Нет, Варя. Ни того ни другого не боюсь. Потому что нет хуже жизни, чем у меня сейчас. И еще потому, что я... — Фрейдин умолк.

— Что же ты, договаривай.

— Потому что я давно люблю тебя. Развод оформлю и женюсь на тебе, Варя. Но волнует и страшит меня другое. Дети меня беспокоят. Твои дети. Не осудят ли они нас? За свою дочку я уже не говорю. Прозевал я ее за этой вечной суетой. А вот твои как? Как они воспримут?..

Варвара, уставившись глазами в темноту, долго молча думала. «За что же детям судить меня? За то, что полюбила, за то, что пытаюсь ухватить улыбку у меня долю? Разве же я не заслужила толику радости, обыкновенного бабьего счастья?»

Когда-то Варвара послушалась родителей и вышла замуж за веселого красавца Мирона Щепетова. Отец ее и до этого недолюбливавший Мирона, парня бойкого и не по-деревенски нагловатого, после замужества Варвары и на дочь перенес эту нелюбовь свою. Считал Варвару отрезанным от семьи ломтем и покойнице же не строго-настрога наказал не привечать дочь. Не смягчился он к ней, даже когда появились внуки.

А для Варвары не сладким обернулось ее замужество. Мирон оказался летуном и бабником. Плавал по Амуру на буксирах и пароходах, заводил шашни с бабами, а когда навещался в семью, на попреки жены или отмалчивался, или, напившись, поколачивал ее. Варвара топила в слезах горе свое, но не жаловалась. Никто ее не неволил, сама себе определила такую жизнь. Мирон погиб на фронте, но разве же она этого хотела? Она разлюбила его, порою даже ненавидела, а он все же был отцом ее детей.

Дети осудят. А за что? Разве не помнят они, как росли без отца? Разве она не вкладывает в них всю

душу? Светлана, Андрюшка? Не она ли из последних сил моталась, а заставила Светку пойти в техникум? Пусть учится, коль охота есть.

Фрейдин, как бы угадав ее мысли, вдруг спросил:

— Что Светлана твоя пишет? Как учится?

— Хорошо учится, — ответила Варвара. Она не совсем поняла, чем вызван внезапный вопрос Фрейдина. Но материнское чувство взяло верх над всем, гордясь дочерью, она повторила: — Ладно учится. Через год будем свою медичку иметь. Светка обещала домой вернуться.

— Это было бы хорошо.

Фрейдин сел в постели, снова закурил и, обхватив руками колени, вдруг размышлял:

— Понимаешь, Варя, если бы Светка твоя, да и другие парни и девушки оставались бы в селе. Нет, я не против того, чтобы они учились. Даже подумываю, а не взять ли кое-кого из них на довольствие. Ну, учить за счет колхоза. Но после пусть возвращаются. Каждый человек у нас на вес золота и дороже иногда. За иным гоняешься, уговариваешь его, чтобы на работу ходил, не убегал бы из села. А думается мне, я очень верю в это — придет такое время, когда люди не захотят уезжать из села. Не каждому здесь будет и работа доверяться.

— Ну ты, Наум, кажись, не туды поехал, — усмехнулась Варвара.

— А я верю! — Фрейдин притушил папиросу, откинулся опять на подушку и завел руки за голову. — Ты смотри, сейчас какая богатая техника идет в совхозы и МТС — новые тракторы, комбайны, сушилки, автомашины. Подумай, картошку уже машиной садим! И это через девять лет, как война кончилась. А что будет через двадцать — тридцать лет? Доярки будут не в телогрейках или ватниках ходить по коровнику, а, как врачи, в белых халатах. Трактористы и комбайнеры не будут в поле добираться пешком или на колымаге Штейна, а каждый — на своем мотоцикле или легковой автомашине. И не по ухабистым летникам, а по шоссе да по асфальту, получше тех дорог, что я в Европе видел. Вообще жизнь другая будет. Будем жить в многоэтажных домах. У каждого — ванна, вода горячая и холодная, центральное отопление. Села станут как не-

большие города. И знаешь, тогда люди будут тянуться в деревню! Ко всем удобствам жизни, у них будет вдоль еще и того, чего нет в городе: свежего воздуха, зелени, тут же — река, охота... Вот ты улыбаешься, не веришь, а ты подумай, подумай хорошенько...

Варвара пробует представить себе все то, о чем он говорит ей. Долго думает, усмехается. Пытается представить себя в белом халате. А хорошо! Повертишь колесико — и в ведро вода потечет. Она недоверчиво качает головой. Расспросить бы подробнее обо всем Фрейдина.

А Фрейдин уже спал. Намаялся за день, устал. Варвара подправила под ним подушку, отодвинулась к стене и... заплакала. Сердце Варвары тает от счастья, и слезы, ее слезы — радостные. Наплакавшись, потом затихла и она.

А за окном начала редеть молчаливая стынь. В горнице полусумрак. Зеленоватый свет луны размывчато ложится на цветочные горшки на подоконниках, на спинку кровати. Варвара долго глядит сквозь слезы на Фрейдина, берет его руку и кладет себе под щеку. Ладонь у него твердая, тепло, идущее от нее, вяжет Варваре губы, смежает веки, разрывает и тушит цепочку ее тревожных дум.

В последнюю неделю августа погода вконец испортилась. Часто шли ливневые дожди, и даже в промежутки между ними небо оставалось пасмурным. От избытка влаги набухли и потемнели пашни, лежали притихшие и унылые, как в позднюю осень.

Воспользовавшись непогодой, Яков съездил в Амурьевск, выпросил в МТС два десятка балансирных втулок к ДТ-54, дефицитных вентиляторных ремней да коробку распылителей-форсунок, в которых бригада испытывала особую нужду. Все это богатство лежало сейчас в мешке, крепко притороченном к багажнику мотоцикла.

Обойдя лужу у калитки, он на крылечке соскреб грязь с сапог и пошел в дом.

На кухне у стола сидел Сема и бесцельно листал какой-то журнал. Фира, занятая починкой рубашки,

пристроилась у окна, ждала, пока Мишка вденет нитку в иглу.

— О-о, прикатилось наше золотое колечко! — увидев Яшу, проговорила она и стала неторопливо складывать рубашку. Сунув в карман передника очки, Фира поднялась. — Багряна, Ленка, давайте обедать?

— Как съездил? — отложив журнал, поинтересовался Сема.

— Кое-что достал. Трудно еще с запчастями для тракторов.

— Это ясно. Не сразу после войны снабжение налажится.

Яша снял пиджак, повесил на гвоздь, вымыл руки. Присев к столу и поглядывая на женщин, собирающих обед, спросил:

— Ну, а у вас что нового? Как твой оркестр?

Сема Гебель с полмесяца уже работал заведующим клубом, сколачивал кружок художественной самодеятельности и, что не привычно было в селе, задумал создать оркестр. А сделать это в страдную пору было очень не просто.

— Оркестр у нас все-таки будет. И даже скоро, — сказал Сема. — Но беда в том, что Фрейдин жметя. Не дает денег, и все.

— Почему?

— А бог его знает! Сначала вообще отмахнулся: мол, сто лет жили без оркестра и теперь обойдемся. Ссылается на то, что в кассе нет таких денег. Впрочем, обещает дать деньги, но только после продажи арбузов.

— Так это хорошо, — сказал Яков. — Знаешь, у него вырвать обещание...

— Что тут хорошего? — Сема взъерошил рыжие волосы и огорченно махнул рукой. — Я вот наведываюсь в Амурьевск, приглядываюсь к инструментам. Другие ими тоже не меньше моего интересуются. Опасаюсь, пока мы будем деньги ждать, там все раскупят.

— Надо бы тебе Козырина к этому делу подключить, — советовал Яша. — А Субботину ты говорил? Ну, вот видишь?

— Это он-то будет кому-то говорить? — расставляя на столе тарелки, вмешалась в разговор Лена и на-

смешливо фыркнула. — Вот на свои деньги он бы смело пошел и купил.

— А что ты думаешь? — запальчиво воскликнул Сема. — И сходил бы и взял. Там такой кларнетик, такой тромбон! Да что ты понимаешь! — Он безнадежно махнул рукой.

— «Кларнетик, тромбон», — передразнила его Ленка. — Ну, представь себе, что ты уговорил Фрейдина и купил инструменты. А кто будет на них играть?

— Не волнуйся, даже пожилые есть. Вон старик Гаркуша со своей скрипкой приходит на репетиции. А у Продана, можешь себе представить, оказался неплохой голос. Тенор.

— Скоро у нас в Еланцево будет усато-бородатый симфонический оркестр, — съехидничала Ленка. — Художественный руководитель и дирижер непревзойденный маэстро Семен Гебель.

Ленка любила Сему, ей нравилось его бескорыстие, граничащее порой с простодушием, но она не могла удержаться от иронии. И, изображая Сему дирижером, она так комично развела руками и кинула к плечу голову, что Мишка прыснул смехом и тотчас же схлопотал шлепок от Багряны. Фира заступилась за зятя.

— Что ты к нему пристала? Цепляешься, смешки строишь! Нравится — пусть делает как хочет. А ты, Сема, ты-то что всегда молчишь?

— Мама, мы ведь шутим.

— На все есть мера. И шуткам тоже! — с неподдельной суровостью сказала Фира. — Не мешало бы тебе знать. Ну, давайте кушать. — И, когда все уселись за стол, она, по старому обычаю, как глава дома, первая переломила ломоть хлеба.

Обедали молча. Лишь Лена вновь нарушила молчание, словно бы невзначай обронила:

— Мама, знаешь, мне квартиру дали. Как учительнице. В переселенческом доме.

— Квартиру? Зачем? — Фира, недоумевая, подняла глаза на дочь, перевела их на Сему. Но, когда до нее дошел смысл сказанного, она, положив вилку, спрятала под стол задрожавшие руки. — Что, вам здесь кисло?

Уткнувшись в тарелку, Сема отмалчивался. Все затеяла Ленка, она и ответила:

— Ну что ты, мама, ей-богу! Конечно, хорошо нам

здесь! Но подумай сама, здесь всем нам все-таки тесно. Сколько Яша может на вышке валяться?

— Ты за Яшу не переживай, — сердито оборвала ее Фира. — И когда же вы будете переходить туда?

— Там все готово. Можно хоть завтра перебираться.

— Ну-ну. Делайте, как знаете. Вы уж не маленькие.

Фира поднялась из-за стола, бесцельно постояла у плиты и, не сказав больше никому ни слова, ушла к себе в боковушку. Настроение у нее было испорчено. Крепко сцепив пальцы рук, она присела у окна и поверх рыжих, вышелушенных ветром метелок кукурузы, росшей по краям грядок в огороде, устремила невидящий взгляд вдаль.

Покачивая в такт своим думам седой головой, она вспомнила осень сорок первого года. Вспомнила, как, потеряв Яшу и подводу со всем домашним скарбом, несла на руках Ленку, слабую после перенесенной болезни, и шла от Дона на восток в сторону Сталинграда. Лишь бы спасти хоть ее.

Стояла глубокая осень, в сыкотной степи дул стылый ветер, по ночам лужи сковывало ледком, и она, оставшись в одном платье, без платка, кутала Ленку в снятый с себя жакет. Придерживаясь железнодорожного полотна, она шла от станции к станции, пока в Котельниково случайно не наткнулась на несколько подвод берловцев. В тот год она растеряла столько близких ей людей, что и собственная жизнь была уже ей не мила. И если Фира еще держалась на ногах, то только ради Ленки.

И надо понять Фиру, понять ее безмерное счастье, когда после всего пережитого она снова могла видеть у себя за столом почти всех своих детей. Она радовалась их молодости, здоровью, шуткам, жила их радостями и заботами. Она видела, как каждый из ее детей по-своему вырастает в дальневосточную землю, ею избранную им для жизни, и радовалась, что хлеб земли этой им не горек. Шумная и веселая, всегда всем довольная семья заставляла и ее забыть о невозвратно утерянном. О старшем сыне Борисе и Давиде, о родных могилках в Берловке теперь она думала лишь по ночам, когда оставалась наедине с собой. Раны души хоть и зарубцевались, нить все же не перестали. И вот ее дети, с трудом собранные ею под одной крышей

здесь, почти на краю земли, снова разбредаются. Умом понимая, что в конце концов так оно и должно быть, что каждому птенцу приходит время вить свое гнездо, Фира настрадавшимся сердцем своим все же противилась неизбежному.

А на кухне Яша тихо попрекал сестру:

— Язык у тебя, Ленка, дурной какой-то! Ну чего ты выскочила раньше времени? Что, ты ее не знаешь?

— Все равно когда-то надо было ей сказать!

— Тебе никто не говорит, что не надо было, — спокойно проговорил Яша и, поставив на ребро пустой стакан, стал задумчиво вертеть его. — Но как-то не так надо было, ну, не прямо, что ли...

— Я же не думала, что мама... Багряна, ну хоть ты скажи ему! — Ленка повернулась к невестке, но, уловив и в ее взгляде немой укор, вскочила как ужаленная: — А, да ну вас всех!

Фира вернулась на кухню, сохраняя каменное выражение лица, она молча принялась помогать Багряне убирать со стола. Яша закурил, искоса поглядывая на мать. Тонкие бледные губы ее были сурово поджаты. В мочках ее ушей светились маленькие сережки, отливавшие ярко-голубой бирюзой. Когда-то Давид Печерский купил их на ярмарке в Одессе у купца-грека для своей синеглазой невесты. Давно уже нет в живых Давида, выцвели и прекрасные когда-то глаза у состарившейся Фиры, только серьги по-прежнему поблескивают бирюзой. Серьги не выгорают, выгорает жизнь...

Тягостное молчание нарушилось с приходом Брайны Фрейдиной. Сверкнув золотозубой улыбкой, она громко поздоровалась, обняла Багряну, поцеловала Фиру и обернулась к своей дочери, следовавшей за ней как тень.

— Танечка, стена не упадет. Не надо ее подпи-
рать.

Девочка капризно передернула острым плечиком, осталась у порога.

Фира взяла племянницу за локоть, усадила ее за стол. Налила и подала ей стакан киселя.

— На, доченька, попробуй.

— Мы только поели, — покосившись на дочь, сказала Брайна. — Она не хочет.

— Это она дома, может быть, не хочет, а у тетки выпьет. Правда, Танечка? — Фира улыбнулась племяннице и, когда девочка робко потянулась к стакану, прикрыла ее спиной, спросила у сестры: — Ну, как твоя голова? Что врач сказал?

— А-а, — Брайна пренебрежительно махнула рукой. — Этот доктор из Амурьевска столько разбирается в болезнях, сколько я в паровозах. Не знаю, чему их только учат столько лет в институтах. Знаешь, что он сказал? Что мне больше надо бывать на воздухе, двигаться. Говорит, что я могу работать! Ну, как это тебе нравится? Идиот какой-то, а не доктор.

Яша терпеть не мог теткиного лицемерия. Подмигнув Семе, он проговорил:

— Воздух, тетя, — большое дело. Может, этот парень все-таки прав?

— Если я говорю, что он ничего не знает в болезнях, — безапелляционно сказала она, — то это уж точно. Но черт с ним! — И она игриво повела крутым плечом. — Ты лучше скажи, Яшенька: когда мы тебя жемим? Хватит уже ходить впустую.

Яша смущенно крикнул, потянувшись к пиджаку. «Ну, теперь она за меня взялась».

— Опять в поле? — оглянулась на него Фира. — Хмарится снова сегодня, что ты там будешь делать?

— Работа найдется, — Яша толкнул дверь, но тут же вернулся — забыл папиросы.

Доставая с этажерки пачку «Беломора», Яша мельком глянул в окно и замер, пораженный: наискосок, у двора Агеича, прикрывая часть плетня и хорошо знакомую ему тропку в пристройку, стояла запряженная пароконка. На возу бугрились наспех уложенные узлы и мешки. Возле лошади, держа в руках кнут, нетерпеливо прохаживался Ефим Мазанник. Вытягивая длинную шею, Ефим смотрел во двор, и от всей его нескладной, долговязой фигуры веяло одновременно и смущением и радостью.

Из пристройки вышла Римма Григорьевна с чемоданом в руке. За ней, держа на руках Вадьку, одетого в курточку и теплую шапочку, поспешала Петровна. Все норовя зайти сбоку, старуха кончиком полушалка вытирала глаза и что-то говорила своей квартирантке. Римма Григорьевна ответно кивала головой.

Мазанник суетливо перехватил у Риммы Григорьевны чемодан, уложил его в задок телеги, помог и ей самой усесться на облучок. Потом он взял у Петровны мальчишку и передал его матери.

Багряна, зайдя в горницу, увидела Яшу, пристывшего у окна, и тоже подошла поглядеть. Привстав на носки, слегка касаясь его спины грудью, она заинтересованно глядела на улицу.

— Все-таки он увозит ее, — жарко дыша Яше в затылок, почему-то шепотом сказала она и довольно засмеялась. — Тихоня-тихоня, а своего добился.

— Она... За него? — не скрывая изумления, спросил Яша, будто Багряна знала все тонкости отношений агрономши с Мазанником.

— А ты думаешь, он у нее за возчика? — Багряна отошла от окна, стала рыться в комод. Красивое лицо ее моментами кривилось в злорадной усмешке. — Она, она замуж идет. А еще ломалась как пряник. Один отказался, зараз же она другого захомутала.

— Ты это брось, — краснея и все еще глядя в окно, хмуро сказал Яков. — Римма хорошая женщина.

— А я что говорю! — засмеялась Багряна. — Вот именно: хорошая. Никому не отказывает.

— Человек она хороший, понимаешь? А вот ты, Багряна, злюкой становишься.

— Ну и нехай! Зато я не размениваюсь, как некоторые! — громко прозвучал полнившийся обидой ее голос.

Взяв кофточку, Багряна коленом сердито задвинула на место ящик комода и вышла из горницы.

— Вот-вот, — кинул ей вслед Яша. — Иди лучше к тетке.

Телега уже тронулась и поравнялась с их домом. Мазанник, вероятно, торопился водворить Римму Григорьевну под свою крышу. Ефим шел сбоку телеги (Яша видел только его худую щеку и белую полосу выбритой к случаю шеи), пошевеливал вожжами и говорил что-то Римме Григорьевне. Придерживая сынишку, она чему-то смеялась. Но Яша видел, как Римма Григорьевна кинула взгляд на их дом, и совсем не весельем наполнились ее глаза.

Багряна глубоко ошибалась, вовсе не «захомутала» она Мазанника. Просто трудно было ей теперь проходить мимо дома Печерских. Можно ведь было лицом

к лицу столкнуться с ним. Римма Григорьевна не хотела этих ежедневных мук, и, когда Мазанник, каким-то образом узнавший о ее разрыве с Яшей, предложил ей перейти к нему на квартиру, она, не колеблясь, согласилась. Пересуды же она давно не принимала во внимание.

Яша все это прочел в ее, казалось бы, мимолетном взгляде, скользнувшем по стеклам окна. Яша тогда отшатнулся от окна и сел. И ему вспомнилось, как незадолго до разрыва, приехав с поля, он пошел к Амуру купаться и у самого берега столкнулся с Риммой Григорьевной. Она несла полные ведра воды. Позади нее, оседлав длинную хворостину, гарцевал босоногий Вадька. Римма Григорьевна опустила ведра и, сдувая с лица распушившуюся прядку волос, радостно улыбнулась. Подскакавший Вадька, задрав голову, спросил:

— Дядя Яша, тебе нравится моя коняшка?

— Конечно! Это настоящий рысак!

— А хочешь, я тебе дам покататься? — великодушно предложил мальчик.

— Нет уж, спасибо, — от души захохотал Яша. — Катайся сам.

Вадька избочил тонкую шею, шаркнул ногой и понесся вокруг тальника. Римма Григорьевна следила за сыном улыбчивыми глазами.

— Ты стиркой занялась? — спросил Яша.

— Ага.

— Подожди немного. Я окунусь и понесу ведра.

— Да мне не тяжело, — усмехнулась Римма Григорьевна.

— Ну все равно подожди. Вместе пойдем.

Яша разделся и, разбежавшись, с маху нырнул в воду. Вынырнул и, гулко хлопая ладонями, быстро поплыл к берегу.

— Вадька! — позвал он. — Ну-ка скидывай штанишки, поплаваем.

— Вода холодная, я боюсь, — ответил мальчик, с разбегу остановившись у кромки воды.

— Иди, сын, не бойся. Вода теплая. — Римма Григорьевна присела около Вадьки, отстегнула бретельки его штанишек, сняла их, стянула с него маечку. Потом взяла его за руку и, слегка подбирая подол, повела в воду. И уж после, глядя, как сынишка, лежа на Яши-

ных руках, шлепает ножками и захлебывается счастливым смехом, она почувствовала, как сердце ее сжимается от любви и тоски. Взглядывая изредка на Римму Григорьевну, Яша замечал эту грустную улыбку на ее губах и про себя недоумевал. Недоумевал он и сейчас неожиданному переезду Риммы Григорьевны.

В душе слегка уязвленный, Яша шагал на край села, к Лагутиным. Тихонько насвистывая, он вспоминал удивленные лица домашних, тетки Брайны, когда, вместо поездки в поле, неожиданно предстал перед ними переодетый во все выходное. На вопрос матери, что за праздник у него, он, как всегда, отшутился. Только Ленка, знавшая сердечную тайну подруги, и отчасти Сема, видимо, смекнули, для чего Яша вырядился.

А он, подтолкнутый уязвленным самолюбием, и впрямь шел к Лагутиным сватать Зою. Правда, о своих намерениях он не говорил еще ни Зое, ни матери и не знал, как каждая из них отнесется к его планам. Главное — ответ самой Зои, ну и ее отца — человека угрюмого и своенравного. В благожелательности же своей матери Яша не сомневался. Умная и рассудительная, Фира никому из своих детей еще не препятствовала в их сердечном выборе.

Подворье Изота Лагутина — во всем Еланцеве приметное. Когда-то давно отец его, Нестор Лагутин, не любивший скученности и сутолоки, построился нарочно на отшибе. Долго кузнец ходил вокруг станицы, примерялся, прикидывал и выбрал-таки себе место.

Срубленная из кондовых лиственниц еще в прошлом веке пятистенная изба, банька, колодец с журавлем, сараюшки для скота и крашенный по фасаду тесовый забор как вросли в песчанистый мысок на западном выезде из села. Шагах в тридцати от усадьбы под обрывистым берегом плескался Амур, с другой стороны к жердевой ограде примыкал просторный выгон с редким ивняком, черемухой, боярышником и кустами шиповника. Здесь раздолье телятам, гусям и прочей живности. В дальнем углу, словно привязанная узкой троп-

кой к пряслу лагутинского огорода, кособочится старая кузня.

В последние годы от крайних дворов села к подворью Изота Лагутина тянутся, растут два порядка брусчатых переселенческих домов. Новый переулочек полнится ребячьим гомоном, лаем собак, мычанием скотины и тарахтением тракторов по вечерам. Уходит помаленьку бывшее приволье, пропадает привычная здесь тишина.

Яша проулком вышагивал бодро, а возле лагутинской калитки вдруг оробел. Глянул на окна, забранные кружевом наличников, на затейливую резьбу высокого крылечка и растерял почти весь заряд решимости. Ему всего-то раза два пришлось иметь дело с бирюковатым кузнецом. А тут предстоит вести такой разговор! Но и не поворачивать же назад?..

Расстегнув ставший внезапно тесным воротник праздничной рубашки, Яша несмело переступил высокий порог дома и вмиг вспотевшей спиной привалился к прохладной глади крашеной стены. Посреди кухни спиной к двери стояла Варвара Щепетова. Она примеряла на Зое какой-то яркий материал для платья. Загорелые пальцы Варвары споро и сноровисто бегали по ее плечам и узкой талии. На столе, поверх клетчатой зеленой клеенки, были разбросаны какие-то выкройки, обрезки мануфактуры, тут же протянулась оранжевая змейка портняжного метра.

«Слава богу! — перевел Яша дух, втайне радуясь отсрочке нелегкого разговора. — Самого, кажется, нет дома».

На стук закрывшейся двери сестры почти одновременно оглянулись. У Зои глаза вспыхнули радостью, а лицо, шея и даже крохотные уши залились горячей краской. В спокойном взоре Варвары отразилось нескрываемое любопытство.

— Ты зачем пришел? — оправляясь от смущения и косо поглядывая на усмехнувшуюся сестру, спросила Зоя.

— Дело есть. Где твой отец? — У Яши робость тоже прошла. Ответив на вопрос, он силился сжать рот, раздвигаемый улыбкой.

— Отец в кузнице... — Зоя подошла к нему, досад-

ливо прошептала: — Ну чего ты пришел? Вечера не мог дожждаться? Чего ты все улыбаешься?

Яша взял Зою за руку и, покосившись на Варвару, сказал:

— Мне сегодня весело, вот и улыбаюсь.

— Честное слово, ты дурной. Зачем тебе понадобился отец?

— Я не шучу, — тоже шепотом проговорил он. — Хочу потолковать с ним. О нас...

— Ты с ума сошел! — забывшись, громко воскликнула Зоя и протестующе замахала руками. — Что ты, Яшенька, не надо! Я уж как-нибудь сама... Знаешь какой он?..

— Ты даже не знаешь, о чем я хочу говорить с ним?

— Догадываюсь.

— Тем лучше. — Он, снова покосившись на Варвару, безразлично будто бы перебиравшую на столе выкройку, прошептал Зое: — Я ему скажу, что хочу на тебе жениться.

— Ой, да что ты! — У Зои враз побледнели щеки. — Так скоро?! А... меня-то ты хоть спросил?

— А разве ты против? Ты же сама... — напирал на нее Яша.

— Да, но я... — Зоя вконец растерялась и опустила голову. — Понимаешь, он все один да один. И так ждал меня...

— Ну, а что же нам делать? Что ты предлагаешь?

— А я не знаю, — пожала она плечами.

— Зато я знаю. Так ты согласна?

— Ну что тебе загорелось? — спросила она, и в ее голосе он услышал желанное — да.

— А-а, ладно! — Яша плечом надавил на дверь.

Варвара, все это время исподтишка наблюдавшая их, все поняла. Свертывая куски материи на столе, она по-доброму завидовала счастью сестры и тихонько вздыхала. Невесело было ей думать о своей потаенной любви.

Зоя подошла к сестре, уткнулась лицом ей в грудь и всхлипнула.

— Он любит меня...

— То-то, дуреха! Чо же ты ревешь? — Варвара тихо улыбалась и, как в далекой юности, гладила и целовала мягкие, теплые волосы младшей сестры.

Тропка от огорода Лагутиных к кузнице обкошена, и по сторонам ее сочно зеленела подросшая трава. «Дзинь-дзинь! Тук-тук!.. Дзинь-дзинь!.. Тук!..» —плыли навстречу Яше знакомые звуки.

Ловя веселую скороговорку кузнечного молотка, Яша нагнулся, сорвал былинку, принялся точить ее зубами. «Надо же такому случиться! — подумалось ему. — Мой отец был кузнец и отец Зои — тоже...»

Вокруг кузницы просторно и пустовато. Из порыжевшего бурьяна затерянно проглядывали обрезки поржавевшего железа, покривленные боронки, отжившие век однолемешные плуги, грабельные зубья, колеса без шин и изломанные ящики одноконных сеялок. Зато внутри кузницы — сумрачно и тесно. Пахнет жженым угольком, остывшей окалиной, плесенью гниющих нижних венцов сруба. Как во всех деревенских кузницах, тут был небольшой горн, старый мех, покрытый толстым слоем пыли, вкопанная в пол железная бочка с ржавой водой. У закопченного продолговатого, как в конюшнях, оконца — верстак с набором самодельных клещей, молотков, зубил. Посредине широкая колода с наковальней.

Изот Лагутин под стать своей кузнице — приземистый, длиннорукий, весь прокопченный. Яшу он встретил более чем сдержанно. Мельком взглянул на него, буркнул что-то в бороду и снова тук-тук молотком. Не спеша оттянул лемех, бросил его в кучу и так же молча взял другой и сунул в тлеющие угли. Лишь проделав все это, Лагутин вытер пот со лба и на этот раз пристально поглядел на принарядившегося Якова.

— Чо, паря, пожаловал?

— Да так...

— И то ладно, — Лагутин насмешливо улыбнулся. В рыжей повители бороды молодо блеснули его крепкие зубы. — Всего-то и делов?

Молча высмолив сигарку, кузнец деловито растер окурок стоптанным каблуком и, шуря на Яшу черные глаза-буравчики, переспросил:

— Стал быть, так зашел? Тогда пособи вот лемеха отковать. — И кивнул головой на мех.

Яша не стал раздумывать, не пожалел новую рубашку, понимая, что кузнец все уже знает и приглашение стать к меху — это не просто, что-то тут кроется.

Сбросив пиджак, он взялся за свисающую проволочную петлю и начал качать мех. В жестяной раструб над горном пополз робкий желтый дымок. Кузнец продолговатым штырем пошуровал угли.

Потянуло щекотным, горьковатым душком.

— Наддай, ишо наддай! — совсем не угрюмо командовал Лагутин.

Вскоре кузнец выволок из горна золотисто-малиновый лемех, положил его на наковальню, потом легко и привычно правой рукой ухватил лежавший на колоде молоток. Яша взял кувалду. Оттягивая лезвие, с силой бухнул раз, другой и третий. Огненными брызгами сыпанули искры. Тюкая в такт Яшиным ударам, старик молча указывал молотком, куда бить, подправляя.

Примерно через час, когда был подобран и откован последний лемех, Лагутин устало выпрямился, оглядел проделанную работу и пошел к бочке мыть руки. Вытерев их концом снятого фартука, довольный, бросил Яше:

— Пойдем на воздух. Подымим. Аль торопишься?

— Нет...

Вышли и, вспугнув стайку воробьев, копавшихся в никлой траве, присели на опрокинутый ящик от старой сеялки, придвинутый к стене кузни. Яша достал папирсы, протянул кузнецу, но тот, положив ему на запястье черную и жесткую, как обрезок железа, руку, достал свой потертый кисет, хриловато предложил:

— Испробуй-ка моего самосаду. Амгуньский!

Закурили. Под стреху низкой крыши потянулись синеватые струйки дыма.

А день помаленьку убывал. Уплывали, таяли расхлестанные ветром дымчато-белесые порожние тучи. В редких колодцах между ними по-весеннему голубело небо. Иногда показывалось солнце и снова надолго хоронилось за грядой накатывающихся облаков.

Страхивая пепел под ноги, Яша молча глядел на утопанную землю у короба. Он, все еще не решаясь начать разговор, несвязно думал о том, что это место, вероятно, давно облюбовано стариком для перекуров и размышлений. Недаром же вокруг все усеяно раскисшими от дождя окурками.

— Как табачок? — расслабленным голосом спросил кузнец и, хвастая, слегка разгладил прокуренные усы.

— Крепкий. Дух зашибает, — ответил Яша.

— Вот-вот. — Лагутин глухо, как в трубу, засмеялся, закашлялся. — Не люблю слабый-от. Сам чувствую — вредит, проклятый, а вот... люблю.

Яша взглянул на старика. Но тот уже, прищурившись, глядел куда-то вдаль. Взор его был текуч, и размышлял он, должно быть, в этот миг совсем не о своем самосаде.

Кроша негнушимися пальцами потухший окурок, Лагутин ни с того ни с сего заметил:

— Недурно ковалишь. Учился, чо ли, где?

— Нет. У меня еще дед кузнечил, отец.

— Во-он оно что. То-то я гляжу...

И опять, скользя взглядом по смуглому покату лбу старика, исполосованному рубцами морщин, Яша старался уловить примерный бег его дум. Но разве их угадаешь! Спустя минуту он, казалось бы, совсем не к месту, заговорил:

— Люблю вот их, — кивнул Лагутин на липу и черемуху, росшие возле кузницы. — Нужные деревья. Черемуху я ишо мальчонкой тут посадил. А знаешь, через чего? За цвет ее. Шибко нравится мне черемушный дух. — Лагутин скупно улыбнулся. — О пользости липы я уж после понял... Ить чо интересно: шиповник, к примеру, цветом ярче, пахучее, нежели липа, и пчела, надо сказать, его не минует. Однако, поставь их рядом — пчела первой липу выберет. Почему так? А потому, что в липе она для себя больше пользости чуёт. Ежли вдуматься, диву даешься, до чего же это мудрая насекомая. Вот сколько годов гляжу на них, а никак разумом не дойду: откель у ей, махонькой, силы-то берутся? Цельными днями они носятся и робят, и нет им ни роздыху, ни передыху. И чо главное — не впустую. Вот сяду так-то перекурить, погляжу, как пчелы скопом подступают к липе, и западает в голову мысль: а чо, ежли бы наш брат, человек, так же мудро и настырно работал? Должно, амбары и прочие сусеки ломились бы от хлеба. А мы покуда мало собираем. Через чего так получается? Думается мне, через то, что мы часом робим без толку. Пользы своей не видим. А всяк человек, особливо колхозный, допрежь всего должен в каждом деле выгоду видеть. А так чо жа...

Яша пытливо взглянул на умолкшего кузнеца. «Вот так бирюковатый!» — подумал он и уже с нескрываемым интересом стал ждать, что старик будет говорить дальше и к чему привяжет свои философские размышления. Но, помолчав, Лагутин почему-то снова вильнул в сторону, но на этот раз, как почудилось Яше, ближе к делу, занимавшему мысли обоих.

— Говоришь, стал быть, так зашел? А чо вырядился-то? Иль дело тово требоват?

Спросив, Лагутин по-прежнему глядел в сторону сопок, тонущих в сизом дымчатом прибое наплывающих туч. В углах его рта, на седых подпалинах бороды лежали негустые тени, и от этого казалось, что кузнец добродушно усмехается. Но Лагутин был задумчив, серьезен. Яша, уже отчаявшийся поговорить, счел момент самым подходящим и выпалил без обиняков:

— Есть, конечно, дело. Хочу вот вашу Зою взять.

— Так, — крикнул старик и сипловато, но без иронии, спросил: — Ну и куды?

— Не в поварихи же для бригады! — Поднявшись, Яша сунул руки в карманы брюк, шагнул нервно вад-вперед. — Жениться хочу, Изот Несторович. За этим и к вам пришел.

— Давно догадываюсь, что не за ради меня, а из-за Зойки пришел. Садись, чо вскочил-то?

— Так что, дядя Изот, отдадите?

Лагутин будто не слышал, достал из кисета кусочек аккуратно нарезанной газеты, не глядя насыпал щепоть самосада, свернул толстую сигарку, но не закурил. Поднес ее ко рту и замер, вспоминая собственное далекое уж жениховство. Он тогда целых два года протопал за Нюркой Кибиревой, единственной дочерью еланцевского купчины Ерофея Силыча Кибирева, славившегося богатством по обе стороны Амура. Собственно говоря, не он, а Нюрка, привязав его к себе, тянула, водила его за нос столько времени. А будь по его, Изот тогда в одночасье бы женился на ней. Нюрка была красива, умна, избалована, хорошо знала себе цену и отцовскому капиталу, и не ему, сыну простого кузнеца, было думать о такой невесте. Изоту очень нравилась девушка, запала она ему в сердце с первой встречи, но он прекрасно понимал ее и свое положение и только тяжело вздыхал. Но жизнь водит людей по своим путям,

одной только ей доступным, и любовь, если настает ее время, не робкой попрошайкой, а полновластной хозяйкой одинаково стучится в юные сердца, не глядя на то, где они живут — за высокими ли окнами купеческих хором или за кособокой дверью худородной избы.

Нюрка сама выделила Изота из толпы станичных парней. Она заметила молодого кузнеца еще в свой приезд на летние каникулы. А когда Ерофей Силыч, посчитав, что с дочери достаточно будет и гимназии, увез ее от соблазнов из Благовещенска, Нюрка все вечерки стала просиживать с Изотом. Кто знает, может быть, показной вначале дружбой с простым парнем она хотела досадить отцу, лишившему ее городских увлечений? Она уводила Изота с посиделок в какое-нибудь укромное место и, обжигая его озорной усмешкой или волнуя загадочной улыбкой, рассказывала, сама увлекаясь, о городе, о гимназической жизни. Изот был застенчив, молчалив, охотно слушал ее, и это нравилось Нюрке в парне.

Первое время Изот робел, терялся, оставаясь наедине с этой умной и развитой девушкой. Его даже смущал непривычный, тончайший запах благовоний, исходивший от ее белых рук, волос. Но уединенные свидания в конце концов всегда заканчиваются одинаково. Дала согласие выйти замуж за Изота и Нюрка. Тут бы и радоваться парню, но горячая просьба Изота заслать сватов к Ерофею Силычу наткнулась на неодолимую стену. Старый Нестор Лагутин посчитал просьбу сына неразумной блажью и заупрямился, как уросливый конь у колдобины.

— Нет и ишо раз нет! — кричал он в лицо сыну. — Ты, должно, рехнулся, паря! На смех всей станице хочешь меня выставить, чо ли? Кибирев эвон какими делами заворачивает, а у нас чо? Молот да кувалда? Эка чумовой ты, паря. Ступай отсель и на глаза не показывайся!

Однако настойчивости и упрямства не занимать и Изоту. Один у них с отцом был кремневый характер. Помогая старику ковалить, Изот целыми днями донимал, прямо-таки точил его одной и той же просьбой и сумел все же переломить отца. К вящему удовольствию кузнеца, сватовство прошло скоро и гладко. Видно, Нюрка тоже не теряла зря времени. Может, не тер-

пела другая причина. А купец, души не чаявший в дочери и во всем почти потакавший ей, пошел навстречу в этом деле.

Нашарив спички, старик наконец-то закурил. Надсадно кашляя, он думал: «Да-а, было и, как говорится, былшем поросло. Нюрки уже давно нет, и я стар стал. Как дым истаяла ее краса и моя сила. Вроде и не было ничего. А теперь, — он мыслями перекинулся на дочерей, на сидящего около него парня, — теперь их черед настал. Ишь ты, отдать просит Зойку-то. Знать, промеж себя уже договорились. Оно бы и можно отдать. Мужик-то, кажись, ничо. Не по-нонешнему забирает, отца просит. Значитца, совесть есть. Да и ладный он собою, работающий и нашего кузнечного роду-племени. А что другой нации, ну-к чо жа — не беда. Наши тут в допрежние времена, когда своих-то баб не было, женились и на бурятках и на тунгусках. И ничо, живы-здоровы. А нонешние молодые-от, энти и вовсе на все рукой машут. Любовь, говорят. И верно это... Да-а, все ладно, да вот поди ты, закавыка...»

Старый Лагутин уже давно доглядел, что Зоя встречается с Яшей. И, отдавая должное ее возрасту, он внешне ничем пока не выказывал ей своего недовольства, хотя в душе и печалился. Не по поводу дочернего выбора. Парень ему нравился, хотя лучше бы было, чтоб истории с агрономшей не существовало. Но он думал, что все будет не так скоро, что с окончанием Зоинной учебы пришел конец и его опостылевшему одиночеству. Дочь и раньше не очень была охоча до гульбищ и танцев, такой она и осталась, и это вселяло в старика надежду. А тут вышло как-то тихой сапой — два только месяца из института, и вот нá тебе — свадьба. Оттого кузнец и горевал, и злобился. Однако, поразмыслив, помня пример Варвары, некогда ослушавшейся его, Лагутин скрепя сердце согласился.

— Значитца, Зойку? А она чо жа, согласна? Ну-ну... Чо жа так-то? Эх ты! Идешь к отцу невесты, вроде бы как на сговор, а поллитровку не прихватил! Всухую какое же сватовство?

— Да разве в бутылке дело, Изот Несторович! Да я сейчас, — Яша, присевший было на короб сеялки, рванулся, но Лагутин ухватил его за пиджак, попридержал.

— Знаю, что приволокешь водку-то. Задача не из хитрых. Однако, как ты говоришь, не в бутылке дело. Чо жа у Изота Лагутина дочка аль щенок приبلудный? Все-таки она педагог, да и я кузнец! Один на все село, понял? Один раз обмишулился с Варварой. С Зойкой того не будет! Присылай свою мать. С ей мы по-стариковски обговорим все, обмозгуем чин по чину и свадьбу справим по-людски. Так-то, паря. А теперича ступай! Вижу, что торопишься. — И, глядя в широкую, покачивающуюся спину Яши, удаляющегося тропкой, старик пожевал губами, невесело усмехнулся: «Небось перво-наперво к Зойке, обрадует ее. А все же не могли годок-другой погодить. Приспичило им, паршивцам».

Изот Лагутин ошибся в своих предположениях, думая, что Яша прямо от него подастся к Зое, обрадовать ее полученным согласием. Нет, Яша из кузни поспешил домой. С девушкой у него уж все было согласовано, а вот с матерью только еще предстояло говорить. А толковать с Фирой на подобную тему было очень непросто — она на это всегда болезненно реагировала. И не потому, что не желала семейного счастья своим детям, а из опасения хоть на время разлучиться с ними. Жалея мать, Яше надо было бы немного повременить, но молодость, в большинстве случаев, ждать не хочет.

Был уже вечер, когда Яша, тщательно оскреб сапоги на крыльце и вошел в дом. Мать была одна на кухне. Закатав рукава так и не снятой выходной батистовой кофточкой с широким отложным воротником, она, собираясь печь хлеб, в лохани у плиты месила тесто. Перед самым закатом солнце прорвало наконец-то густую завесь туч и всю кухню затопило багровыми лучами. Оттого и сухонькое, сосредоточенное лицо Фиры слегка розовело, было почти одного цвета с косынкой, туго охватывавшей ее голову. При виде Яши она выпрямилась, тыльной стороной ладони вытерла коричневый лоб, усмехнулась:

— Ты уже вернулся?

Яша как-то тяжело опустился на табуретку и, не отвечая, спросил сам.

— Что-то тихо дома. Где все наши?

— Багряна пошла кроить к Брайне, молодежь подалась в клуб, а Мишка, как всегда, где-то шлендает.

— Так. Хорошо! — облегченно вздохнул Яша.

Перестав на миг месить, Фира как-то странно взглянула на сына.

— Хорошо? А что такое?

И Яша, решившись, приподнялся, придвинул к себе второй табурет.

— Сядь, мама, разговор есть.

— Что сегодня за день такой? У всех — одни разговоры. Так, может, я все же отсюда послушаю тебя.

— Нет. Иди сюда, садись, — настойчиво повторил Яша.

Зная характер сына, Фира поняла, что разговор и в самом деле предстоит серьезный. Тогда она не спеша счистила с рук налипшее тесто, ополоснула их, вытерла краем передника и, накрыв лохань чистой рядниной, присела к столу.

— Ну, так о чем ты хочешь говорить?

Яша поднял голову и, словно был тому виной, торопливо перевел взгляд с усталых, напряженных глаз матери на ее скорбно поджатые блеклые губы, на красные, раздавленные работой руки, покоившиеся теперь на столе. Жалость к ней, худенькой, утомленной, перенесшей ради них столько горя и готовой в любую минуту на новые страдания, обручем сдавила ему грудь. Засопев, он отвернулся к окну и долго молчал.

Украдкой вытерев глаза, Фира ласково тронула его за плечо.

— Что же ты хотел сказать, сынок?

— Не знаю, как и начать. Я надумал... Мы решили... Одним словом, хочу жениться. Ты как, мама?

Сказал и даже голову слегка втянул в плечи, ожидая реакции, подобной той, когда в обед Ленка заикнулась о предоставленной ей квартире.

Но Фира к сказанному отнеслась спокойно. Спустя минуту она лишь коротко спросила:

— На ком?

— На Зое Лагутиной, кузнецовой дочке.

— Что ты мне объясняешь? Наверно, я ее знаю не хуже тебя... Та-а-а-ак. Ты прости меня, сынок, за вмешательство, но как же агрономша?

Даже сквозь крепкий налет загара было видно, как в лицо Яше кинулась кровь. Он смущенно опустил

голову, подумал: «Выходит, она все знала. А я-то ду- рень...»

— С ней все кончено. Да и переехала она сегодня к Мазаннику.

— Это еще не факт. И не беда, что она была когда- то мужем, что ребенок есть. Главное — сердце. Ты свое сердце хорошо спросил? Потом хватишься, сынок, да поздно будет. А я баловства не люблю.

— Мама, я же взрослый человек! Я люблю Зою, понимаешь ты это?

— Что ты кричишь? Я понимаю. Это хорошая де- вочка, и если так, то дай вам бог счастья!

— Но это еще не все, мама.

— А что еще?

— Кузнец хочет, чтоб ты с ним все обговорила.

— Прямо сейчас?

— Можно и завтра.

— Хорошо.

Из дома Яша вышел степенно, но затворив за собой калитку, понесся по улице, как лист, подхваченный по- рывом ветра. А Фира, уткнувшись в окно, какое-то вре- мя глядела ему вслед. И улыбалась вымученно. А когда густые лиловые сумерки поглотили Яшу, она снова при- села к столу и заплакала.

Хотя Изот Лагутин и ждал Фиру, и внутренне гото- вился к разговору с ней, исход которого все равно не изменил бы сути дела, так как молодые сами уж все обрешили, ее приход, однако, несколько застал его врас- плох. Встретив будущую сватью у порога, он, провожая ее до стола, за которым только обедал, растеряннo ронял в бороду:

— Милости просим, уважаемая. Пообедайте с нами. Зойка, принимай гостью!

— Спасибо! Я ненадолго, — прижимая руку к гру- ди, благодарила Фира, а сама уже плотно усаживалась на стул, услужливо поданный кузнецом.

На миг на кухне показалась Зоя. Пламенея потуп- ленным лицом от пристального взгляда Фиры, она про- ворно поставила на стол бутылку водки, два граненых стаканчика, подрезала хлеба, затем вышла зачем-то в сени. И до позднего вечера так и не вернулась в избу.

А за столом Фира круто взяла разговор в свои руки:

— Я пришла, Изот Несторович, разузнать: вы как, отдадите дочку за Якова моего?

Старый Лагутин поднял с колен заскорузлые креп- кие руки и слегка развел ими.

— Отдам, куды же денешься.

— Вот и слава богу, — радостно зачастила Фира. — Сын мой — хороший парень. Зойка за ним будет как за каменной стеной. В хорошем смысле этого слова.

— Полагаю.

— И полагать нечего. Я своего сына знаю. Ну, а обо всем остальном — о свадьбе там, о гостях, о разных там мелочах-шмелочах мы тем более договоримся, — донельзя довольная, сказала Фира.

— Договоримся, об чем речь, — согласно кивая куд- латой головой, бубнил кузнец.

Он расторопно откупорил бутылку, наполнил ста- канчики водкой; один с поклоном поднес Фире, другой взял в руку. Но пить почему-то не торопился. Мешала Изоту одна загвоздка, которую необходимо было ре- шить немедленно. Разглядывая содержимое стаканчика на свет, он, густо прокашлявшись, вдруг сказал:

— Я что спросить у тебя хочу, Фира Львовна. У ва- шей нации какой закон — невестку в дом берете али как?

Фира, вытерев ладонью сухие губы, любопытно взглянула на кузнеца: «К чему это он?» Однако отве- тила сдержанно.

— Конечно, берем. Только какие теперь законы, Изот Несторович. Молодежь по-своему живет.

— И то верно, — вздохнул Лагутин. — У них тепе- рича свои порядки. Однако я к чему такое спросил. Интересно мне знать, где жить-то будут молодые опос- ля свадьбы. У тебя, мне известно, негде. Там дочка с зятем проживают, да еще невестка со внучонком. Имя бы в самый аккурат тута жить, — ткнул он пальцем куда-то в пол. — Я ить один слоняюсь по энтим хоро- мам. Ты как полагаешь?

— Я, Изот Несторович, как молодые. Захочет Яша с Зоей у вас жить — нехай. На здоровьишко им.

— Ну, тогда мы, сватья, с тобой совсем поладим. Тогда выпьем за здоровье да за счастье наших детей!

Жилищный вопрос у Яши с Зоей решился, однако, не так, как того желал старый Изот Лагутин. Через день, когда Яша рано утром зашел в контору колхоза, чтобы заранее уладить с Фрейдиным вопрос о транспорте для вывозки зеленой массы кукурузы с поля к силосным ямам, тот, пообещав предпринять все возможное и невозможное, вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Яков, я краем уха слышал, будто жениться собираешься? Верно, а?

— А мне что, разве заказано?

— Да нет, — взглянув на прислонившегося к подоконнику Субботина, весело засмеялся Фрейдин. — Женись на здоровье, раз охота есть. Наоборот, я на твоей свадьбе с большим удовольствием попляшу. Как, Иван Иванович, попляшем?

— У него можно, заслужил.

— Вот. Хотя ты и работник МТС, а видишь отношение к себе колхозного руководства?

— Спасибо. Буду рад видеть вас обоих на своей свадьбе.

— Сухим спасибом не отделаешься, конечно, — вновь хохотнул Фрейдин. — Но это потом. А сейчас ближе к делу. У нас вот с парторгом такая идея родилась. Надумали мы справить тебе колхозную свадьбу. И как подарок — выделить одну из хат на новой улице. Назовем ее, допустим, Комсомольской или Молодежной, сделаем самой красивой. Думаем завести в колхозе свой обычай — будем хорошим парам делать свадьбы, выделять дома, по первости — помогать материально. А начать хотим с тебя. Мы к чему это затеяли? Тебе можно сказать, ты свой парень, коммунист, и должен понять. Мы хотим молодежь удержать в селе. Как ты думаешь?

— Я что? Я думаю — хорошо будет. Думаю, людям только спасибо скажут.

— Значит, ты согласен?

Яша улыбнулся:

— Кто же от дармовщины отказывается?

Вскоре, выйдя из конторы, Яша, оглянувшись, не видит ли кто, трижды плюнул через плечо. Он не был суеверным человеком, но слишком уж гладко все шло с женитьбой, и это невольно будило опасение.

Фрейдин подымался в гору. Чуть поотстав, за ним поспешал Субботин.

— Слышь, Наум? Надо Гуцылюка подключить. Пусть он возьмется за райпо. Левитов такой хват, такой хитрюга, что за им токо поглядывай. Он первым делом свою выгоду ищет. Вот придем, и я Николаю Тарасовичу брякну. Пусть он ему всыплет! Да не беги ты так. Сердце ажно в ушах стучит!

— Я сам позвоню Левитову, — тяжело переводя дух, отвечал Фрейдин. — Должен же он совесть иметь или нет? Я его отматерю на чем свет стоит. Чтоб знал, как обещать и не делать! Трепач.

Ухватившись за таловую хворостину, Фрейдин первым забрался на кручу, подал руку Субботину. Поднявшись, тот все еще ворчал:

— И чего тебя поволокло напрямки? Дышать нечем.

— Это еще раз говорит о том, что иногда нам не вредно поразмяться. Жиреть мы начинаем.

Фрейдин снял фуражку, вытер потный лоб и глянул вниз. На берегу, у самой кромки тусклой воды, бугрилась темно-зеленая гора свезенных сюда арбузов. Чуть в стороне на принесенном из дому стульчике сидел дед Агеич. Зажав между ног суковатую палку, старик горбатился и глядел на Амур. Легкий ветерок шевелил на спине рубаху, выпущенную поверх брюк.

У выезда он увидел пароконную телегу, неторопко ползущую вверх. Обочь ее, придерживаясь рукой за грядущку, вышагивал крутоплечий Филипп Вологин, только что сгрузивший последнюю сотню привезенных с бахчи арбузов. Метрах в двадцати от выезда в реденькой тени низкорослого боярышника сидели четверо мальчишек. Вглядевшись, чем они занимаются, Фрейдин засмеялся.

— Вот бесенята, все-таки слямзили!

— Чего слямзили? — думая о своем, Субботин недоуменно повернулся.

— Да не туда ты смотришь. Вон у куста, видишь пацаны кружком сидят?

— Ну?

— Сидят и едят арбузы. Трахнут об коленку и шмалют.

— Я говорил тебе, что не надо Агеича ставить в сторожа, — сказал Субботин. — Его и самого могут уволочь. Он спит на ходу. А пацанам только это и надо.

— Подумаешь, ну съедят они один-два кавуна. Не разорят же этим колхоз! А им громаднейшее удовольствие. Знаешь, Иван, хороший ты мужик в общем-то. Почти во всех отношениях. И в то же время странный какой-то. Все у тебя взвешено, разграничено, забрано в рамки. Ты как Потап наш. Все вроде бы к месту, все порошки, щипцы разложены по ящичкам, полочкам. Чисто, порядок, а только временами тошновато становится от всей этой выхолощенности. Вот и арбузы эти. Да нехай пацаны их едят. На здоровье им. Много ли мы им пока других радостей наготовили? Вот видишь? Ну ладно, пойдем скорее.

Задами огородов они двинулись к конторе. Субботин, поглядывая сбоку на седеющие завитушки волос, выбивающиеся из-под фуражки Фрейдина, вдруг глухо сказал:

— Наум, я слухом пользовался, будто бы вы с Варварой Щепетовой это самое... живете? Правда, что ли?

У Фрейдина, как от неожиданного удара, вздрогнули плечи.

— Ха, не успеешь возле конторы чихнуть, а уж на другом конце села, у Козырина, слышно. Ну народ! Тебе что, больше не о чем говорить?

— Не крути, Наум, — сказал Субботин. — Я серьезно спрашиваю.

— Поменьше бы слушал баб, больше здоровья бы сохранил.

— Мне не баба сказала.

— Чего ты хочешь, Иван? — озлобляясь, выкрикнул Фрейдин и остановился. — Ну правда! Живем с ней, дальше што?!

— Не кричи, — опасливо покосившись на огороды, оборвал его Субботин. — Спросить-то я имею право? Даже не как секретарь, как друг? Пошли, что стал?

— Слышал, ну и на здоровье, и держи при себе. — Фрейдин двинулся дальше. — А зачем еще спрашивать? Подробности хочешь знать?

— Иди ты к лешему со своими подробностями!

И злиться тут нечего. Парторг я или нет, если уж на то пошло? Должен я знать о коммунистах или нет?

— Должен, но не все.

— Нет, все!

— Это долгий спор, Иван... Ну хорошо, теперь ты уже все знаешь и можешь успокоиться.

— За меня не переживай, я всегда спокоен, — раздумчиво проговорил Субботин. — А что будем делать, ежели до твоей жинки слух дойдет? Она начнет жалиться на всех нас в райком. Придется на собрание ставить. Схлопочешь тогда неприятность. И я ничем не пособию.

— А я тебя и не прошу.

— Ты, однако, подумай, Наум. Председатель колхоза из тебя толковый, и не хотелось бы, чтоб из-за бабы...

— Я Варвару люблю, можешь ты это понять? И жить буду с ней! А кто будет лезть ко мне, я буду посылать его ко всем чертям. И давай, Иван, больше об этом не говорить.

— Как знаешь. Я все же хотел предупредить.

— Годи, Субботин. Давай менять пластинку.

Недовольные друг другом, они прошли еще несколько десятков шагов. Сильно сутуля спину, Фрейдин шел быстрым, каким-то падающим шагом. Субботин, спустя немного, догнал Фрейдина, взял за рукав.

— Наум, глянь на дорогу. Видишь? Ну будет тебе злиться.

— Что? — очнулся тот от своих мыслей.

— Да Штейн, говорю, выкомаривает.

— Штейн, где? А ну пойдем!

Они свернули с тропки и по неширокой бурьянистой пустоши, разделявшей огороды, вышли в улицу. Там увидели, как Лева Штейн и его Белла пытались и никак не могли сдвинуть с места заупрямившуюся свинью. Штейн дергал за веревку, захлестнутую на ноге худой вислоухой свиноматки, та, упиравшись, пронзительно визжала. Белла, выведенная из себя упрямством животного, стегала ее хворостиной, успевая при этом клясть во все горло и мужа, и стоявшего неподалеку Александра Громберга, и весь белый свет. Громберг, ледащий, ради розыгрыша готовый отца родного продать, невысокий

щупловатый мужичок, стоя в своей ограде, тихо посмеивался.

— Что случилось? Что вы кричите на всю улицу? — спросил Фрейдин, отняв у Беллы хворостину и отбросив ее в сторону.

— Что мы кричим? — Белла еще сильнее замахала руками. — А как не кричать, если мой дорогой муж, этот придурковатый, скоро сведет меня в могилу! Я уже и так еле держусь на ногах от его штучек. Смотри, Наум Моисеевич, что от меня уже осталось: кожа да кости. — Белла оттянула платье на круглом, плотном животе. — Сегодня ему загорелось отвести чушку, чтоб ее кабан покрыл. Ну так хорошо, разве я против, если она хочет погулять? Так сделай же, как все люди, и отведи ее на свиноферму. Но нет, он послушался такого же идиота, как сам! — Тут она кивнула на Громберга. — И потянул нас сюда.

— Ну и что? — прикрывая ладонью подрагивающие губы, спросил Фрейдин.

— А то, чтоб им обоим пусто было! — Сжав крепкие кулачки, Белла замахнулась на виновато отшатнувшегося мужа. — Оказалось, что у этого бездельника ленивого, у Громберга, и в помине нет кабана. У него на все обзаведенье один поросенок, и тот такой же паршивый, как и его хозяин.

— Ну ты, придержи свое помело, — вышел за ограду Громберг. — Я виноват, что он меня не понял и перся, как фраер?

— Ч-что-о? — негодуя крикнул Штейн. — Разве не ты говорил, что твой кабан лучший в деревне?

— Лева, отвяжи веревку. Свинья сама домой прибежит, — посоветовал Субботин.

Уже отдалившись от дома Громберга, Фрейдин оглянулся: все еще жестикулируя, Белла, видимо, поругивала мужа, державшегося от нее на безопасном расстоянии. А впереди них, мотая вислоухой головой и прижимаясь к плетням, вихляюще рысила свинья.

Фрейдин, сняв фуражку и швырнув ее на подоконник, присел к столу, взял телефонную трубку. Субботин, скупно улыбаясь, прислонился спиной к прохладной перегородке, из-за которой доносилось мурлыканье Мironыча.

Женский голос в трубке заученно пропел:

— Слушаю вас.

— Алле, коммутатор? Алле, алле, девушка, мне председателя райпо, — сказал Фрейдин. — Что? Вот, черт! Алле, алле, девушка, тогда Гуцылюка, пожалуйста! — Фрейдин взглянул на Субботина. Тот одобрительно прикрыл глаза. — Николай Тарасович? Добрый день, Фрейдин беспокоит. Здравствуйте, Николай Тарасович! Просьба к вам есть. Помогите, ради бога! Что? Ну, Левитов крутит. Кавуны вторые сутки лежат на берегу, а он не шлет баржу. Да сидит у него мой человек, только толку... Нет, Николай Тарасович, мы с ним по-честному договорились! Пока мы будем держать у себя баржу с катером, оба наших грузовика полностью находятся в его распоряжении. Пусть он возит свою капусту хоть с края света. Что мы? Пока обойдемся... А если кавуны пропадут, лучше будет? Вот и я так думаю. Ну хорошо, Николай Тарасович, я жду звонка.

Фрейдин опустил трубку на рычажки, стал ждать. Поглядывал на телефон и Субботин.

Вскоре прогремели крыльцу чьи-то торопливые шаги, заскрипели рассохшиеся половицы сеней, и в двери кабинета показался Арон Резник.

— Наум Моисеевич, хорошо, что я вас застал, — с порога сказал Резник и взялся за графин с водой, обливаясь, прямо из горлышка начал пить. — Договорился на два часа. Надо людей. Скоро они будут здесь.

— Ты уж что-нибудь одно делай, Арон, — сказал Фрейдин. — Или пей, или говори. Только спокойнее.

Резник поставил графин, тыльной стороной ладони вытер сначала губы, потом капли воды на рубашке.

— Я договорился насчет баржи, но не с Левитовым. Этот начал мне морочить голову. У промкомбината стоял какой-то буксир с двумя баржами, и я сходил туда. Чем черт не шутит. Узнал, что одна баржа у них наполовину пустая. Идут в Комсомольск. Я и договорился за эту порожнюю половину. Просят за нее полтысячи кавунов. Немного, на мой взгляд. На погрузку дают два часа. Я и капитана, и шкипера уговаривал, больше не могут и так рискуют.

Фрейдин сказал весьма довольный:

— Значит, в Комсомольск? Это даже лучше! Молодец, Арон! Там на кавуны голод, значит, быстрее про-

дадим. Так, значит, только два часа на погрузку? Ну, пусть сначала они причалят. Арон, когда они должны подойти?

— Я же говорю, скоро! Мы почти вместе тронулись. Наверно, через полчаса будут здесь.

— Что скажешь, Иваныч?

— Надо людей подымать, раз такое дело, — ответил Субботин. — Всех, кого только можно. Сорок тысяч арбузов до вечера едва ли успеем перекидать.

Загоревшее лицо Фрейдина за последние недели повеселело, оживилось. Разгладились даже морщины, до этого сильно старившие его. Глаза лучились.

«Должно, на пользу ему Варвара-то», — сдерживая вздох, подумал Субботин.

Фрейдин, постукивая ребром ладони по столу, сказал:

— Ты, Арон, собирайся в дорогу. Поедешь торговать. Кого тебе дать в помощники?

— На разгрузку? — спросил Резник. О том, что ему не хотелось бы ехать, он даже не стал заикаться. Если уж Фрейдин назвал кого, значит, он все хорошо обдумал и отказываться бесполезно.

— Я тебе не за грузчиков толкую. Я спрашиваю, кого тебе дать в помощники?

— Я знаю?.. Кого хочешь.

— Подожди, а может, Боровик поедет с тобой? — Придерживаясь рукой за край стола, Фрейдин наклонился к перегородке, стукнул по ней. — Мироныч, ну-ка зайди сюда!

Мироныч, сняв очки, подчеркнуто шаркающей походкой подошел к столу. Застыл в полупочтительном поклоне.

— Я весь внимание, Наум Моисеевич.

Фрейдин, пододвинув счетоводу табуретку, сощурился.

— Слушай, Мироныч, хочешь проветриться, а?

Боровик осторожно присел и, зажав в пальцах очки, устало сложил на коленях руки.

— А куда, позвольте вас спросить? По какому делу?

— Да тут недалеко, в Комсомольск. С Резником вот поедете кавуны продавать.

Дужкой очков Мироныч почесал переносицу, избегая глядеть на Фрейдина.

— Шуткуете, Наум Моисеевич. А между тем сами знаете, сколько у меня своей работы. Просил ведь какую-нибудь девчонку, помощницу — не даете! Трудодни бережете. У меня здоровье уже неважное, сердце пошаливает. А на барже сыро...

— Ах, да! Я совсем забыл о твоём сердце, — с досадой сказал Фрейдин. — Ну, извини, Мироныч, делай свою работу. Деньги выдай Резнику в подотчет. Пятьсот рублей, и справку подготовь: кто такие, зачем едут, какой груз.

— А ты все-таки надеешься уговорить капитана? — спросил Субботин, когда за счетоводом закрылась дверь.

— А что делать? Попробую. Ох, надо же Гуцылюка предупредить! — спохватился Фрейдин. — А то получится недоразумение. Ну, ты иди, Иван. Собирай народ. Пусть завклубом вечером кино организует, прямо на берегу.

Фрейдин позвонил в райком, потом прошел на половину Варвары и, не найдя ее в доме, вернулся на крыльцо конторы, закурил.

Вершины тополей у ограды надвигавшаяся осень уже окрасила в желтый цвет увядания. На телефонных проводах, словно прищепки на бельевой веревке, разрозненно сидели ласточки. Грелись у завалинки куры.

Осень наступает, а с нею новые заботы!

Варвара, мывшая в летней кухне пол, показалась с ведром в проеме двери. Увидев Фрейдина, она отодвинула ведро.

— Есть будешь? — заглядывая ему в лицо, спросила Варвара.

— Какая к черту еда! — грубо отказался он.

— Что так? — Варвара отступила, сникла. Вокруг ямочек на полных щеках ее стала растекаться обидчивая бледность.

— Да ты не обижайся, Варюша. Ну вот еще. — Фрейдин придвинулся, полуобнял Варвару, через ткань ощущая тепло ее тела. — Ну, честное слово, в самом деле некогда. С минуты на минуту должна пристать баржа, и надо грузить на нее арбузы. Слушай, помоги-ка собрать женщин. Уговоришь несколько человек, и то ладно. Да, а где Андрюшка?

— Посиди где-то. А зачем он тебе?

— Хотел его за Проданом послать. Ну, я побежал на берег, там увидимся.

Была глухая пора ночи, когда Фрейдин, медленно пройдя двором, тихо поскребся в переплет створки окошка на хозяйской половине дома. Варвара, не ложившаяся еще спать, тотчас раздвинула полотняные шторы.

— Наум, ты? — приглушенно спросила она.

— А ты кого-то другого ждешь? — пробурчал он и, ухватившись за подоконник, встал одной ногой на завалинку. — Андрюшка спит?

— Он теперича у деда ночует. Фу, выпил ты, что ли? Ну, заходи.

Варвара повела смутно белевшими голыми плечами.

— Пришлось немного коньяку с капитаном, — виновато признался он.

Скинув у порога горницы пыльные свои брезентовые сапоги, Фрейдин присел на край разобранной постели, стал стаскивать с себя гимнастерку. Закрыв окно и задернув шторы, Варвара спросила:

— Дать что поесть?

— Спасибо, Варя, не хочу. Устал я, — сказал Фрейдин, поднялся и повесил гимнастерку на спинку стула. — Фу-у, — облегченно перевел он дух, словно только сейчас сбросил с плеч непомерную ношу. — Слава богу, уехали Резник с Проданом. А я, признаться, боялся, не сумеем все погрузить.

Варвара, видимо, думала совсем о другом, едва Фрейдин замолчал, она ревниво спросила:

— А что так поздно, Наум? Буксир-то ишо когда прогудел?

— Э-э, да ты, оказывается, и ревновать умеешь? Ну, успокойся. После всего я в Амуре искупался. Потом Субботин навязался со своими разговорами.

— Какими разговорами? — присев рядом на кровать, насторожилась Варвара.

— Да все с теми же, — нехотя ответил Фрейдин, уклоняясь от разговора. — Давай лучше спать. Устал я зверски.

— Нет, ты уж говори. — Варвара мягко высвободила свою руку и сказала: — Об нас, должно быть, говорил, да? Сердце мое чувствует, что об нас.

— Нехай говорит, раз ему нравится такое занятие.

— Не пойму, ему-то что за печаль?

Варвара погасила лампу, в темноте присела около Фрейдина, чуть склонилась к нему.

— Ай, не говори глупости, Варя. Если ты хочешь знать, так Иван, в конечном счете, прав. Для председателя колхоза ночные похождения никак не подходят. Честно говоря, эта канитель мне начинает надоедать.

— За чем же дело стало? Надоело ежели, кончай тогда! — вызывающе проговорила она.

Угадывая истинное настроение Варвары, Фрейдин тихо улыбнулся.

— Варя, ты опять не поняла меня. Мне самому стыдно, не по себе как-то красться к тебе по ночам. В конце концов мне же не восемнадцать лет! Подумай сама, ну что это за жизнь? От всех хоронишься, не знаешь, куда глаза спрятать. Так и ждешь чьей-нибудь ехидненькой ухмылки. Я Андрюшки твоего и то стал побаиваться. Стыдно и неприятно, понимаешь?

— Что же делать? — чуть слышно вздохнула Варвара.

— Думаешь, я знаю? По всей видимости, дальше так нельзя. Нам надо сойтись — и все.

Варваре почему-то почудилось, что говорит он не серьезно, и горькая обида пронзила ее.

— Мы и так уж...

Фрейдин досадливо потянулся к папиросам.

— Да не о том я. Хочешь, завтра же переберусь к тебе насовсем? Тогда кончатся разговоры о нас, а мы будем жить помаленьку. Хочешь?

Боясь поверить сказанному, Варвара молчала. Чаяния ее и надежды зачастую так и оставались пустыми мечтами. Поженятся они, а потом вдруг на деле все обернется иначе, чем она думала?

— Ну, так как? — подстегнул он ее вопросом, и его теплая шершавая ладонь легла на ее плечо.

«Что уж теперь гадать?» — мелькнула у Варвары мысль. Она повернулась к Фрейдину, сняла со своего плеча его руку и прильнула к ней вздрагивающими губами.

Отшумели страдные августовские дни, то сухие и знойные, то душно-влажные, с тихим цветением воды на амурских затоках и озерах. Теперь все чаще попадались на глаза приметы другого рода — свежераспаванные клинья ранней зяби, блескучие нити паутины, плывущие в спокойном светлом воздухе, желтые прядки на березах и ватные комочки на кипрее. Потемнела в заводях и протоках вода, кружились над ней полчища стрекоз.

В один из таких умиротворенных прозрачных вечеров, опустившихся на Еланцево, в конторе колхоза расширенное заседание правления обсуждало вопрос о строительстве в Еланцеве клуба. Появилась такая возможность благодаря хорошему урожаю арбузов. Этот незапланированный ранее доход можно было пустить на разные нужды, но сами колхозники предложили построить клуб. И Фрейдин согласился.

— Видишь, Иван Иванович, вот и Слободенюк тоже самое говорит, — заключая обсуждение, сказал Фрейдин. — Ну ладно, клуб так клуб. Решено! Скажем спасибо Мазаннику, Римме Григорьевне и, конечно, Варваре Щепетовой. Добрые вырастили кавуны. И люди арбузам рады, и клуб у нас будет! Вот если бы каждый так заботился о колхозном доходе. И коль к случаю довелось, скажу вот что: мы тут с Козыриным подсчитали, сколько у нас народу проживает сегодня. Одна тысяча и шестьсот две души! А собрать бы всех еланцевцев, которые поразъехались, еще одна бригада колхоза была бы. Вот и давайте жизнь своего села устраивать. Скучно стало дома-то молодым. Когда голодные были, тут верно подметили, о культуре не шибко думали. А ноне — другое дело, и доброй одежкой стали обзаводиться, и молодые веселее жить хотят. Это нам, старикам, все ладно, все по душе, а молодые не хотят по старинке жить.

Яков Печерский на заседании правления колхоза слышал лишь спор между Фрейдиным, Козыриным и Субботиным по поводу предстоящей копки картофеля. Он сам из-за этого задержался в бригаде: отлаживали картофелекопалку. Картофель тоже уродился, да вот

не помешали бы дожди. Кинутся тогда люди убирать свои огороды... А там соя еще. Хватит дел до самых заморозков.

Яков думал о предстоящих новых заботах, но его в то же время еще не оставляла мысль, что Зоя не явилась сюда, видимо, не без причины. Он сразу увидел, что ее нет, и все поглядывал на дверь, ждал.

Потом он уже один брел по улице, один сидел у Амура.

В тишину ночи вторгались далекие шлепки. Яша поднял голову, прислушался: идет снизу буксир с баржами. Должно быть, зерно везут. Вот и огоньки каравана маячат.

Ночь по-прежнему копилась густой темнотой. Мигающие цепочки огней как бы двигались, пританцовывали в текучей воде. Яша шурился, глядел и на эти подрагивающие огоньки и на Полярную звезду, трепетавшую вверху голубым мотыльком.

По протоке к берегу наплывал жиденский туман. Тонкие ветви тальника, казалось, натягивали на себя прозрачный полог, чтобы согреться.

Яша почувствовал, что начало холодить ноги. Нечего уже было ждать, но он все еще надеялся и тянул время. Пошарил рукой вокруг, ухватил подвернувшийся голыш и с силой швырнул его в реку. Река отозвалась гулким всплеском. Он сгреб тогда горсть гальки и начал швырять камешки один за другим. Это помогло ему согреться.

Но вот он насторожился, застыл: послышались торопливые шуршащие шаги. Яша был уверен, что это Зоя спешит сейчас берегом. Он для чего-то натянул потуже фуражку и, улыбаясь радостно, зашепшил навстречу этим летящим шагам...

Биробиджан

Ш 78 Родная земля. Хабаровск, Кн. изд., 1978.

160 с.

В повести Романа Шойхета «Родная земля» рассказывается о жизни небольшого села в первом трудном послевоенном десятилетии. На дальневосточной земле в междуречье Биры и Биджана нашли свое счастье герои повести — люди, объединившиеся в колхоз и строящие новую жизнь.

Ш 70302-03
М160(03)-78 24-78

Р 2

Роман Самойлович Шойхет

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Редактор *Н. Т. Кабушкин*
Художник *В. Н. Антонов*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технический редактор *Л. А. Польщикова*
Корректоры *Л. М. Гракович, Н. П. Рыжова*

Сдано в набор 18/XI 1977 г. Подписано к печати 17/II 1978 г. ВЛ 03107
Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,40.
Уч.-изд. л. 8,52. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4294. Цена 70 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.